

ISSN 2412-8562 (print)
ISSN 2658-7777 (online)

ДИСКУРС

■ ■ ■ DISCOURSE

1/2025

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург
2025

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 11. № 1/2025

DISCOURSE

Volume 11. No. 1/2025

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2025

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetsckaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Якименко А. В. Реальность как предмет научного знания в философии Пьера Дюгема	5
Мамина Р. И., Ильина А. В. Новации современного искусственного интеллекта: ценностно-ориентированный подход	16
Добронравов К. О. Образ противостояния в современных кинопрактиках о космической гонке.....	31

СОЦИОЛОГИЯ

Кришталь М. И., Колокольцева П. С. Уровни политического доверия молодежи Калининградской области	41
Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований	52
Кудрявцева М. Е., Чурина Е. Н. К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования цифрового полилога.....	71
Новожилова О. А. Доступная среда для молодых инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ.....	90

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Везнер И. А., Лисица И. В. Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах	103
Коломейцева Е. Б. Жанровая гибридикация как авторская стратегия в романе М. Пессл «Night film»	116
Палехова О. В. Прагматика современного немецкоязычного медиадискурса	127
Степанова Н. В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса	138
Миронова М. Ю. Модели речевого поведения субъекта в ситуации возражения (на примере англоязычного научного дискурса).....	155
Атаманова О. В. Героический дискурс в контексте перевода англоязычных сказок (на примере произведений Дж. Р. Киплинга).....	166
Правила представления рукописей авторами	176

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Yakimenko A. V. Reality as a Subject of Scientific Knowledge in the Philosophy of Pierre Duhem	5
Mamina R. I., Ilina A. V. Innovations of Contemporary Artificial Intelligence: Value-Based Approach	16
Dobronravov K. O. Image of Confrontation in Modern Cinematic Practices about the Space Race.....	31

SOCIOLOGY

Krishtal M. I., Kolokoltseva P. S. Levels of Political Trust among Young People in the Kaliningrad Oblast	41
Drach V. E., Torkunova Yu. V. Implementation of Generative Artificial Intelligence in Sociological Research.....	52
Kudryavtseva M. E., Churina E. N. On the Issue of Using the Terms “subject”, “actor”, “discoursant” in the Context of a Sociological Research of Digital Polylogue	71
Novozhilova O. A. Accessible Environment for Young People with Disabilities in St Petersburg: Sociological Analysis	90

LINGUISTICS

Vezner I. A., Lisitsa I. V. The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the “Anti-Terrorism Measures” Concept Sphere in English and Russian Linguocultures.....	103
Kolomeytseva E. B. Genres Hybridisation as an Author’s Strategy in “Night Film” Novel by M. Pessl.....	116
Palekhova O. V. Pragmatics of Modern German-Language Media Discourse	127
Stepanova N. V. Essential Characteristics of Media Political Discourse.....	138
Mironova M. Yu. Models of the Person’s Speech Behavior in a Situation of Objection (by the Example of English Scientific Discourse).....	155
Atamanova O. V. Heroic Discourse in the Context of Translating English-Language Fairy Tales into Russian (J.R. Kipling’s Works Used as the Example)	166

Оригинальная статья
УДК 165.82
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-5-15>

Реальность как предмет научного знания в философии Пьера Дюгема

Артем Владимирович Якименко

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
yakimen81@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0005-4026-1066>*

Введение. Статья посвящена вкладу Пьера Дюгема в формирование предмета философии науки. Его основной труд был отмечен Эрнстом Махом, который написал предисловие к его основной философской работе. Обычно второй этап формирования позитивизма связывают с именами Э. Маха, Р. Авенариуса, А. Пуанкаре и совсем редко включают в состав эмпириокритиков П. Дюгема. Однако Дюгем является одним из крупнейших представителей позитивистской традиции, кроме того, он оказал влияние на формирование аналитической философии. Не случайно его идеями воспользовался У. Куайн, сформулировав тезис Дюгема–Куайна. Дюгем был фундаментальным физиком, представителем позитивизма, и в то же время его можно отнести к самым глубоким метафизикам своего времени. Его метафизика проявляется в постоянном поиске отношения реальности и физической теории ее описывающей. Поэтому целью статьи является выяснение сущностных и конститутивных оснований философии Дюгема, определяющих его позицию одновременно как эмпириокритика и серьезного метафизика. Научная новизна исследования состоит в том, что в статье демонстрируется методологическая роль философских онтологических парадигм в становлении и развитии науки.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на компаративный анализ текстов П. Дюгема («Физическая теория. Ее цель и строение»), эмпириокритика Э. Маха («Познание и заблуждение»), представителя аналитической философии У. Куайна («Две догмы эмпиризма») и неокантианца Г. Файхингера («Философия “Как если бы”»), а также работ исследователей разных аспектов философии Дюгема: А. Лорети, М. Буццони, С. Л. Джаки, Р. Ниалл Д. Мартин, М. Геген, С. Псиллоса; Э. С. де О. Барра; Э. Штрёкер. В статье применялся аналитический метод прояснения основных понятий философии Дюгема и концептуальных оснований отношения научного знания и реальности в его понимании науки.

Результаты и обсуждение. О Дюгеме можно говорить и как о глубоком исследователе структуры и цели физической теории (он занимался термодинамикой, гидродинамикой, теорией упругости, теорией магнетизма, ввел понятие термодинамических потенциалов, скорости производства энтропии, вывел уравнение изотермы химической реакции) и как об оригинальном метафизике. В круг его метафизических проблем попадает вопрос об отношении физической теории и реальности. Дюгем утверждает, что выбор физической онтологии в конечном счете определяется метафизи-

© Якименко А. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

кой, а не собственно физикой, и теория как объяснение реальности зависит от метафизической позиции, которую занимает ученый.

Заключение. В философии науки Дюгема научное знание представлено как инструмент описания экспериментальных законов, но в то же время как их естественная классификация, отражающая действительный, онтологический порядок вещей. Таким образом, концепцию Дюгема о природе научного знания можно охарактеризовать как позицию ученого физика, который, стремясь к «совершенной теории», приходит к метафизике эпистемологического реализма.

Ключевые слова: реальность, реализм, инструментализм, фикционализм, физика, метафизика, физическая теория

Для цитирования: Якименко А. В. Реальность как предмет научного знания в философии Пьера Дюгема // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-5-15.

Original paper

Reality as a Subject of Scientific Knowledge in the Philosophy of Pierre Duhem

Artem V. Yakimenko

*Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia,
yakimen81@mail.ru, <http://orcid.org/0009-0005-4026-1066>*

Introduction. This article is devoted to Pierre Duhem's contribution to the formation of the subject of philosophy of science. His main work was recognised by Ernst Mach, who wrote the preface to his main philosophical work. Usually the second stage of the formation of positivism is associated with the names of E. Mach, R. Avenarius, A. Poincaré, and very rarely include P. Duhem among the empiriocritics. However, Duhem is one of the greatest representatives of the positivist tradition, besides he influenced the formation of analytical philosophy. It is not by chance that his ideas were used by W. Quine, formulating the Duhem-Quine thesis. Duhem was a fundamental physicist, a representative of positivism, and at the same time he can be referred to the deepest metaphysicians of his time. His metaphysics is manifested in the constant search for the relation between reality and the physical theory describing it. The notions "reality" and "real" occur more than fifty times in his work on the structure of physical theory. Therefore, the aim of the article is to clarify the essential and constitutive foundations of Duhem's philosophy, which define his position as both an empirio-criticist and a serious metaphysician. The scientific novelty of the present study is that the article demonstrates the methodological role of philosophical ontological paradigms in the formation and development of science.

Methodology and sources. The results of the research were based on the comparative analysis of texts by P. Duhem ("Physical Theory. Its Purpose and Structure"), empiriocritic E. Mach ("Knowledge and Delusion"), representative of analytical philosophy W. Quine ("Two Dogmas of Empiricism") and neo-Kantian G. Feichinger ("The Philosophy of "As If"). Quine ("The Two Dogmas of Empiricism") and neo-Kantian G. Feichinger ("Philosophy "As If"), as well as the works of researchers of different aspects of Duhem's philosophy: A. Loreti, M. Buzzoni, S.L. Giacchi, R. Niall D. Martin, M. Gegen, S. Psillos; E.S. de O. Barra; E. Ströcker. The article also applied an analytical method to clarify the basic concepts of Duhem's philosophy and the conceptual foundations of the relation between scientific knowledge and reality in his understanding of science.

Results and discussion. Duhem can be spoken of both as a profound investigator of the structure and purpose of physical theory and as an original metaphysician. Within the circle of his metaphysical concerns falls the question of the relation between physical theory and reality. Duhem argues that the choice of physical ontology is ultimately determined by metaphysics rather than by physics proper, and theory as an explanation of reality depends on the metaphysical position the scientist takes.

Conclusion. In Duhem's philosophy of science, scientific knowledge is presented as a tool for describing experimental laws, but at the same time as their natural classification, reflecting the actual order of things. Thus, Duhem's conception of the nature of scientific knowledge can be characterised as the position of a physicist scientist who, striving for a "perfect theory", comes to the metaphysics of epistemological realism.

Keywords: reality, realism, instrumentalism, fictionalism, physics, metaphysics, physical theory

For citation: Yakimenko, A.V. (2025), "Reality as a Subject of Scientific Knowledge in the Philosophy of Pierre Duhem", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-5-15 (Russia).

Введение. В статье рассматривается участие французского физика и философа Пьера Дюгема в формировании предмета философии науки. С момента своего зарождения в конце XIX в. философия науки последовательно отрицала существование априорного знания в понимании Канта. Это осуществлялось как в эмпирическом духе Маха, так и в духе исследований физической теории Дюгема, которого Мах считал своим «соратником» [1].

Основной труд Дюгема «Физическая теория. Ее цель и строение» [2] был отмечен Махом, который в предисловии к этой работе хвалит Дюгема за компетентность в теории познания и «настойчивое указание на тесную неразрывную связь между экспериментом и теорией» [3, с. 3–4].

Дюгема и Маха объединяет интерес к фактическим основаниям реальности и отношению реальности и научной теории. Но вопрос в том, что понимать под «реальным»? В отличие от Маха, научные теории, согласно Дюгему, не могут быть сведены к комплексам связанных друг с другом чувственных ощущений. В соответствии с представлениями Дюгема, основой научной физической теории является эксперимент, который заключается в точном наблюдении явлений, сопровождаемом теоретической интерпретацией. Теоретическая интерпретация явлений накладывается на конкретные данные, реально собранные в наблюдении, и результируется в символических формах, обеспечивающих экономию научного мышления [4, р. 372–373].

По непонятным причинам Дюгем остается в тени интереса историков философии науки при исследовании процесса формирования идей эмпириокритицизма, которые связывают в первую очередь с именами Э. Маха, Р. Авенариуса, А. Пуанкаре. Однако Дюгема также следует отнести к крупнейшим представителям позитивистской традиции и, кроме того, следует отметить его вклад в формирование аналитической философии, что отразилось в формулировке знаменитого тезиса Дюгема–Куайна.

Возобновление интереса к философии Дюгема начинается с 50-х гг. XX в. В последнее время встает вопрос об определении роли Дюгема в дискуссиях о недостаточной детерминированности теорий данными и о значении репрезентативной ценности теорий. Дюгем вводит понятие репрезентации как технический термин, который отражает специфический метод построения физических теорий, основанный на абстрагировании, связанном с символизмом, что делает возможной математизацию природы [5, р. 56].

Комплекс проблем, которые затрагивает Дюгем в своей физической теории, свидетельствует о его глубочайшем интересе и к метафизике. Слова «реальность» и «реальное» в его основном труде, посвященном структуре и цели физической теории, встречаются более пятидесяти раз. Целью предлагаемой статьи является выяснение сущностных и конститутивных оснований физики и философии Дюгема, определяющих его позицию одновременно как эмпириокритика и серьезного метафизика.

Методология и источники. Для достижения указанной цели использовался следующий научно-методологический инструментарий. Поскольку Дюгем писал в такой насыщенной спорами интеллектуальной обстановке, напрашивается компаративистский анализ его текстов «Физическая теория. Ее цель и строение» [2] и эмпириокритика Э. Маха «Познание и заблуждение» [6]. А поскольку идеи Дюгема повлияли на формирование аналитической традиции, уместно проследить его влияние на некоторые аспекты философии Куайна («Two Dogmas of Empiricism») [7]. С другой стороны, существует корреляция относительно природы научных гипотез Дюгема и «полезных научных фикций» Ганса Файхингера, которые он высказывает в своей философии «как если бы» [8].

В статье используется критическая литература исследователей философии Дюгема: Э. Барра и Р. Сантос [9]; М. Буццони [1]; М. Геген и С. Псиллоса [5]; С. Джаки [10]; А. Лорети [11]; Р. Н. Д. Мартин, [12]; Ф. Р. Лейте и Ж. Ф. Стоффель, [13]; Э. Штрёкер [14].

Также в работе применен аналитический метод, который заключается в прояснении основных понятий философии Дюгема и концептуальных оснований отношения научного знания и реальности в его понимании науки.

Результаты и обсуждение. Исследователи отмечают важность религиозных мотивов в работе Дюгема [10, 12]. Воспитание, полученное в католической школе и парижском коллеже Станислас, оказало большое влияние на его мировоззрение. Следствием религиозности Дюгема было открытие им средневековых схоластических предпосылок происхождения ньютоновской физики. Христианские авторы, полемизируя с философией перипатетиков, стоиков и неоплатоников, оспорили космологические положения греческой религии, тем самым открыв путь науке в современном её понимании. По мнению Дюгема, поворотным пунктом для этого стало осуждение архиепископом Парижа Этьеном Темпье в 1277 г. двусот девятнадцати аристотелевских положений. Так происходил разворот христианских «философов природы» (лат. *philosophia naturalis* – именно так в Средние века обозначалось то, что сегодня мы называем наукой) от аристотелевского и неоплатонического сциентизма к современной философско-научной парадигме (лат. *scientia* в Средние века – это не наука в современном смысле, но божественное знание, выраженное на языке Аристотеля и неоплатоников) [11, с. 24–27].

Дюгемовское понимание природы научного знания выражается в следующих положениях его теории:

1. *Сутью научного знания является описание чувственных явлений в общей и абстрактной форме.* Дюгем исследует два типа физических теорий в соответствии с проведенным М. Ранкиным различием между абстрактным и гипотетическим методами формирования теории [15, р. 209–210]. Согласно абстрактному методу определение класса объектов или явлений происходит через описание, т. е. через обозначение совокупности свойств,

являющихся общими для всех объектов или явлений, составляющих класс, каким-нибудь именем или символом; согласно гипотетическому методу определение класса объектов происходит в соответствии с предположительной (гипотетической) их природой [2, с. 63–64].

Дюгем отмечает, что уже в Античности греки в изучении движения небесных тел различали задачу астронома и физика (метафизика в современном понимании): задача астронома заключается в точном описании относительных перемещений небесных тел, тогда как физик исследует причины астрономических явлений [2, с. 49].

В основании современного научного естествознания лежит соединение экспериментального метода исследования с теоретическим описанием его результатов на языке математики. Сам по себе экспериментальный метод не раскрывает реальность, которая скрывается за чувственными явлениями. Поэтому, согласно представлениям Дюгема, теоретическая физика как гипотетическое объяснение материальной реальности подчинена метафизике: она сводит анализ физических явлений, данных в чувственном опыте, к метафизическим принципам, например, у атомиста к атомам, у картезианца к протяженности. Но цель теоретической физики, согласно Дюгему, заключается не в постижении реальности вещей, а в абстрактном описании доступных восприятию явлений при помощи алгебраических знаков и символов, в форме цепи алгебраических вычислений. Алгебра – язык величайшей краткости: каждое понятие – знак; фраза дедуктивного умозаключения – операция, комбинирующая знаки [2, с. 9–27, 127–128, 147].

Дюгем пошагово анализирует процесс формирования научной физической теории: 1) из физических свойств измерительными методами ученым создаются соответствующие им математические величины (отношение между свойством и математическим символом, его выражающим, равно отношению знака и обозначенной им вещи); 2) математические величины (не физические предметы) посредством математического анализа связываются в положения; 3) эти положения переводятся в суждения о физических свойствах (гипотезы) и становятся принципами, лежащими в основе теории [2, с. 134–136].

Этот метод вполне понятен, когда физическое свойство принадлежит к категории *количества*, но каким образом физические *качества* могут быть измерены и выражены на языке алгебры? Картезианским ответом на этот вопрос было сведение всех свойств мироздания к совокупности количеств через понимание материи как чистой протяженности. Декарт, отталкиваясь от определения материи как протяженности, намеревался «построить мир», выводя из протяженности как свойства материи объяснение всех физических свойств [9, р. 15].

Однако для превращения физики в «универсальную арифметику» нет необходимости изгонять из нее качества: на языке алгебры можно выражать *различные степени интенсивности* некоего качества, соотнеся их с градуируемой шкалой степени его интенсивности. Поэтому научное заключение о том, что температура кипения воды равна 100 градусам, означает не что иное, как степень интенсивности теплоты кипящей воды эквивалентно отметке «100» на градуируемой шкале измерения. То есть математические свойства физического понятия «температура» представляют собой экспериментальные свойства понятия «теплота». Математический анализ связывает экспериментальные законы друг с другом, используя эти символические формы физических свойств [2, с. 129–142].

То, что было сказано о температуре, может быть повторено в отношении определения всех величин любой физической теории. Такой подход показывает, что Дюгем апеллировал к принципам абстрагирования, чтобы ввести новые физические понятия и соответствующие им величины. Это делает возможным символическое представление эмпирических законов. Для Дюгема необходимо, чтобы величины, к которым применимы теоретические гипотезы физической теории, были математизированы, в силу чего возможна математизация природы [5, p. 56].

Таким образом, согласно представлениям Дюгема, предметом экспериментальных законов является трактовка чувственных явлений в общей и абстрактной форме, а не реальность *per se* (лат. *сама по себе*). Физическая теория не отвечает на вопрос о природе реальностей, лежащих позади явлений, а является системой математических положений, цель которых – выразить проще, полнее и точнее систему экспериментальных законов. То есть задачей физической теории является сжатое описание экспериментальных законов и их классификация, что обеспечивает экономию мышления [2].

2. *Цель физической теории – превращение ее в естественную классификацию, отражающую действительный порядок вещей.* Исходя из понимания задачи физической теории как классификации экспериментальных законов, Дюгем определяет цель развития теоретической физики, которая заключается в том, чтобы классификация описания экспериментальных законов стала естественной, т. е. отражала действительный порядок вещей. Естественная классификация экспериментальных законов подразумевает, что связи между абстрактными идеями соответствуют реальным отношениям между конкретными явлениями. Если действительные отношения между вещами отражаются в физических теориях, то это отражение не может быть лишено порядка и цельности [2, с. 32–36, 123].

Таким образом, физическая теория не вскрывает реальностей позади явлений, но логический порядок, который она стремится установить между законами, отражает действительный порядок. Поэтому, если теория представляет собой естественную классификацию, она есть отражение реального порядка между явлениями и, как следствие, она предвосхищает данные наблюдения. На этом основании условным признаком «совершенной теории» или естественности классификации является её способность предвидеть результат эксперимента. Это показывает, что отношения, установленные нашим разумом между абстрактными понятиями, соответствуют отношениям между вещами [5, p. 68].

3. *Необходимость исторического метода в преподавании физики.* История физики показывает, что стремление исследовать природу как «реальность самих вещей» не дало результата. Когда прогресс экспериментальной физики приводит к крушению теории, описательная её часть (т. е. естественная классификация) почти вся входит в новую теорию, тогда как объяснительная («метафизика») уступает место новому объяснению. Поэтому Дюгем рассматривает описательный аспект физической теории как элемент преемственности теорий. Непрерывное развитие научного познания объясняется рассмотрением природы теорий именно как описательных или репрезентативных структур [2, с. 39–40].

По этой причине Дюгем считает необходимым изучать и преподавать физическую науку в контексте ее исторического развития. Исторический метод является для него плодотворным способом подготовки ума к восприятию физической теории. Вне исторического

контекста эмпирическое знание, лишенное теории, есть бесплотный материал, а математическая теория, отделенная от данных наблюдения, – бессодержательная форма. В отличие от математики, где ее история не является необходимым условием для изучения предмета, преподавание физики не может вестись исключительно логически. Связь между теорией и фактическим материалом, который теория выражает, подтверждается изложением истории гипотезы. Помимо этого, сама история науки, по представлениям Дюгема, может защитить физика и от «амбиции догматизма, и от отчаяния пирронизма» [2, с. 321–322].

4. *Тезис Дюгема–Куайна как развитие холистического положения Дюгема о нефальсифицируемости отдельных гипотез.* Как нельзя рассматривать теорию вне ее исторического развития, так и отдельные ее положения нельзя подтвердить или опровергнуть вне целостности теории, потому что подлинное содержание физической теории понимается как совокупность классифицируемых эмпирических законов. Поэтому невозможно определить, какая гипотеза из совокупности, составляющей теорию, является ошибочной. Научная теория есть единое целое, а выделяемые отдельные гипотезы имеют смысл только в составе единой общности [5, р. 67].

Холистическое положение Дюгема было развито в знаменитом тезисе Дюгема–Куайна. В «Двух догмах эмпиризма» американский логик утверждает, что вся совокупность наших знаний или убеждений есть логическая конструкция, которая соприкасается с опытом только по краям: «наука в целом подобна силовому полю, пограничными условиями которого является опыт. Конфликт с опытом на периферии вызывает перестройку внутри самого поля. <...> Переоценка одних высказываний влечет переоценку других в силу их логической взаимосвязи» [7, р. 37].

Куайн также, как и Дюгем, видит суть научного знания в концептуальном схематическом описании чувственных явлений. Ценность этой концептуальной схемы науки определяется степенью ее предсказательной силы. Физические объекты мы можем рассматривать как удобные концепты-посредники, вводимые в процесс познания в качестве чувственно не воспринимаемых постулируемых сущностей. Эти сущности эпистемологически сопоставимы с богами Гомера и отличаются от них только степенью, а не в принципе: «миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других мифов в том отношении, что он оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта» [7, р. 38].

5. *Соотношение природы научных гипотез Дюгема и «полезных научных фикций» Ганса Файхингера.* Подобный взгляд на природу научного познания мы находим в философии «Als ob» («как если бы») Ганса Файхингера, которую сам автор называет критическим позитивизмом [8, р. 64]. Система мышления, предложенная профессором-неокантианцем, представляет собой синтез идеализма и позитивизма, основывающийся на специфическом истолковании некоторых положений философии Канта. Файхингер говорит о проблеме соотношения сознания и природы как о рационально неразрешимой антитезе между частями материи и ощущениями (содержанием сознания). На эпистемологическом уровне анализ содержания нашего сознания заканчивается содержанием наших ощущений. Мир – это бесконечное скопление чувственных восприятий, в которых можно найти определенные закономерности сосуществования и преемственности, изучением которых ученый конструи-

рует совсем другую сферу реальности: мир движения. Суть логической работы заключается в преобразовании элементов ощущений в логические структуры – искусственные мыслительные конструкции, называемые научными фикциями. Таким образом, весь мир идей, согласно «философии Als ob», является инструментом, позволяющим нам ориентироваться в реальном мире, но не является копией этого мира [8].

Концептуальный мир идей Файхингера также, как и язык независимой от реальности математики Дюгема, конструирует научное знание природы. Но здесь следует отметить, что математическая закономерность природы проявляется только в результате её экспериментальной реорганизации. Поэтому познанная в естествознании реальность, по представлениям Дюгема, включает в себя момент созданного человеком. Научное знание реальности природы является произведённой реальностью [14]. Исходя из этого, Дюгем говорит о необходимости учитывать тот факт, что математическое развитие теории связано с доступными наблюдениями фактов посредством искусственного промежуточного члена – метода измерения. Однако между фактами и числами, их выражающими, существует различие: множество теоретических фактов (длина линии: 1; 0,9; 1,1 см) могут выражать один практический факт: 1 см. То есть практическому факту соответствует спектр теоретических фактов, но в пределах погрешности метода измерения. Поэтому, учитывая, что математическое выражение языка физики – приблизительное выражение, определяющееся погрешностью метода измерения, научная теория, даже понимаемая в значении естественной классификации, отражающей действительный порядок вещей, никогда не сможет достичь точного соответствия с описываемой реальностью [2, с. 156–170].

Таким образом, и антиреалистический фикционализм философии «Als Ob» Файхингера, и концептуальная схема науки Куайна, и эпистемологический реализм Дюгема выражают процесс научного познания как описательный процесс, формирующий в сознании структуру внешнего мира, но не раскрывающий его внутреннюю природу.

Заключение. В основе философии науки Дюгема лежит вопрос об отношении научной теории и реальности. Дюгем различает два типа физических теорий: описательные (описание чувственных явлений в символической форме) и объяснительные (анализ чувственных явлений посредством метафизических принципов). На основе исследования структуры физической теории Дюгем делает вывод, что цель теоретической физики заключается в анализе реальности вещей как абстрактном описании доступных восприятию явлений. Описательный аспект физической теории является формой преемственности теорий в контексте развития научного познания и «естественной классификацией» явлений, отражающих действительный порядок вещей.

Как нельзя оценивать теорию вне её исторического развития, так и отдельные её положения нельзя рассматривать вне целостности теории, поэтому подлинное содержание физической теории понимается Дюгемом как совокупность классифицируемых экспериментальных законов, предметом которых является трактовка чувственных явлений в абстрактной форме.

Следовательно, в основе научного естествознания лежит соединение экспериментального метода исследования с теоретическим описанием его результатов на символическом языке математики. Язык независимой от реальности математики в конечном счете и кон-

струирует научное знание природы. Но, учитывая, что математическое выражение языка физики – приблизительное выражение, определяющееся погрешностью метода измерения, научная теория, даже понимаемая в значении естественной классификации, никогда не сможет достичь точного соответствия описываемой реальности.

Таким образом, согласно представлениям Дюгема, основой научной физической теории становится научный эксперимент, который, являясь фактическим свидетелем эмпирической реальности, в то же время не является прямым сообщением о фактах восприятия. Эксперимент приобретает научную ценность только благодаря теоретической интерпретации, которая ставит отдельные явления под определенную точку зрения и тем самым придает им смысл, которым они не обладают в простом чувственном опыте. Эрнст Кассирер со ссылкой на Дюгема называет такой переход от чувственного опыта к теории «трансценденцией». Чтобы прийти к реальному результату своих исследований, физик должен превратить фактический случай, находящийся перед ним (например, определенное отклонение магнитной иглы, произошедшее при определенных условиях), в выражение идеального случая, которого требует теория. Поэтому теоретическая интерпретация эксперимента, согласно Дюгему, это то, что поднимает «вещи» физики над вещами чувства и придает им своего рода «реальность» [4, р. 372–373].

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод: на основе анализа философии науки Пьера Дюгема его позицию в вопросе природы научного знания можно охарактеризовать как эпистемологический реализм, в соответствии с которым процесс научного познания следует понимать как описательный процесс, формирующий в сознании структуру внешнего мира, но не раскрывающий его внутреннюю природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buzzoni M. Pierre Duhem and Ernst Mach on Thought Experiments // HOPOS. 2018. Vol. 8, no. 1. P. 1–27. DOI: 8. 10.1086/695720.
2. Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение / пер. с фр. Г. А. Котляра. М.: КомКнига, 2007.
3. Мах Э. Предисловие к немецкому изданию // Физическая теория. Ее цель и строение / пер. с фр. Г. А. Котляра. М.: КомКнига, 2007. С. 3–4.
4. Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionsbegriff. Untersuchungen über die Grundfrage der Erkenntniskritik. Berlin: Verlag von Bruno Cassirer, 1919.
5. Gueguen M., Psillos S. Anti-Scepticism and Epistemic Humility in Pierre Duhem's Philosophy of Science // Transversal: International Journal for the Historiography of Science. 2017. No. 2. P. 54–72. DOI: 10.24117/2526-2270.2017.i2.06.
6. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / пер. с нем. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2000.
7. Quine W. V. O. Two Dogmas of Empiricism // Philosophical Review. 1951. Vol. 60, no. 1. P. 20–43. DOI: 10.2307/2266637.
8. Vaihinger H. The Philosophy of 'As if'. A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind / transl. by C. K. Ogden. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd. 1935.
9. Barra E., Santos R. Duhem's Analysis of Newtonian Method and the Logical Priority of Physics over Metaphysics // Transversal: International J. for the Historiography of Science. 2017. No. 2. P. 7–19. DOI: 10.24117/2526-2270.2017.i2.03
10. Jaki S. L. Scientist and Catholic: Pierre Duhem. Front Royal, VA: Christendom Press, 1991.

11. Лорети А. Пьер Дюгем и непрерывное развитие науки // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 1 (13). С. 21–29. DOI: 0.24833/2541-8831-2020-1-13-21-29.
12. Martin R. N. D. Pierre Duhem. Philosophy and History in the Work of a Believing Physicist // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1993. Vol. 183, no. 4. P. 724–726.
13. Leite F. R., Stoffel J.-F. Introduction // *Transversal: International Journal for the Historiography of Science*. 2017. No. 2. P. 3–6. DOI: <https://doi.org/10.24117/2526-2270.2017.i2.02>.
14. Штрёкер Э. Философия техники: трудности одной философской дисциплины // Философия техники в ФРГ: сб. статей / пер. с нем. и англ. Ц. Г. Азраканяна, В. Г. Горохова, Ю. Б. Тупталова и др. М.: Прогресс, 1989. С. 54–68.
15. Rankine W. J. M. *Miscellaneous scientific papers*. London: C. Griffin and Company, 1881.

Информация об авторе.

Якименко Артем Владимирович – кандидат теологии (2021), аспирант (философия и наука) Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, литера Б, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, теология.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 26.08.2024; принята после рецензирования 29.09.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Buzzoni, M. (2018), "Pierre Duhem and Ernst Mach on Thought Experiments", *HOPOS*, vol. 8, no. 1, pp. 1–27. DOI: 8. 10.1086/695720.
2. Duhem, P. (2007), *La théorie physique. Son objet, sa structure*, Transl. by Kotlyar, G.A., KomKniga, Moscow, RUS.
3. Mach, E. (2007), "Preface to the German edition", *La théorie physique. Son objet, sa structure*, Transl. by Kotlyar, G.A., KomKniga, Moscow, RUS, pp. 3–4.
4. Cassirer, E. (1919), *Substanzbegriff und Funktionsbegriff. Untersuchungen über die Grundfrage der Erkenntniskritik*, Verlag von Bruno Cassirer, Berlin, GER.
5. Gueguen, M. and Psillos, S. (2017), "Anti-Scepticism and Epistemic Humility in Pierre Duhem's Philosophy of Science", *Transversal: International J. for the Historiography of Science*, no. 2, pp. 54–72. DOI: 10.24117/2526-2270.2017.i2.06.
6. Mach, E. (2000), *Erkenntnis und Irrtum: Skizzen zur Psychologie der Forschung*, Transl., BINOM. Laboratoriya znaniy, Moscow, RUS,
7. Quine, W.V.O. (1951), "Two Dogmas of Empiricism", *Philosophical Review*, vol. 60, no. 1, pp. 20–43. DOI: 10.2307/2266637.
8. Vaihinger, H. (1935), *The Philosophy of 'As if'. A System of the Theoretical, Practical and Religious Fictions of Mankind*, Transl. by Ogden, C.K., Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., London, UK.
9. Barra, E. and Santos, R. (2017), "Duhem's Analysis of Newtonian Method and the Logical Priority of Physics over Metaphysics", *Transversal: International J. for the Historiography of Science*, no. 2, pp. 7–19. DOI: 10.24117/2526-2270.2017.i2.03
10. Jaki, S.L. (1991), *Scientist and Catholic: Pierre Duhem*, Christendom Press, Front Royal, VA, USA.
11. Loreti, A. (2020), "Pierre Duhem and the Continuous Development of Science", *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, vol. 4, no. 1 (13), pp. 21–29. DOI: 0.24833/2541-8831-2020-1-13-21-29.
12. Martin, R.N.D. (1993), "Pierre Duhem. Philosophy and History in the Work of a Believing Physicist", *Revue Philosophique de la France Et de l'Étranger*, vol. 183, no. 4, pp. 724–726.
13. Leite, F.R. and Stoffel, J.-F. (2017), "Introduction", *Transversal: International J. for the Historiography of Science*, no. 2, pp. 3–6. DOI: <https://doi.org/10.24117/2526-2270.2017.i2.02>.

14. Stroker, E. (1989), "Philosophie der Technik: Schwierigkeiten einer philosophischen Disziplin", *Filosofiya tekhniki v FRG* [Philosophy of technology in Germany], Transl. by Azrakanyan, Ts.G., Gorokhov, V.G., Tuptalov, Yu.B. et al., Progress, Moscow, USSR, pp. 54–68.

15. Rankine, W.J.M. (1881), *Miscellaneous scientific papers*, C. Griffin and Company, London, UK.

Information about the author.

Artem V. Yakimenko – Can. Sci. (Theology, 2021), Postgraduate (Philosophy and Science), Peter the Great St Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, theology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.08.2024; adopted after review 29.09.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья

УДК 172:004.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-16-30>

Новации современного искусственного интеллекта: ценностно-ориентированный подход

Раиса Ильинична Мамина¹✉, Анна Валерьевна Ильина²

^{1, 2}*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

¹✉ maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>

²a.ilyina2045@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3002-1841>

Введение. За последние годы в жизни современного социума роль искусственного интеллекта (ИИ) возросла кратно. Новации в области ИИ создают для человека и общества в целом не только новые возможности, но и риски, проблемы, угрозы, что приводит к актуализации значения риск-ориентированного подхода к регулированию создания и развития ИИ как на международном, так и на национальном уровнях. При этом проблема управления рисками имеет несколько взаимосвязанных направлений, одним из центральных считается проблема ценностных ориентиров, на которых выстраивается этика и этичность ИИ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ценностно-ориентированным направлением развития современного ИИ.

Методология и источники. Используется методология культур-философского, аксиологического и междисциплинарного подходов. В качестве источников в статье использованы научные исследования отечественных и зарубежных авторов, документы, публикации и сайты, посвященные современному состоянию ИИ и его проблематике.

Результаты и обсуждение. Тематика современного ИИ развивается как специальная область научного и дисциплинарного знания, а также как масштабируемая ИИ-индустрия. Один из последних трендов в рамках текущего ИИ – эмоциональный ИИ и его возможности в налаживании эффективной коммуникации с человеком. Однако несмотря на революционность новой ИИ-технологии и особую значимость этой новации в коммуникации ИИ с человеком, проблемы этики и ценностно-ориентированное развитие современного ИИ определяются специалистами как ключевые проблемы современности.

Заключение. Современный ИИ рассматривается сегодня с позиций различных классификаций, где центральное место занимает классификация, основанная на сопоставлении интеллекта человека и ИИ. Соответственно, формализация нравственных ценностей и этических принципов в процессе разработки и функционирования алгоритмов ИИ имеет важное значение для ценностно-ориентированного взаимодействия «человек – ИИ». Однако система общечеловеческих ценностей и ценностей ИИ совпадают лишь частично. Как следствие – актуализация новых подходов, не сопоставляющих ИИ и интеллект человека, в частности, на сегодняшний день междисциплинарный подход «4E Cognition» рассматривается специалистами как наиболее продуктивный во всех отношениях.

© Мамина Р. И., Ильина А. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: цифровые технологии, прикладной ИИ, общий ИИ, этические принципы, общечеловеческие ценности, ценности ИИ, подход «4E Cognition»

Для цитирования: Мамина Р. И., Ильина А. В. Новации современного искусственного интеллекта: ценностно-ориентированный подход // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 16–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-16-30.

Original paper

Innovations of Contemporary Artificial Intelligence: Value-Based Approach

Raisa I. Mamina¹✉, **Anna V. Ilina**²

^{1, 2}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

¹✉*maminaraisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>*

²*a.ilyina2045@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3002-1841>*

Introduction. In recent years, the role of artificial intelligence (AI) in social life has increased. Innovations in the field of AI create not only new opportunities for a person and society as a whole, but also risks, problems and threats, which leads to the actualization of a risk-oriented approach towards the regulation of AI development on both the international and national levels. The problem of AI risk management has several interrelated areas, one of the central ones is the problem of identification of values on which the ethics of AI is built. The article considers issues related to the value-oriented direction of development of contemporary AI.

Methodology and sources. In the article there were used the methodology of cultural-philosophical, axiological and interdisciplinary approaches is used. The sources used in the article are scientific research of domestic and foreign authors, documents, publications and websites devoted to the current state of AI and its problems.

Results and discussion. The topic of contemporary AI is developing as a special area of scientific and disciplinary knowledge, as well as a scalable AI industry. One of the latest trends in the current AI is emotional AI and its capabilities in establishing effective communication with person. However, despite the revolutionary nature of the new AI technology and the special significance of this innovation in AI communication with person, the problems of ethics and the value-oriented development of contemporary AI are defined by experts as key problems of our time.

Conclusion. Contemporary AI is analyzed today from the standpoint of various classifications, the central place is occupied by the classification based on the comparison of human intelligence and AI. In this regard, the formalization of moral values and ethical principles in the process of developing and operating AI algorithms is important for the value-oriented human-AI interaction. However, the system of universal human values and AI values coincide only partially. As a result, new approaches emerge that do not compare AI and human intelligence, in particular, the interdisciplinary approach «4E Cognition», which is considered by experts as the most productive in all respects.

Keywords: digital technologies, applied AI, general AI, ethical principles, universal values, AI values, “4E Cognition” approach

For citation: Mamina, R.I. and Ilina, A.V. (2025), “Innovations of Contemporary Artificial Intelligence: Value-Based Approach”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 16–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-16-30 (Russia).

Введение. В коммуникации «человек – ИИ» проблематика «moral machines» остается в настоящее время все еще нерешенной. При этом главным препятствием является то, что этичность ИИ имеет не ценностный и смысловой, а исключительно формализованный характер. Необходимость перевода базовых этических принципов в нравственные стандарты, усваиваемые машинами, как и проблема этичности ИИ в целом, стали сегодня предметом особого внимания международного научно-исследовательского поиска [1]. Перефразируя знаменитое изречение отца-основателя современного менеджмента Питера Друкера: «Культура съедает стратегию на завтрак» («Culture eats strategy for breakfast») [2], в котором подчеркнута значимость поведенческой культуры людей в организации и не только, для достижения намеченных целей применительно к ИИ можно сказать, что неэтичность ИИ может съесть на завтрак и культуру, и стратегию, и все цивилизационное развитие современного социума.

Методология и источники. Представленные в работе выводы опираются на методологию культур-философского, аксиологического и междисциплинарного подходов. Выполненный в статье анализ основывается на специальной научной литературе, западных и отечественных изданиях [3–5], а также Интернет-источниках и сайтах, которые посвящены современному состоянию ИИ и задачам, которые стоят перед специалистами в области ИИ и, в частности, этики ИИ.

Результаты и обсуждение. Современный ИИ, основанный на машинном обучении, специалисты характеризуют как системы, расширяющие потенциал человека благодаря их способности к обучению, распознаванию и осмыслению [4]. Для систематизации существующих разработок научное ИИ-сообщество представило ряд обобщающих классификаций, которые помогают упорядочить наличные представления о предметном поле исследовательских ИИ-практик. Одной из наиболее популярных на сегодняшний день является общепринятая в международном ИИ-сообществе классификация, которая строится на отличии видов ИИ по уровню их интеллектуальных возможностей в сравнении с интеллектом человека (ЕИ), целям использования и перспективам будущего развития. В рамках этой классификации сегодня выделяют прикладной ИИ (Narrow Artificial Intelligence/ANI/AI), общий ИИ (Artificial General Intelligence/AGI) и искусственный сверхинтеллект или суперинтеллект (Artificial Superintelligence/ASI).

При этом важно отметить, что прикладной ИИ сегодня – это наука, исследования и ИИ-индустрия, ОИИ – это наука и исследования, которые нацелены на получение результата уже в ближайшее время. Что касается суперсильного ИИ, в настоящих условиях – это только гипотетическая концепция. Соответственно тематики прикладного ИИ и ОИИ находятся в центре внимания мирового научного сообщества. Остановимся несколько подробнее на специфике каждого из этих видов.

Прикладной ИИ/AI. Прикладной ИИ предназначен для решения какой-либо одной интеллектуальной задачи, либо их небольшого множества (например, системы для игры в шахматы и Го, распознавания образов, речи и т. д.). Современный ИИ отличается совмещением методов глубинного обучения (Deep Learning), основанных на применении искусственной нейронной сети (ИНС) и технологии больших данных (Big Data). В числе новаций в рамках текущего ИИ аналитики выделяют два новых типа – генеративный ИИ и адаптивный ИИ.

Генеративный ИИ (Generative AI) представляет собой новую мощную и зрелую разновидность ИИ, которая предназначена для создания новых данных на основе обширного обучающего набора данных, например, изображения, программный код, тексты и др. [6].

В 2022 г. в области генеративного ИИ произошел запуск сразу нескольких ИИ-проектов. В частности, это DALL-E 2, нейронная сеть от компании OpenAI (апрель 2022 г.), Stable Diffusion от Stability AI (август 2022 г.), нейронная сеть Midjourney (от одноименной компании Midjourney, февраль 2022 г.). Эти модели генерируют изображения на основе текстового запроса пользователей и даже коротких фраз, введенных в поиск. Однако текстовый чат-бот ChatGPT-3,5 от компании OpenAI (ноябрь 2022 г.), который называют первой многозадачной и первой универсальной моделью, стал главной новацией 2022 г. В числе наиболее значимых применений ChatGPT – языковой перевод, генерация текста, написание кода, резюмирование текста и др.

Еще более впечатляющим достижением OpenAI в 2023 г. стала версия ChatGPT-4 (март 2023 г.) – первая мультимодальная в линейке GPT. Она способна принимать на вход подсказку и изображения, выдавая текстовый результат, может изображать выбранную роль, говорить в определенном тоне, помогать в решении различных задач и др.

Среди отечественных аналогов можно назвать YandexGPT от компании Яндекс (декабрь 2022 г.), который называют «Chat по-русски». Он умеет решать сложные задачи, отвечает на специализированные запросы от бизнеса и, благодаря пониманию контекста, кратко пересказывает статьи, форматирует текст и пр. [7]. В свою очередь первой российской версией мультимодальной нейросети стал GigaChat от Сбербанка (апрель 2023 г.). Он умеет поддерживать диалог с пользователем, писать программный код, создавать тексты и картинки [8].

Однако компания OpenAI продолжила впечатлять мировую ИИ-общественность своими новациями, в частности:

– ChatGPT-4 Turbo (ноябрь 2023 г.), который может работать с большим количеством информации и «знает» гораздо больше прошлой версии, а также обладает еще несколькими полезными функциями для пользователей и разработчиков. Некоторые из улучшений включают еще и более быстрое время отклика, что делает версию более доступной для различных приложений;

– ChatGPT-4o (май 2024 г.) называют флагманской моделью. Буква «o» в названии расшифровывается как «omni» и указывает на универсальность нейросети. Новая версия значительно расширила свой функционал – чат-бот способен не только воспринимать информацию различных типов одновременно, но и отвечать пользователю, генерируя текст, озвучивая его, создавая изображения и т. д.;

– GPT-4o mini (июль 2024 г.) – уменьшенная версия оригинальной модели. Она сохраняет некоторые ключевые особенности GPT-4o, но предлагает упрощенный функционал.

– GPT-4o1 (сентябрь 2024 г.) – последняя на сегодняшний день версия GPT-4. По оценке OpenAI, o1 обучена «думать», подобно человеку, используя методику обучения с подкреплением. Это значит, что модель анализирует возможные варианты, строит цепочку мыслей (*chain of thought*), проверяет свои шаги и только затем выдает ответ. Такой подход позволяет существенно повысить точность и эффективность модели, что особенно важно в научных приложениях, математике и программировании [9].

В ближайшее время компания OpenAI обещает представить свою последнюю разработку – GPT-5. Новая языковая модель, по свидетельству генерального директора компании С. Альтмана, может значительно превзойти GPT-4 и его версии [10]. В настоящее время разработка GPT-5 еще не завершена, предполагается, что она станет важной ступенькой на пути к общему ИИ.

Одновременно OpenAI усиливает меры безопасности, совершенствуя внутренние протоколы и взаимодействие с федеральными правительствами, чтобы соответствовать этическим нормам и минимизировать риски.

Таковы некоторые из последних достижений прикладного ИИ, в частности генеративного ИИ/Gen AI, несмотря на ограниченные возможности узких методов.

Общий ИИ. Понятие «сильный искусственный интеллект» было введено американским философом Дж. Сёрлом в 1980 г., впервые охарактеризовавшим AGI так: «...Поскольку подходящим образом запрограммированные компьютеры могут иметь схемы входа и выхода, сходные со схемами входа и выхода у людей, у нас появляется соблазн постулировать у компьютеров ментальные состояния, сходные с человеческими ментальными состояниями» [11], т. е. уровень интеллектуальных возможностей AGI был определен как сравнимый с EI человека.

Термин «общий искусственный интеллект», принятый для описания ИИ, который обладает способностью решать широкий спектр задач на уровне человека и даже превосходить его, появился несколько позднее, а именно в начале 2000-х гг. Автор термина «общий ИИ» – Бен Герцель, известный американский ученый, математик, его называют не только одним из ведущих мировых экспертов в области общего ИИ, но и отцом AGI. «Я придумал этот термин в 2002 или 2003 г., – пишет Б. Герцель, – и каждый год я организовывал конференцию по ОИИ, и за последнее десятилетие мы видели, как концепция растет и процветает довольно плодотворно...» [12].

Сегодня тематика ОИИ стала предметом не только исследовательского поиска современного международного ИИ-сообщества, но и возможностью реализации этого поиска в ближайшем будущем. Так, на открытии саммита «Beneficial AGI Summit 2024» (27.02.24 – 01.03.2024, штат Флорида, США) Бен Герцель поделился с целевой аудиторией информацией о работе своей команды над ранним прототипом системы AGI и представил детальный план развития AGI, ориентированный на то, чтобы технология служила интересам человечества и не оказалась под контролем крупных корпораций или государств. О сроках появления нового ИИ Б. Герцель высказался так: «Я думаю, что к началу 2025 г. у нас может появиться детский AGI. Мы можем назвать его эмбриональным AGI» [13].

В своем выступлении известный ученый также обозначил огромные выгоды AGI, включая освобождение человечества от рутинной работы, окончание всех физических и психических заболеваний, лечение старения и др. В то же время, несмотря на все преимущества, Герцель признает, что AGI может принести с собой ряд проблем, в частности неэтичный AGI, который принесет выгоду только глобальной элите и сделает бедных еще беднее.

Таким образом, сегодня общий ИИ – это уже не только научно-исследовательский поиск международного ИИ-сообщества, но и возможность в ближайшее время обрести практическую реализацию в виде детского AGI, или Baby AGI – раннего прототипа системы

общего ИИ, ориентированного разработчиками в конечном счете на необходимость создания этического AGI.

Однако если Baby AGI был анонсирован в конце февраля 2024 г., то уже в конце марта 2024 г. три цифровые платформы: SingularityNET/SNET (первая в мире децентрализованная сеть ИИ), Fetch.ai (платформа Web3 для новой экономики ИИ) и Ocean Protocol (децентрализованная платформа обмена данными) объявили о создании альянса Artificial Superintelligence Alliance/Альянс искусственного суперинтеллекта.

Проект возглавили ведущие умы в области децентрализованного ИИ, в частности Б. Герцель – создатель и руководитель SingularityNET/SNET, Хумаюн Шейх – основатель Fetch AI и основной инвестор DeepMind, а также Трент Макконахи – архитектор программного обеспечения на основе ИИ и один из основателей Ocean Protocol [14]. Как высказались сами сооснователи проекта, альянс позволит объединить сильные стороны каждой из платформ, которая сможет бросить вызов монополии технологических гигантов, а также будет развивать децентрализованный сверхинтеллект. При этом подчеркивается, что появление ОИИ, как и в случае с прикладным ИИ, несет с собой не только новые возможности для человека и социума, но и риски, прежде всего этические.

В целом, подводя итоги рассмотрения классификации видов современного ИИ, основанной на сравнении уровня интеллектуальных возможностей человека и ИИ, следует отметить, что каждый из этих видов имеет свои особенности, смысловое значение и тенденции развития. При этом каждый из них отражает специфику как цифровых реалий, так и новой постнеклассической картины мира, которая сформировалась на сегодняшний день и органически включила в себя антропный принцип и информацию в качестве универсальной характеристики мира. В частности, в отличие от неклассической науки «она учитывает соотношенность знаний об объекте не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами» [15].

Актуальность риск-ориентированного подхода. Специалисты отмечают, что сегодня практически все существующие ИИ-системы остаются управляемыми и способны функционировать только с помощью человека. В основе технологии ИНС – самообучение и машинное обучение. Алгоритм способен получать и обрабатывать информацию, после чего на ее основе выстраивать и принимать эффективные и относительно более сложные решения, т. е. современный ИИ может учиться среди прочего и на собственном опыте непосредственно. В связи с тем, что процесс обучения (с подкреплением, с учителем и т. д.) совершенствуется с каждой завершенной задачей, происходит постоянный процесс улучшения и совершенствования ИИ, что, несмотря на ограниченные возможности текущего ИИ, определило возрастающий потенциал его новаций.

Однако именно самообучаемость последних и будущих моделей ИИ увеличивает проблему рисков, при этом эффективного способа, как подчеркивают исследователи, отслеживать контент, созданный ИИ, пока не существует. В связи с этим известный отечественный ученый в области нейронаук, психоллингвистики и теории сознания Т. В. Черниговская, в частности, подчеркивает: «Привычный комментарий, что у ИИ будет только то, чему мы его обучим, – несостоятелен: у эволюции свои законы, и сложные системы любого генеза могут развиваться сами по себе, с малопредсказуемым результатом» [16].

О малопредсказуемых результатах бесконтрольного развития ИИ и необходимости управлять рисками в настоящее время говорят многие как западные, так и отечественные лидеры знаний, отрасли и государств, поэтому сегодня принят к рассмотрению рискоориентированный подход к регулированию ИИ как на международном, так и на национальном уровнях. Однако аналитики отмечают, что период активного бесконтрольного развития ИИ уже подходит к концу, технология сделала первые шаги, когда ей нужна была максимальная свобода, теперь необходимо думать о рисках и безопасности. При этом подчеркивается, что речь идет не о том, чтобы остановить развитие ИИ как высокоинтеллектуальной отрасли, а о необходимости решать проблему управления рисками [5].

Проблемные зоны ИИ этического характера. Проблемы «moral machines» определяются мировым научным сообществом как одни из основополагающих, а их решение относят к области мягкого регулирования. На сегодняшний день в этом направлении уже сделаны важные шаги:

– накоплена определенная правовая и нормативно-этическая база в области этики ИИ, которая постоянно совершенствуется на международном и национальном уровнях [17];

– актуализирована разработка новых, этически обусловленных ИИ-профессий. В частности, озвучиваются такие новые профессии, как менеджер по соблюдению этических норм, специалист по обучению эмпатии, специалист по обучению мировоззрению и локализации, специалист по обучению личностным качествам и др. При этом подчеркивается, что в рамках каждого из этих направлений, потребуются новые функции и новые этически обусловленные навыки [4, с. 151–159];

– отдельная тема в профессиональном IT-сообществе – профессиональная этика разработчиков систем ИИ, а также создание этических кодексов и рекомендаций для ИИ-разработчиков. В зависимости от сферы применения ИИ содержание отдельных кодексов различаются, но в их основе лежит некоторый инвариантный набор ценностных ориентиров, который направлен на безопасность и этичность ИИ по отношению к человеку;

– запущен процесс модернизации образовательной системы, ориентированной на новые подходы к подготовке ИИ-специальностей с позиций человеко-ориентированной цифровой эпохи (Human-centric Digital Age) [18].

Каждое из этих направлений постоянно дорабатывается и совершенствуется. Главное требование – безопасность и этичность современного ИИ.

Так, инструменты мягкого регулирования, а именно документная база, были дополнены первыми в мире правилами для ИИ. Весной 2024 г. Европарламент принял закон «Artificial Intelligence Act», устанавливающий требования и правила для разработчиков ИИ-моделей. Закон вступил в силу 1 августа 2024 г. Правила провозглашают риск-ориентированный подход к ИИ, а также формулируют обязательства для пользователей и разработчиков ИИ, которые учитывают уровень риска используемого ИИ в Европе. В законе выделено четыре категории систем ИИ: с минимальным, ограниченным, высоким и неприемлемым риском [19]. Так, например, закон довольно жестко регулирует генеративный ИИ (в частности, ChatGPT) и «высокорисковые системы, основанные на ИИ», среди которых беспилотные автомобили и медицинское оборудование.

В декабре 2023 г. появилась и такая новация как первый международный стандарт ISO/IEC 42001:2023, который выпустила независимая международная неправительственная

организация по стандартизации (ISO) [20]. Стандарт является структурированным способом управления рисками и возможностями, связанными с ИИ, т. е. представляет собой, по оценкам аналитиков, определенную матрицу рисков, что позволило разработчикам выработать рекомендации по управлению технологиями ИИ в таких областях как этические соображения, прозрачность и непрерывное обучение.

Таковы в целом основные направления создания инструментов и некоторые из конкретных инструментов «мягкого» регулирования проблемных зон ИИ, находящиеся в центре внимания мирового научного сообщества и ИИ-индустрии. Однако одной из специфических особенностей мягкого регулирования является создание ИИ по образу и подобию ЕИ, хотя на этот счет появились и другие мнения.

ЕИ vs ИИ. Все существующие сегодня версии, представляющие принципы и рекомендации для разработчиков ИИ, ограничивающие их свободу и в написании кода, и в возможности неэтичного использования ИИ-технологий, а также весь этический инструментарий построены на основе аналогии ЕИ и ИИ. В то же время, как подчеркивают эксперты, не все способности ЕИ могут быть формализованы. В частности, профессор В. Финн, известный отечественный специалист в области информатики и управления, подчеркивает: «Идеальный теоретический естественный интеллект – это система знаний, множество интеллектуальных способностей и высшие психические функции, каковыми являются интенция, интуиция, инициатива, воображение и рефлексия» [21]. И если в рамках ЕИ интеллектуальный процесс есть взаимодействие мыслительного и познавательного процессов, то в рамках ИИ – это взаимодействие имитируется и усиливается в интеллектуальных системах (партнерских человеко-машинных системах). Таким образом, на сегодня проблема определения понятия «ИИ» и его видовых проекций связана с вопросами о соотношении ЕИ человека и ИИ, а также оценке их возможностей, включая прояснение границ этих возможностей.

Однако ЕИ человека до сих пор изучен лишь частично и продолжает оставаться для науки одной из величайших загадок Вселенной. Человеческий интеллект – это не только когнитивные и эмоциональные способности, которым сегодня обучают ИИ, но и социальное понимание, принятие этических и правовых решений, культурный код, его смыслы, значения. Эти аспекты интеллекта глубоко укоренены в эволюции, в опыте социального бытия социума и его ценностных оснований. Искусственный интеллект и человеческий мозг представляют собой две разные системы, они не должны конкурировать, а только дополнять друг друга, создавая совершенно новые возможности и перспективы для прогрессивного развития человекоориентированной цифровой эпохи. Отсюда необходимость обращения к анализу ценностных ориентиров современного ИИ, в частности больших языковых моделей LLM (large language model). Их определяют как передовые системы ИИ, которые используют огромные объемы данных и сложные алгоритмы для понимания, интерпретации и создания человеческого языка.

Система ценностей больших языковых моделей/LLM. Последние исследования в области изучения ИИ показали, что при разработке ИИ-систем нельзя проводить прямые аналогии между человеческим и машинным разумом. Называется целый ряд причин, обусловивших вывод: у больших языковых моделей нет индивидуальной базы опыта и знаний, которая используется людьми, LLM недостает эмоциональной гибкости, функциональной смысловой и языковой компетенций и др. [22].

В частности, исследователи Азиатской научно-исследовательской лаборатории Microsoft и Университета Цинхуа, опираясь на междисциплинарный подход (факторный анализ, лексическая гипотеза, семантическая кластеризация, генеративный подход и др.) смогли выявить как причины, так и набор ключевых ценностей, на которые опираются современные LLM. В частности, выяснилось, что система ценностей современных LLM включает в себя три уровня:

– *компетентность (Competence)*. Утилитарные ценности, связанные с качеством выполнения поставленных задач, для ИИ расположены на первом месте. Это точность, информативность, релевантность и т. д.;

– *характер (Character)*. На втором месте расположены социальные и моральные ценности, которые имеют важное значение для человека. Среди них эмпатия, доброта, альтруизм и т. п.;

– *целостность (Integrity)*. Такие фундаментальные этические принципы, как справедливость, непредвзятость, конфиденциальность и т. п., расположились ниже в этой иерархии.

В целом это значит, что определяющим критерием оценки ИИ выступают утилитарные ценности, а для человека и социума – нравственные ценности. Отсюда следует вывод, что в коммуникации «человек – ИИ» при принятии решений важно руководствоваться теми рекомендациями, которые учитывают разницу между системой общечеловеческих ценностей и ценностей ИИ, а не только, как это сейчас наиболее распространено, между функциональными возможностями ЕИ и ИИ. В частности, к таким новым рекомендациям можно отнести:

– ИИ только аппроксимирует системы общечеловеческих ценностей, а не использует их;
– системы общечеловеческих ценностей и ценности ИИ совпадают только частично, поэтому проведение аналогии между ЕИ и ИИ, а также их ценностными координатами недопустимо;

– LLM не обладают смысловой языковой компетентностью, которая доступна для человека, несмотря на наличие развитой формальной языковой компетентности (умение правильно применять языковые конструкции и др.);

– для ИИ первостепенными являются связанные с качеством исполнения задач утилитарные ценности: релевантность, точность, информативность, и т. п.;

– и нравственные ценности, и этические принципы имеют абстрактный характер, тем не менее их формализация в оптике взаимодействия «человек – ИИ» занимает важное место в обучении ИИ этическим принципам, на которых строятся партнерские отношения с человеком.

Таким образом, для процесса взаимодействия человека и ИИ необходимо учитывать ценности и принципы, которыми «руководствуется» ИИ для построения эффективной эмоционально-ориентированной коммуникации «человек–ИИ». В этом отношении в качестве более перспективного и западные, и отечественные специалисты рассматривают подход, который получил название «4E Cognition», или «4E».

Подход «4E Cognition». «4E» – это область междисциплинарных исследований, которая строит предположения на том, что в результате взаимодействий между физической и социальной средой, мозгом и телом структурируется и формируется познание. Для этого

подхода «4Е» расширяется как понимание познания и сознания, как Embodied (телесновоплощенного), Embedded (вписанного в среду), Enacted (связанного с действием) и Extended (расширенного). Подход «4Е» постулирует, что познание встраивается, разыгрывается, воплощается или расширяется посредством внечерепных процессов и структур, а не происходит только в голове человека. В частности, известный отечественный ученый, философ, признанный специалист в области философии науки и теории познания В. А. Лекторский отмечает, что подход «исходит из того, что само по себе изучение работы нейронных сетей, сколь бы детальным оно ни было, не может дать ответ на вопрос о природе сознания, ибо последнее определяется не просто работой мозга (хотя без этой работы оно невозможно), а отношением познающего и действующего агента к внешнему миру, включающему как мир природного окружения, так и в случае человека мир, созданный самим человеком – мир культуры» [3, с. 15].

Сегодня подход «4Е» рассматривается как наиболее плодотворный во всех отношениях, так как подчеркивает отличие человека от ИИ во всех его существующих и возможных проекциях. При этом, несмотря на то, что ИИ не укладывается под описание 4Е-характеристик напрямую, а только опосредованно, этот подход получил распространение в исследованиях, посвященных разработкам ИИ, в первую очередь в робототехнике [23]. Для целого ряда исследователей 4Е оценивается как важный методологический инструмент для последующего развития ИИ-отрасли как научного знания и ИИ-индустрии.

В частности, опираясь на концепцию 4Е-подхода, специалисты подчеркивают, что ИИ как искусственный объект используется человеком среди прочего для познания мира. В связи с этим он может рассматриваться в качестве Extended AI, т. е. инструмента расширения сознания человека. «Интеллект» ИИ – это в первую очередь результат перенесения на мир вещей, для которого не характерен интеллект, идеи ЕИ, т. е. речь идет о проецировании вовне этого сознания. Также непосредственно воплощенность ИИ является отголоском телесной воплощенности человека – Embodied AI, т. е. датчики роботов служат отсылкой к принципам работы восприятия человека [24].

Исходя из сказанного, особую актуальность приобретает положение канадского философа и культуролога Г. М. Маклюэна, связанное с создаваемыми человеком технологиями и их обратным влиянием на него. Это влияние исследователь рассматривает в контексте мифа о Нарциссе, который оцепенел, когда увидел собственное отражение в воде, т. е. фактически столкнулся с собственным расширением. Маклюэн разбирает такое явление через феномен самоампутации [25, с. 50–52]. При этом делается вывод, что применение и распространение новых технологий выступает источником подобных изменений и способно перестроить мировосприятие человека. «Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию наших физических тел», – отмечает исследователь [25, с. 54]. Так, человек и его сознание трансформируют среду, что вызывает необходимость подстраиваться под меняющиеся условия и трансформировать восприятие окружающей действительности и собственное восприятие в соответствии с новыми реалиями, а также расширяться при помощи технологий. В результате человек модифицируется и фрагментируется своими технологиями [25, с. 55–56], примером которых выступает современный ИИ.

В целом аналитики особо подчеркивают продуктивность подхода 4E Cognition по сравнению с подходом, основанном на поиске аналогий между ИИ и ЕИ. Однако представляется, что речь должна идти не просто о сравнении этих подходов, поскольку каждый из них представляет собой разный уровень обобщения и разные целевые установки. В частности, подход «4E Cognition» отражает новый уровень понимания единства окружающего мира, в свою очередь, подход, основанный на поиске аналогии между ЕИ и ИИ можно рассматривать как особое направление эволюции науки и исследований ИИ, которое в настоящее время становится моментом доминирующего в ней интеграционного процесса. В новых реалиях процессы дифференциации и интеграции, по оценке специалистов, сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез, который отражает новый уровень понимания единства окружающего мира [26], включая научное знание и исследования в области ИИ. При этом именно благодаря исследовательскому поиску аналогии между ЕИ и ИИ, сегодня подход «ЕИ vs ИИ» выступает в качестве одной из важных составляющих подхода 4E, как современного междисциплинарного/конвергентного знания современной когнитивистики. Однако, как подчеркивают специалисты, индустрия и академия (наука/исследования/образование) до сих пор не научились работать в связке.

В частности, молодые ученые из лаборатории Tinkoff Research, по оценкам экспертов, – одна из немногих команд в России, которая занимается научными исследованиями ИИ на базе бизнеса [27], особо отмечают: «Даже крупные игроки почти не работают напрямую с университетами, несмотря на открытые лаборатории и кафедры. Формат, в котором исследователи из академии и инженеры из индустрии находятся в одной рабочей группе, – это большая редкость» [27]. И хотя значимость каждого отдельного направления не подлежит сомнению, сегодня в целях эффективного риск-ориентированного развития этичного ИИ объективируется не только значение совместной деятельности исследователей из академии и инженеров из индустрии, но также необходимость присоединения к этому партнерству и ученых из гуманитаристики в целях создания безопасных и этичных систем как текущего ИИ, так и будущего нового AGI.

Заключение. Определение видов современного ИИ строится на основе разных критериев, а центральное место в классификации видов продолжает занимать подход, основанный на сравнении естественного интеллекта человека и ИИ. Однако, как показали специальные исследования, нельзя проводить аналогии между ЕИ и ИИ и их ценностными координатами: система общечеловеческих ценностей и ценностей ИИ совпадают только частично. При этом важно отметить, что нравственные ценности и этические принципы, которые выстраиваются на этих ценностях, имеют исключительно абстрактный характер. Однако их формализация для взаимодействия «человек – ИИ» имеет важное значение для обучения, а в дальнейшем и самообучения ИИ этическим принципам построения человекоориентированной коммуникации и в целом для дальнейшего прогрессивного развития ИИ-отрасли как научного знания, исследований и ИИ-индустрии. Главный тезис: ИИ не должен быть конкурентом: это сподвижник, ассистент, подручный и одновременно инструмент, который активирован цифровой цивилизацией в помощь и человеку, и социуму в их прогрессивном развитии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зачем искусственному интеллекту этика? / П. М. Готовцев, В. Э. Карпов, Т. А. Нестик, Е. Г. Потапова // Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий. М.: Изд-во РАНХиГС, 2020. С. 40–42.
2. Культура съедает стратегию на завтрак // TenChat. URL: <https://tenchat.ru/media/104720-kultura-syedayet-strategiyu-na-zavtrak> (дата обращения: 08.06.2024).
3. Лекторский В. А. Искусственный интеллект в изучении человека, человека в мире, создаваемом искусственным интеллектом // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 10–29.
4. Доэрти П., Уилсон Дж. Человек + машина. Новые принципы работы в эпоху искусственного интеллекта / пер. О. Сивченко, Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019.
5. Ашманов И. С., Касперская Н. И. Цифровая гигиена. СПб.: Питер, 2021.
6. Banh L., Strobel G. Generative artificial intelligence // Electron Markets. 2023. Vol. 33, № 63. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12525-023-00680-1>.
7. YandexGPT. URL: <https://ya.ru/ai/index> (дата обращения: 18.09.2024).
8. GigaChat. URL: <https://giga.chat/> (дата обращения: 18.09.2024).
9. Марсавин О. OpenAI представила новую модель o1: нейросеть, которая думает и решает в 6 раз лучше GPT-4o // IT World. 12.09.2024. URL: <https://www.it-world.ru/tech/9fpmsusqq1c8os8sc00oocwss00oc.html> (дата обращения: 28.09.2024).
10. Сэм Альтман: GPT-5 станет в разы более продвинутой версией нынешней GPT-4o // Overclockers. 30.07.2024. URL: <https://overclockers.ru/blog/RoadToKnowledge/show/166579/Sem-AI-tman-GPT-5-stanet-v-razy-bolee-prodvinutoj-versiej-nyneshnej-GPT-4o> (дата обращения: 28.09.2024).
11. Сёрль Дж. Сознание, мозг и программы. 1980 // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661> (дата обращения: 13.09.2024).
12. Gilson C. Ben Goertzel on how blockchain can decentralize artificial intelligence // Cointelegraph. 20.10.2017. URL: <https://cointelegraph.com/news/ben-goertzel-on-how-blockchain-can-be-used-to-decentralize-artificial-intelligence> (дата обращения: 22.08.2024).
13. Бен Герцель: «Baby AGI» может появиться уже в начале 2025 г. // Securitylab.ru. 29.02.2024. URL: <https://www.securitylab.ru/news/546389.php> (дата обращения: 13.09.2024).
14. Artificial Superintelligence Alliance. URL: <https://www.superintelligence.io> (дата обращения: 23.09.2024).
15. Горковенко И. А., Стрельченко В. И. Идея научной картины мира: постнеклассическая рациональность // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 2. С. 133–141.
16. Черниговская Т. В. Естественный и искусственный интеллект: смыслы или структуры? // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. С. 160–171.
17. Мамина Р. И., Ильина А. В. Искусственный интеллект: в поисках формализации этических оснований // Дискурс. 2022. Т. 8, № 6. С. 17–30. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-6-17-30>.
18. Карпова Е. А., Дрынкина Т. И. STREAM-подход как новая образовательная парадигма развития ключевых компетенций XXI века // Вестн. гос. гуманит.-технолог. ун-та. 2022. № 3. С. 35–42.
19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 // Official J. of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689 (дата обращения: 18.09.2024).
20. ISO/IEC 42001:2023. Информационные технологии. Искусственный интеллект. Система менеджмента // Российский ин-т стандартизации. URL: <https://www.gostinfo.ru/catalog/Details/?id=7479292> (дата обращения: 18.09.2024).

21. Финн В. Далеко не все функции естественного интеллекта могут быть формализованы и автоматизированы // Коммерсантъ. 23.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4198609> (дата обращения: 08.08.2024).

22. Кулик А. Раскрывая тайны разума ИИ: уникальные ценности и психологические черты // TenChat. URL: <https://tenchat.ru/media/2252628-raskryvaya-tayny-razuma-ii-unikalnyye-tsennosti-i-psikhologicheskiye-cherty> (дата обращения: 08.08.2024).

23. Newen A., De Bruin L., Gallagher Sh. The Oxford Handbook of 4E Cognition. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.001.0001>.

24. Hoffman M., Pfeifer R. Robots as Powerful Allies for the Study of Embodied Cognition from the Bottom Up // The Oxford Handbook of 4E Cognition / A. Newen, L. de Bruin and, Sh. Gallagher. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 841–862. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.45>.

25. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: Канон-пресс-Ц, 2003.

26. Баксанский О. Е. Стратегические цели NBICS-конвергенции: знания, технологии и общество // Россия: тенденции и перспективы развития: сб. статей. 2016. Вып. 11. Ч. II. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 14–19.

27. Наука в ИИ: как российские ученые исследуют искусственный интеллект // ТАСС. URL: <https://spec.tass.ru/tinkoff-research/#:~:text=Ученые%20про%20исследования%20искусственного%20инте%> (дата обращения: 17.08.2024).

Информация об авторах.

Мамина Раиса Ильинична – доктор философских наук (2007), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиосфера современного социума, коммуникативные практики, кросскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, инновационные образовательные траектории.

Ильина Анна Валерьевна – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, аксиология, этика искусственного интеллекта.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.10.2024; принята после рецензирования 03.12.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Gotovtsev, P.M., Karpov, V.E., Nestik, T.A. and Potapova, E.G. (2020), "Why does artificial intelligence need ethics?", *Etika i «tsifra»: eticheskie problemy tsifrovyykh tekhnologii* [Ethics and the Digital: Ethical Issues of Digital Technologies], RANEPА; Moscow, RUS, pp. 40–42.

2. "Culture is developing a strategy for breakfast", *TenChat*, available at: <https://tenchat.ru/media/104720-kultura-syedayet-strategiyu-na-zavtrak> (accessed 08.06.2024).

3. Lektorsky, V.A. (2022), "Artificial Intelligence in Human Studies, the Human being in the World, created by Artificial Intelligence", *Man and systems of artificial intelligence*, Yuridicheskii tsentr, SPb., RUS, pp. 10–29.

4. Daugherty, P. and Wilson, J. (2019), *Human + Machine: Reimagining Work in the Age of AI*, Transl. by Sivchenko, O. and Yatsyuk, N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

5. Ashmanov, I.S. and Kasperskaya, N.I. (2021), *Tsifrovaya gigiena* [Digital Hygiene], Piter, SPb., RUS.
6. Banh, L. and Strobel, G. (2023), "Generative artificial intelligence", *Electron Markets*, vol. 33, no. 63. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12525-023-00680-1>.
7. *YandexGPT*, available at: <https://ya.ru/ai/index> (accessed 18.09.2024).
8. *GigaChat*, available at: <https://giga.chat/> (accessed 18.09.2024).
9. Marsavin, O. (2024), "OpenAI Unveils New Model o1: A Neural Network That Thinks and Decides 6x Better Than GPT-4o", *IT World*, 12.09.2024, available at: <https://www.it-world.ru/tech/9fpmsusqq1c8os8sc00oocwss00occ.html> (accessed 28.09.2024).
10. "Sam Altman: GPT-5 will be a much more advanced version of the current GPT-4o" *Overclockers*. 30.07.2024, available at: <https://overclockers.ru/blog/RoadToKnowledge/show/166579/Sem-AI-tman-GPT-5-stanet-v-razy-bolee-prodvinutoj-versiej-nyneshnej-GPT-4o> (accessed 28.09.2024).
11. Searle, J. (1980), "Minds, Brains, and Programs", *Gumanitarnyi portal* [Humanitarian portal], available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661> (accessed 13.09.2024).
12. Gilson, C. (2017), "Ben Goertzel on how blockchain can decentralize artificial intelligence", *Cointelegraph*, 20.10.2017, available at: <https://cointelegraph.com/news/ben-goertzel-on-how-blockchain-can-be-used-to-decentralize-artificial-intelligence> (accessed 22.08.2024).
13. "Ben Goertzel: "Baby AGI could be here as early as 2025" (2024), *Securitylab.ru*, 29.02.2024, available at: <https://www.securitylab.ru/news/546389.php> (accessed 13.09.2024).
14. *Artificial Superintelligence Alliance*, available at: <https://www.superintelligence.io> (accessed 23.09.2024).
15. Gorkovenko, I.A. and Strel'chenko, V.I. (2010), "The Idea of a Scientific Picture of the World: "Postnonclassical Rationality", *Pushkin Leningrad State Univ. J.*, vol. 2, no. 2, pp. 133–141.
16. Chernigovskaya, T.V. (2022), "Artificial and Natural Intelligence: Meaning or Structures?", *Man and systems of artificial intelligence*, Yuridicheskii tsentr, SPb., RUS, pp. 160–171.
17. Mamina, R.I. and Ilina, A.V. (2022), "Artificial Intelligence: in Search for Formalization of Ethical Foundations", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 6, pp. 17–30. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-6-17-30.
18. Karpova, E.A. and Drynkina, T.I. (2022), "STREAM technology as a new educational paradigm for the development of key competences of the XXI century", *Vestnik of State Univ. of Humanities and Technology*, no 3, pp. 35–42.
19. "Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024", *Official J. of the European Union*, available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401689 (accessed 18.09.2024).
20. "ISO/IEC 42001:2023. Information technology. Artificial intelligence. Management system" (2024), *Russian Standardization Institute*, available at: <https://www.gostinfo.ru/catalog/Details/?id=7479292> (accessed 18.09.2024).
21. Finn, V. (2019), "Not all functions of natural intelligence can be formalized and automated", *Kommersant*, 23.12.2019, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4198609> (accessed 08.08.2024).
22. Kulik, A. "Unlocking the Secrets of the AI Mind: Unique Values and Psychological Traits", *TenChat*, available at: <https://tenchat.ru/media/2252628-raskryvaya-tayny-razuma-ii-unikalnyye-tsennosti-i-psikhologicheskiye-cherty> (accessed 08.08.2024).
23. Newen, A., De Bruin, L. and Gallagher, Sh. (2018), *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.001.0001>.
24. Hoffman, M. and Pfeifer, R. (2018), "Robots as Powerful Allies for the Study of Embodied Cognition from the Bottom Up", *The Oxford Handbook of 4E Cognition*, Newen, A., De Bruin, L. and Gallagher, Sh., Oxford Univ. Press, Oxford, UK. pp. 841–862. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.013.45>.
25. McLuhan, M. (2003), *Understanding media: The extensions of man*, Transl. by Nikolaev, V., Kanon-press-C; Kuchkovo pole, Moscow, Zhukovskii, RUS.

26. Baksanskii, O.E. (2016), "Strategic objectives of NBICS-convergence: knowledge, technologies and society", *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: development trends and prospects], iss. 11, part II, INION RAS, Moscow, RUS, pp. 14–19.

27. "Science in AI: How Russian Scientists Research Artificial Intelligence", TASS, available at: <https://spec.tass.ru/tinkoff-research/#:~:text=Ученые%20про%20исследования%20искусственного%20инте%> (accessed 17.08.2024).

Information about the authors.

Raisa I. Mamina – Dr. Sci. (Philosophy, 2007), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiosphere of modern society, communication practices, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, innovative educational trajectories.

Anna V. Iliina – Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, axiology, ethics of artificial intelligence.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 07.10.2024; adopted after review 03.12.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40>

Образ противостояния в современных кинопрактиках о космической гонке

Кирилл Олегович Добронравов

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>*

Введение. Космическая гонка играет важную роль в конструировании современного нарратива, обосновывающего политические амбиции, технический прогресс и положение статус-кво. В связи с этим целью статьи является анализ образа противостояния двух сверхдержав в период космической гонки.

Методология и источники. В статье используется сравнительный анализ различных нарративных моделей и образно-визуального ряда отечественных и зарубежных фильмов. Для понимания особенностей формирования образа противостояния применяется междисциплинарный подход. Основными источниками исследования выступают как работы теоретиков «memory studies» П. Хаттона, Яна Ассмана, М. Хальбвакса, П. Нора, так и современных исследователей отечественного кинематографа О. Ю. Малиновой, А. Е. Пискуновой, Н. А. Лысовой, Д. В. Мдянец, Е. Ю. Перовой, а также концепция миметического желания Р. Жерара. Временные рамки для отбора материала определялись с опорой на периодизацию, предложенную коллективом авторов под руководством В. С. Авдонина, и ограничиваются современным этапом «селективного использования истории». Материалом для анализа выступили отечественные и зарубежные фильмы о космической гонке: «Время первых», «Покажи мне луну», «Темные фигуры», «Салют-7».

Результаты и обсуждение. Современные отечественные фильмы, посвященные освоению космоса, конструируют образ вневременного противостояния между Россией и Западом. Этот нарратив пронизывает имперское и советское прошлое и находит отражение в современной политической риторике. В основе сюжета лежит идея миметического соперничества двух сверхдержав. Мотивации героев отечественных и зарубежных фильмов пересекаются. Однако если отечественный нарратив обращается к ностальгии по прошлому, то зарубежный выстраивается на оппозиции с прошлым по вопросам гендерной, расовой и национальной дискриминации.

Заключение. Делается вывод, о доминирующей роли достижений прошлого в конструировании коллективной памяти. Героизм демонстрируется через мобилизацию внутренних ресурсов в «мирное» время и очеловечивание мифологизированных ранее героических образов.

Ключевые слова: холодная война, естественное, кино, космос, образ свой/чужой

Для цитирования: Добронравов К. О. Образ противостояния в современных кинопрактиках о космической гонке // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 31–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40.

© Добронравов К. О., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Image of Confrontation in Modern Cinematic Practices about the Space Race

Kirill O. Dobronravov

*Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
kirilldobronravov07@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9663-8661>*

Introduction. The space race plays an important role in shaping the modern narrative, justifying political ambitions, technological progress, and the status quo. Therefore, the aim of the article is to analyze the image of confrontation between two superpowers during the space race.

Methodology and sources. The article uses a comparative analysis of various narrative models and visual imagery in domestic and foreign movies. An interdisciplinary approach is applied to understand the specificities of the formation of the image of confrontation. The main sources of the research are the works of theorists in memory studies such as P. Hutton, Jan Assmann, M. Halbwachs, P. Nora, as well as contemporary researchers of Russian cinema O.J. Malinova, E.A. Piskunova, D.V. Medyanets, N.A. Lysova, E.A. Perova, as well as the concept of mimetic desire by R. Girard.

Results and discussion. It has been shown that modern Russian movies dedicated to space exploration construct an image of timeless confrontation between Russia and the West. This narrative permeates the imperial and Soviet past, and is also reflected in contemporary political rhetoric. The plot is based on the idea of mimetic rivalry between two superpowers. The motivation of the characters in domestic and foreign films intersects. However, while the domestic narrative appeals to nostalgia for the past, the foreign one is built on opposition to the past on issues of gender, racial, and national discrimination.

Conclusion. The conclusion is drawn about the dominant role of past achievements in constructing collective memory. Heroism is demonstrated through the mobilization of internal resources in “peaceful” times and humanization of previously mythologized heroic images.

Keywords: cold war, natural, cinema, space, image of one's own/other's

For citation: Dobronravov, K.O. (2025), “Image of Confrontation in Modern Cinematic Practices about the Space Race”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 31–40. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-31-40 (Russia).

Введение. Несмотря на окончание «холодной» войны, а также тот факт, что с распада Советского союза прошло более 30 лет, советское прошлое остается важной эпохой в конструировании коллективной памяти. Об этом свидетельствует результат анализа сообщений в социальной сети «ВКонтакте» с использованием больших данных. В постах, посвященных историческим героям и событиям прошлого, наиболее часто упоминаются руководители из советского прошлого – И. В. Сталин, В. И. Ленин, Н. С. Хрущев и М. С. Горбачев, а Ю. А. Гагарин держит первенство среди героев [1]. На значимость космонавтики в формировании национальной идентичности в нашей стране также указывают исследования ВЦИОМ [2] и Левада-Центра [3]. Из них мы узнаем о том, что в 2019 г. о распаде СССР сожалели 66 % опрошенных, а отечественная космонавтика находилась на втором месте в списке фактов, вызывающих гордость за страну, сразу после победы в Великой Отечественной войне [3].

При анализе сообщений в социальных сетях смыслового конструкта «война», Великая Отечественная война упоминается чаще всего в одном семантическом ряду со словом «победа» [4], в то время как «холодная война» практически не упоминается. Безусловно, это

связано с поражением социалистического блока в противостоянии с капитализмом, а также результатом антисоветской культурной политики 1990-х гг., несмотря на которую коллективная память осталась весьма чувствительна к советскому прошлому.

Методология и источники. О значимости советского периода в осмыслении современности говорит так же весомость кинопродукции, выпускаемой при поддержке Фонда кино, о достижениях недалекого прошлого. Риторика борьбы с «советским», а также попытка отдалить его посредством критики 90-х гг., завершилась переходом к новому этапу (с 2012 г.), который вслед за авторами монографии «Советское прошлое в политической риторике современной России» можно назвать «этапом селективного использования» [5, с. 214] или как вслед за Т. ван Дейком называют его авторы монографии «дискурсивной макростратегией селективной актуализации» советского прошлого. Селективность предполагает «обращение лишь к отдельным положительным фрагментам истории. С помощью объединения их в одну картинку создается позитивная, прекрасная история о прошлом ... которого никогда в таком виде не существовало» [5, с. 16–17]. Так память о советском режиме не подвергается забвению, а конструируется через инструменты культурной политики, что укрепляет единство и сплоченность российского общества в соответствии с целями культурной политики Российской Федерации [6] и изменениями, внесенными в закон о ней [7].

Безусловно, коллективная память – это результат конструирования прошлого посредством медиаконтента, телевизионных программ, кинопродукции, исторического нарратива в учебниках истории, кураторских практик и практик коммеморации в музейном пространстве и пространстве города. Однако кино как искусство не только нарративно, но и создает иллюзию аутентичности в силу своей технической природы, становится значимым проводником современной политики памяти, проводимой государством или иными акторами. Самопрезентация современности, опрокинутая в прошлое, не только отечественное, но и зарубежное явление. Достаточно обратить внимание на премию Оскар, которая чаще всего достается фильмам, отразившим уже знакомые зрителям стереотипы американской культуры прошлого [8].

В нашей стране Фонд кино является самым крупным спонсором кинопроизводства. Фильмы, снятые при поддержке Фонда, стремятся соответствовать принципам государственной политики в области исторической памяти. Для отечественных фильмов, снятых по мотивам реальных событий, освобождают от конкурентов уикенды, активно популяризируют это кино среди школьников, используя такие инструменты как портал Госуслуги, «Разговоры о важном», Пушкинскую карту. Однако популярность таких фильмов на стриминговых площадках говорит не только об использовании административного ресурса, но и об общественном запросе на ностальгию по прошлому.

С другой стороны, в последнее время тема космоса в кино претерпела свое повторное рождение. В этом плане космос становится площадкой для встречи с самим собой другим, местом переживания экзистенциального одиночества, бытовой рутины и героического подвига. Такие фильмы как «Гравитация», «Луна 2112», «Марсианин», «К звездам» свидетельствуют об устойчивом интересе к теме космоса на Западе. В связи с этим отечественные фильмы становятся жанровым продолжением фантастических зарубежных триллеров. Однако отечественное кино отличается тем, что переводит фантастическое в прошлое, приземляя бес-

конечность воображения на историческую почву. Подкрепляя известную поговорку «Россия – страна с непредсказуемым прошлым», сценаристы и режиссеры активно осваивают исторические сюжеты на предмет удачной киноадаптации. Чаще всего интерес сценаристов вызывают уже известные мемуары, исторические романы и биографии. Эти формы художественного творчества активно опираются на письма, телеграммы, общеизвестные факты и свидетельства очевидцев, добавляя к ним факт личного присутствия, немного воображения на почве особенностей личного восприятия. Введение в оборот общественной практики новых источников, претендующих на отражение исторических событий сквозь призму личных переживаний, не успевают обрабатываться исторической наукой. Многие из опубликованных за последнее время работ в жанре «non-fiction», либо игнорируются научным сообществом, либо принимаются критически. Однако, влияние подобной литературы на общество нельзя недооценивать, особенно если она положена в основу сценария.

В связи с этим классические работы в «memory studies» таких авторов, как П. Нора [9], М. Хальбакс [10], Ян Ассман [11], П. Х. Хаттон [12] требуют пересмотра. Несмотря на иронию Д. Олика по поводу роста числа публикаций в рамках этого исследовательского поля, нам еще предстоит выработать новый подход в этой сфере в связи с изменяющейся реальностью [13]. В след за О. Ю. Малиновой можно говорить о соперничестве различных режимов памяти в конструировании национальной идентичности, а значит, легитимизации статус-кво и, следовательно, и делегитимизации статус-кво иной инстанции власти [14, с. 31]. Так кино, основанное на реальных событиях, становится инструментом конструирования коллективной памяти конкурирующих на поле культуры государств. Конкуренция происходит не только за размер кассовых сборов, но и за доминирование своей картины прошлого в коллективном сознании.

Безусловно, когда предметом анализа «memory studies» является историческое кино, мы не можем интерпретировать его в отрыве от эстетики и идеологии. Художественное кино, в основе которого лежат реальные события, а действие осуществляется реальными персонажами, согласно энциклопедическому словарю можно назвать историческим [15]. Однако нарративная и художественная составляющие не могут не доминировать над исторической стороной, ведь кино – это прежде всего развлечение, которое должно быть интересно зрителю. В связи с этим авторы берут исторические сюжеты за основу интересной с художественной точки зрения истории, которая, не претендуя на полное историческое соответствие, формирует картину мира зрителей. И как бы не били в набат профессиональные историки, публичная история всегда идёт вразрез с академическим знанием, ведь по своему определению публичная история – это то, что происходит за пределами университета [16, с. 11].

Развлекательный кинематограф и вовсе долгое время не претендовал на аутентичность. За сюжетную основу фильмов, посвященных прошлому, в советское время достаточно часто брали художественные произведения или вовсе фантазию о прошлом. Реже брали исторические сюжеты. Они отбирались в соответствии с советской идеологией, господствовал общий метанарратив о прогрессивности одних социальных явлений в противовес регрессивности других. Например, в советском кино редко можно встретить положительный образ священнослужителя, однако за фасадом масштабных исторических событий часто пряталась лирика, повествующая о личных переживаниях исторических личностей. Несмотря на явные художественные достоинства фильмов о прошлом, снятых в советское время, современные кинематографисты называют их политически ангажированными, не актуальными,

а то и вовсе требующими нового взгляда в связи с запросом современного зрителя. Разные источники могут по-разному раскрывать события прошлого, а в последнее время и вовсе начался новый бум на обновление привычного взгляда на события прошлого. Так современные творческие деятели стремятся конкурировать не только с современным прокатом, но и с деятелями культуры прошлых лет. Когда французский философ Рене Жерар предлагает «миметическое желание» как концептуальную рамку для анализа явлений современной культуры, мы видим в ней универсальный принцип современной конкурентной модели в области перекодирования коллективной памяти о прошлом. Лейтмотивом фильмов про освоение космоса становится стремление восполнить и утвердить свое бытие за счет другого. Как пишет Р. Жерар «соперник уже обладает, как нам кажется, определенным бытием, что конструирует в нас жажду иметь то, что, как нам кажется, у него есть» [17, с. 192–193]. Из цитаты видно, что конкуренция, в основе которой лежит идея миметического желания обладать тем, что, как кажется, есть у другого, находится ложная посылка о фантазме наличия «определенного бытия». Так наличие образа будущего, конструируемого в советское время, на поверку оказывается важнее реального его воплощения. Советская космическая эра и победа в Великой Отечественной войне взывают к возвышенным образам надежды и веры в силу человека и человечества, особенно актуальным сегодня.

Потребность в символах, мифах и нарративах советского периода продолжает актуализироваться в общественном сознании в виде запросов и ответов. Бизнес и власть не только спекулируют ожиданиями народа на уровне политической риторики, но и активно эксплуатируют советскую символику приватизируя ее смыслы. «В свете этого актуализация “космического кино” как средства репрезентации событий советского прошлого связана с возрождающимся общественным интересом к теме освоения космоса, который делает востребованной память о космической гонке эпохи “холодной войны” не только в плоскости конкретных исторических сюжетов, но и в контексте устойчивых символов, нарративов и мифов того времени» [18, с. 74].

Символ ученого и космонавта, нарратив преодоления трудностей ради будущих поколений, вера в науку и научно-технический прогресс, покорение и освоение природного пространства, народный характер героев отечества, преимущество настоящего над прошлым – эти символы и мифологемы не чужды нашему времени и у нас, и на Западе. Символическое обладание преимуществом в прошлом оборачивается усилением позиций в настоящем. Гонка по освоению космоса становится пространством конкуренции за обладание статусом доминирующей сверхдержавы, а также создает ряд фантазмов по использованию этого преимущества в военных и политических целях. Обращение к этой тематике в контексте ностальгии определяется политико-экономической ситуацией последних лет, в рамках которой коммеморация космоса становится распространенной практикой как в России, так и в США.

Результаты и обсуждение. Сегодня невозможно представить исследования памяти без обращения к кинематографу, тем более что этот вид искусства позволяет наиболее широко и глубоко воздействовать на коллективное бессознательное. Более того, в контексте современных медиатехнологий вовсе не обязательно смотреть кино от начала и до конца. Его образы, сюжеты и символы тиражируются в самом различном медиаконтенте от рекламы и новостей, до обзоров и критики в блогосфере. Кино, в основе которого лежит известное всем событие,

не претендует на просвещенческий характер, ведь чаще всего оно спекулирует на уже известном, создавая из прошлого идеализированный образ «золотого века» или антиутопии. Искаженный субъективным сознанием автора художественный образ живет по законам игрового, а не исторического кино [19]. Тем не менее спрос на такое кино не только со стороны общества, но и со стороны государства растет с ростом технических возможностей зрелищности и силе воздействия на зрителя. Но зрелище – это не только форма подачи содержания, а еще и способ трансляции целого комплекса этических, идеологических и ценностно-смысловых значений.

Таким образом, конструируется русскость, как вневременной нарратив, пронизывающий имперское, советское прошлое и современность. Этот нарратив демонстрирует иную форму взаимодействия между героями от товарищества и взаимопомощи, бескорыстной любви и самопожертвования, до веры в будущее общества, науки и человека. Этот нарратив вызывает в нас сильные чувства, так как демонстрирует будущее, которому не суждено было случиться из-за поражения в «холодной войне», а временный технологический прорыв в будущем обернется системными проблемами. Такой зазор между прошлым и настоящим формирует в нас ощущение гордости за прошлое настоящего и образ несбыточного будущего прошлого. Надвременной конфликт между странами западного и социалистического блоков, разворачивается в горизонте освоения космоса, что является триумфом советской и зарубежной науки.

В фильме «Время первых» мы наблюдаем, как конкуренция с США в космической гонке подгоняет ответственных за полет, в частности, Королева перенести сроки на более ранние. И если в начале фильма речь идет о пересмотре даты выхода в открытый космос на несколько лет раньше, то перед самым полетом 18 марта 1965 г., мы узнаем, что вопрос первенства в космосе, это вопрос не нескольких лет, а двух месяцев.

Американские космические силы также «дышат в спину» советским летчикам в фильме «Салют-7», действие которого разворачивается в 1985 г. Трех месяцев на устранение последствий аварии и затопление космической станции у СССР нет, так как США в течении нескольких недель готовы запустить свой более совершенный летательный аппарат для захвата станции. Тема «звездных войн» и «космических войск» поднимается во многих отечественных фильмах как возможное будущее или практически свершившееся настоящее.

Аналогичным образом, американские специалисты NASA в фильмах «Покажи мне луну», «Скрытые фигуры», «Аполлон 11» ускоряют темпы работы, а также переносят крайние сроки только для того, чтобы обогнать противника в космической гонке, а страх по поводу использования космоса в военных целях придает борьбе не только символический, но и военно-стратегический, т. е. прагматический характер. Безусловно, ни СССР в конце 50-х, ни США в 60-е не имели военного преимущества за счет освоения космоса. Утверждать такое все равно что считать, что высадка Армстронга на Луну равносильна основанию там военной базы. Тем не менее факт остается фактом, космическое пространство мыслилось военными и политическими силами как продолжение пространства земного.

Стоит отметить, что фигура космонавта в отечественном кино, как правило, представляет из себя весьма героический образ – человек, который ради Родины готов пожертвовать семьей, карьерой, жизнью. Такой патриотизм объясняется не сколько желанием служить системе, что часто демонстрируется через конфликт между формальным подчинением и реальной мотивацией персонажей, сколько помощью ближнему, службой обществу, стремле-

нием в истории совершить что-то великое, ответить на вызов времени. Сама система тоже не выступает как некое обезличенное начало, у героев и зрителя рано или поздно случается разговор по душам с начальниками всех уровней от генерального секретаря партии до ответственного за полет. Человеческая мотивация побеждает безличный долг, герои отвечают за тех, кто рядом, они готовы нарушать формальные медицинские, технические и юридические требования ради дружбы, заботы, любви к собственному делу.

В зарубежных фильмах мы видим, как гендерная и расовая повестка выходит на передний план и затмевает вневременной образ героя. Помимо профессиональных трудностей, героиням приходится преодолевать трудности социального плана. В таком случае ускорение сроков реализации инженерного проекта становится вызовом под силу только реальным специалистам, что дает возможность героиням проявить себя. Такое проявление неизбежно ведет к изменению культуры и социальной практики по дискриминации меньшинств. В какой-то момент с девушками и темнокожими не только начинают считаться, но и дают им полномочий больше, чем рядовым сотрудникам. Возможная военная и символическая угроза со стороны Советского Союза в американском кино не уступает угрозам внутренним, а порой носит вторичный по отношению к гендерной или расовой проблематике характер.

Мир противника по «холодной войне» представлен в задокументированном виде – зрителю демонстрируются фото- и видеоархивы того времени, в виде технологического фантазма, через схемы возможного в будущем технического оснащения, а также через ироничное отношение к историческому событию через апелляцию к его репрезентации в народном сознании. «Русские все равно нам не поверят», – говорит главный герой фильма «Покажи мне луну» о высадке астронавтов на поверхность спутника Земли.

Однако общим остается то, что события по освоению космоса являются не частным делом научного сообщества, а стремятся перерасти в спектакль, так как «на нас смотрит весь мир» и «нельзя облажаться перед всем миром». В фильмах активно фигурирует тема фейка и подлинности, столкновение реальности «медиа» и внутренней кухни по производству космических открытий. Публичная ответственность толкает героев на необдуманный риск и предостерегает от него, а сокращение временной дистанции в космической гонке становится одним из способов усилить эмоциональное напряжение зрителей.

Еще одной отличительной чертой фильмов о космической гонке становится отсутствие Другого. Виртуальный противник не вступает в открытую конфронтацию, а потому остается за кадром как незримый, но всегда наблюдающий за героями. Они оказываются заложниками конструируемой не ими ситуации, из которой есть только один выход – подвиг. Такой подход способствует созданию позитивного образа целой эпохи, а вместе с ней и мифологизации биографий космонавтов, «что характерно для массового кино» [20].

В основе создания подобных нарративов о космической гонке лежит стремление преодолеть тот факт, что прорыв в космосе символически совпадает с исчезновением результатов этого прорыва. Нарратив только и конструируется для того, чтобы продемонстрировать причины исторического момента, будь это запуск спутника, выход в открытый космос или отправка астронавтов на Луну чередой последовательных событий, как если бы они действительно объясняли логику исторического процесса. В этой связи стремление видеть себя в отражении другого лишь свидетельствует об отвлечении внимания от того факта, что истинный конкурент в космической гонке (Китай), уже давно оставил обе космические державы позади.

Результаты и обсуждение. Конструирование коллективной памяти через обращение к достижениям прошлого становится доминирующим на этапе «селективного использования» истории в рамках современной культурной политики. Образ вневременного противостояния с Западом (или Советами в случае зарубежной кинопродукции) наряду с ностальгией по великим открытиям делает тему освоения космоса одной из самых востребованных в историческом кино. Демонстрация мобилизации внутренних ресурсов в «мирное» время «холодной войны» позволяет зрителю без труда ассоциировать себя с героями картины. Как правило, это весьма простые люди, которых волей судьбы занесло в исторические обстоятельства. Кинематограф, посвященный космической гонке, не только конструирует в коллективной памяти понятный образ прошлого, но и легитимизирует продолжающуюся гонку вооружений, экономическое и политическое противостояние с Западом, таким образом дополняя доминирующую политическую риторику образно-визуальным рядом. Кинопрактика становится продолжением политической риторики по созданию образа естественности цивилизационного выбора современной России, а в основе современной космической киногонки лежит все та же идея миметического стремления к символическому доминированию, что и в гонке космической, только на смену космическим технологиям приходят технологии медиа и кинематографа, а значит, время первых еще продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трубникова Н. В., Саркисова А. Ю. Герои национальных нарративов в зеркале исторической памяти рунета (на материале больших данных социальной сети «ВКонтакте») // Русин. 2022. № 69. С. 282–305. DOI: 10.17223/18572685/69/16.
2. Пипия К. Национальная идентичность и гордость: пресс-выпуск // Левада-Центр, 17.01.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Память об СССР: Гагарин против Горбачева // ВЦИОМ, 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (дата обращения: 21.10.2024).
4. Трубникова Н. В., Саркисова А. Ю., Рогаева И. Е. Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкты «война» и «мир» // Русин. 2023. № 74. С. 339–363. DOI: 10.17223/18572685/74/17.
5. Советское прошлое в политической риторике современной России / В. С. Авдонин, А. Ю. Долгов, Д. В. Ефременко и др. / под ред. Ю. Г. Коргунюка, Е. Ю. Мелешкиной. М.: ИНИОН РАН, 2024.
6. Указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (дата обращения: 21.03.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 25 янв. 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (дата обращения: 21.03.2024).
8. Genius Begins at Home: Shared Social Identity Enhances the Recognition of Creative Performance / N. K. Steffens, A. S. Haslam, M. K. Ryan, K. Millard // British J. of Psychology. 2017. Vol. 108, iss. 4. P. 721–736. DOI: 10.1111/bjor.12242.
9. Нора П. Всемирное торжество памяти / пер. с фр. М. Сокольской // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 391–403.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

11. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. Н. Н. Сокольской. М.: ЯСК, 2004.
12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.
13. Olick J. K. Collective memory: a memoir and prospect // *Memory studies*. 2008. Vol. 1, iss. 1. P. 23–29. DOI: 10.1177/1750698007083885.
14. Малинова О. Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под общ. ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2020. С. 26–39.
15. Кино: энциклопедический словарь / под ред. С. Юткевича. 1987. URL: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/index.htm> (дата обращения: 21.10.2024).
16. Сорочкин Ю., Склез В., Суверина Е. Публичная история – это не дисциплина: интервью с профессором Манчестерского университета Джеромом де Гру // *Артикульт*. 2013. № 11 (3-2013). С. 9–23.
17. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
18. Пискунова А. Е. «Экранизация» памяти о советской космонавтике: (вос)производство образов в современном Российском космическом кино // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки*. 2023. Т. 23, № 1. С. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109.
19. Лысова Н. А. Репрезентация образа прошлого в современных отечественных игровых исторических фильмах // *Философия и культура*. 2020. № 2. С. 12–26. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.2.32256.
20. Медянец Д. В., Перова Е. Ю. Память как часть культурной идентичности (на примере образа «советскости» в отечественном кинематографе) // *Культурологический журнал*. 2022. № 4 (50): 6. DOI: 10.34685/НЛ.2022.50.65.030.

Информация об авторе.

Добронравов Кирилл Олегович – кандидат философских наук (2023), доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, ул. Красный путь, д. 36, Омск, 644072, Россия. Автор более 20 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия искусства, культурно-философская антропология, исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2024; принята после рецензирования 17.12.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Trubnikova, N.V. and Sarkisova, A.Yu. (2022), "Heroes of national narratives in the Runet historical memory (based on big data from the VKontakte social network)", *Rusin*, no. 69, pp. 282–305. DOI: 10.17223/18572685/69/16.
2. Pipia, K. (2019), "National identity and pride: press release", *Levada-Center*, 17.01.2019, available at: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/> (accessed 21.10.2024).
3. "Memory of the USSR: Gagarin vs. Gorbachev" (2021), *VCIOM*, available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamjat-ob-sssr-gagarin-protiv-gorbacheva> (accessed 21.10.2024).
4. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu. and Rogaeva, I.E. (2023), "Historical narratives of national identity in the optics of Runet big data: semantic constructs "war" and "peace"", *Rusin*, no. 74, pp. 339–363. DOI: 10.17223/18572685/74/17.
5. Avdonin, V.S., Dolgov, A.Yu., Efremenko, D.V. et al. (2024), *Sovetskoe proshloe v politicheskoi ritorike sovremennoi Rossii* [The Soviet past in the political rhetoric of modern Russia], in Korgunyuk Yu.G. and Meleshkina, E.Yu., INION RAS, Moscow, RUSSIA.

6. "Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy"", *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/ (accessed 21.03.2024).

7. "Decree of the President of the Russian Federation of January 25, 2023 No. 35 "On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy, approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 N 808"", *Consultant Plus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438209/ (accessed 21.03.2024).

8. Steffens, N.K., Haslam, A.S., Ryan, M.K. and Millard, K. (2017), "Genius Begins at Home: Shared Social Identity Enhances the Recognition of Creative Performance", *British J. of Psychology*, vol. 108, no. 4, pp. 721–736. DOI: 10.1111/bjop.12242.

9. Nora, P. (2005), "World Celebration of Memory", *Neprikosvannyi zapas*, no. 2–3, pp. 391–403.

10. Halbwachs, M. (2007), *Les cadres sociaux de la memoire*, Transl. by Zenkin, S.N., Novoe izdatel'stvo, Moscow, RUS.

11. Assmann, Ja. (2004), *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, Transl. by Sokolskaya, N.N., LRC Publishing House, Moscow, RUS.

12. Hutton, P.H. (2003), *History as the Art of Memory*, Transl. by Bystrov, V.Yu., Vladimir Dal', SPb., RUS.

13. Olick, J.K. (2008), "Collective memory: A memoir and prospect", *Memory studies*, vol. 1, iss. 1, pp. 23–29. DOI: 10.1177/1750698007083885.

14. Malinova, O.Yu. (2020), "Memory Regime as a Tool of Analysis: Problems of Conceptualization", *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe], in Miller, A.I. and Efremenko, D.V. (eds.), *Izd-vo Evropeis. un-ta v SPb., SPb.*, RUS.

15. "Cinema: encyclopedic dictionary" (1987), in Yutkevich, S. (ed.), available at: <http://art.niv.ru/doc/encyclopedia/cinema/index.htm> (accessed 21.10.2024).

16. Sorochkin, Yu., Sklez, V. and Suverina, E. (2013), "Public history is not a discipline. An interview with Professor Jerome de Groot of the University of Manchester", *Art&kult*, no. 11 (3–2013), pp. 9–23.

17. Girard, R. (2000), *La Violence et le Sacre*, Transl. by Dashevskii, G., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.

18. Piskunova, A.E. (2023), "'Screening' the Memory of Soviet Cosmonautics: the (Re)Production of Space Images in Contemporary Russian Cinema", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 1, pp. 73–80. DOI: 10.14529/ssh230109.

19. Lysova, N.A. (2020), "Representation of image of the past in modern Russian historical fiction films", *Philosophy and Culture*, no. 2, pp. 12–26. DOI: 10.7256/2454-0757.2020.2.32256.

20. Medyanets, D.V. and Perova, E.Yu. (2022), "'Memory as part of cultural identity (on the basis of the image of "Sovietness" in Russian cinema)", *J. of Cultural Research*, no. 4 (50): 6. DOI: 10.34685/HI.2022.50.65.030.

Information about the author.

Kirill O. Dobronravov – Can. Sci. (Philosophy, 2023), Associate Professor at the Department of Theater Art and Sociocultural Processes, Omsk State University, 36 Krasny put str., Omsk 644072, Russia. The author of more than 20 scientific publications. Area of expertise: philosophy of art, cultural-philosophical anthropology, study of specific cultural phenomena in the context of the general laws of the existence of culture.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.10.2024; adopted after review 17.12.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья

УДК 32.019.52

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-41-51>

Уровни политического доверия молодежи Калининградской области

Михаил Игоревич Кришталь¹✉, Полина Сергеевна Колокольцева²

^{1, 2}Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

¹✉MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

²PSKolokoltseva@stud.kantiana.ru

Введение. Высокий уровень политического доверия является важным элементом стабильного и эффективного государственного управления. На современном этапе тема исследования политического доверия в России обрела дополнительную актуальность по причине значительных изменений, происходящих во всех общественных сферах в связи с ростом международной напряженности. Целью данного исследования является определение уровней доверия молодежи Калининградской области к внутриполитическим акторам, представляющим российскую власть.

Методология и источники. Исследование основывается на трудах отечественных ученых, посвященных изучению особенностей политического доверия жителей России. С опорой на них и были выдвинуты гипотезы. Эмпирической базой исследования выступали данные, полученные в ходе массового опроса молодежи Калининградской области (n = 397). На их основе были рассчитаны индексы доверия к органам власти и политическим руководителям.

Результаты и обсуждение. Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом онлайн-анкетирования. Выявлены существенные различия в оценках доверия молодежи Калининградской области и определены его уровни в отношении органов власти и политических руководителей. Самый высокий уровень доверия зафиксирован в отношении губернатора Калининградской области, председателя правительства РФ и президента РФ. Средний уровень доверия молодежь демонстрирует в отношении органов госбезопасности, правительств РФ и Калининградской области, суда и регионального парламента. Низким уровнем доверия пользуются Государственная Дума, Совет Федерации, глава администрации Калининграда и глава ГО «Город Калининград».

Заключение. Выявлено, что политическому доверию молодежи Калининградской области присущи следующие признаки, характерные и для населения России в целом: высокий уровень доверия главе государства, невысокое доверие к парламенту и персонификация доверия. Среди специфичных черт политического доверия молодежи региона можно выделить высокую степень доверия к губернатору, а также отсутствие существенных различий в доверии к органам власти федерального и регионального уровней.

© Кришталь М. И., Колокольцева П. С., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: молодежь, доверие, политическое доверие, индекс доверия, органы власти, Калининградская область

Для цитирования: Кришталь М. И., Колокольцева П. С. Уровни политического доверия молодежи Калининградской области // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 41–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-41-51.

Original paper

Levels of Political Trust among Young People in the Kaliningrad Oblast

Mihail I. Krishtal¹✉, **Polina S. Kolokoltseva²**

^{1, 2}*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

¹✉*MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>*

²*PSKolokoltseva@stud.kantiana.ru*

Introduction. A high level of political trust is an important element of stable and effective public administration. At the present stage, the topic of the study of political trust in Russia has gained additional relevance due to the significant changes taking place in all public spheres in connection with the growth of international tensions. The aim of this study is to determine the levels of trust of young people in the Kaliningrad Oblast towards domestic political actors representing the Russian authorities.

Methodology and sources. The research is based on the works of Russian researchers devoted to the study of the peculiarities of political trust of Russian residents. On the basis of that there were put forward the hypotheses. The empirical base of the research was the data obtained in the course of a mass survey of young people in the Kaliningrad Oblast (n = 397). The indices of trust in the authorities and political leaders were calculated on their basis.

Results and discussion. The results of the sociological research conducted by the method of online questionnaire are presented. Significant differences in assessments of trust of young people in the Kaliningrad region have been revealed and its levels in relation to the authorities and political leaders have been determined. The highest level of trust is recorded in relation to the Governor of the Kaliningrad Oblast, the Chairman of the Government of the Russian Federation and the President of the Russian Federation. The average level of trust is demonstrated by young people in relation to state security bodies, the governments of the Russian Federation and the Kaliningrad region, the court and the regional parliament. The State Duma, the Council of Federation, the head of the Kaliningrad administration and the head of the City of Kaliningrad have a low level of trust.

Conclusion. It has been revealed that the political trust of young people in the Kaliningrad region is characterised by the features, which are typical for the Russian population as a whole, such as a high level of trust in the head of state, low trust in parliament and personalisation of trust. Among the specific features of the political trust of young people in the region we can single out a high degree of trust in the governor, as well as the absence of significant differences in trust in the authorities of the federal and regional levels.

Keywords: youth, trust, political trust, trust index, authorities, Kaliningrad Oblast

For citation: Krishtal, M.I. and Kolokoltseva, P.S. (2025), "Levels of Political Trust among Young People in the Kaliningrad Oblast", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 41–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-41-51 (Russia).

Введение. Политическое доверие выступает основой легитимности органов власти, являясь важным фактором, определяющим отношение социума к государственным предписаниям и официальной информации. Исходя из этого, можно констатировать, что данный социально-политический феномен во многом отражает степень консолидации между обществом и властью.

Сегодня изучение этого феномена обретает особую актуальность по причине геополитической турбулентности и возникающих вследствие нее масштабных изменений в общественных сферах. В этих нестабильных условиях эффективность государственного управления серьезным образом зависит от степени доверия граждан, так как кроме негативного восприятия государственных предписаний и официальной информации невысокое доверие может привести к возникновению и расширению «серой зоны», в рамках которой будут происходить действия незаконного и полуправового характера (например, коррупция) [1, с. 167–168].

Анализ специфики политического доверия молодежи является особенно важным в силу ряда причин. Во-первых, в среде российской молодежи фиксируется более низкий уровень институционального доверия [2, с. 167], который трансформируется в пассивность участия в общественно-политической деятельности [3, с. 25]. Во-вторых, молодежь характеризуют как самую реакционную группу, которая наиболее интенсивно реагирует на инициативы и действия властей [4, с. 19]. В-третьих, в настоящее время обретает политическую субъектность поколение центениалов, родившихся после 2001 г. [5, с. 18]. Данное поколение прошло период взросления в кризисных условиях (пандемия COVID-19, специальная военная операция на Украине), поэтому есть основания считать ее представителей носителями особой политической культуры. В-четвертых, это обусловлено восприятием органами власти молодежи как активной социальной группы, склонной к инновациям [6, с. 52], что определяет ее высокое значение в процессе государственного управления. И, в-пятых, отсутствие доверия со стороны молодежи провоцирует ее отчужденность от политической системы, что может в итоге способствовать усилению авторитарных характеристик политического режима [7, с. 256].

В данном исследовании анализируется политическое доверие молодежи Калининградской области. Этот регион в силу своего эксклавного положения находится под сильным влиянием внешних факторов, возникших в результате роста напряженности в международных отношениях. Поэтому власти оказались в непривычной ситуации по причине возникновения новых вызовов в управлении эксклавом. Этот факт дополнительно актуализирует цель данного исследования, которая заключается в определении уровней доверия молодежи Калининградской области к внутриполитическим акторам, представляющим российскую власть.

Методология и источники. Настоящее исследование опирается на труды отечественных авторов, изучающих особенности политического доверия к различным институтам власти в России. Ученые выделяют существенные различия в уровне доверия к ним. Отмечается, что наиболее высокое доверие россияне демонстрируют президенту страны [8, с. 84; 9, с. 145]. Проявление подобного отношения граждан к главе государства фиксировалось и ранее: на начальных этапах правления М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, а также в годы президентства Д. А. Медведева [10, с. 11–12].

Ученые отмечают, что высокое доверие к В. В. Путину не подвержено влиянию снижения социально-экономического уровня жизни россиян. В то же время на примере других политических институтов, особенно тех, которые занимаются внутренней политикой, можно наблюдать их делегитимацию под воздействием ухудшения положения жителей страны [4, с. 20]. В качестве объяснения данного феномена исследователи приводят достаточно схожие аргументы, вытекающие из специфики политической культуры и коллективной памяти российских граждан. Во-первых, это связано с восприятием значительной частью населения В. В. Путина как символа стабильности, позитивных перемен, а также образа идеального политика [8, с. 84]. Во-вторых, это объясняется этатистскими и патерналистскими настроениями россиян, противопоставляющими сакрального представителя верховной власти чиновникам [4, с. 20]. Следствием этого, в частности, является то, что население страны не отождествляет главу государства с действиями формируемого им же состава правительства [11, с. 41]. В-третьих, это вызвано ностальгией части россиян по «жесткому правлению» и «сильной руке», которая находит отражение в институте президента России [12, с. 52]. Высокий уровень политического доверия россиян к главе государства на протяжении продолжительного времени подтверждается данными мониторинговых служб [13, с. 173–175]. Причем можно наблюдать, что после начала специальной военной операции доверие к президенту РФ только возросло.

Данные пропрезидентские настроения вполне отражают специфику более высокого доверия россиян к федеральным властям, чем к региональным, и особенно к местным [14, с. 121]. Это обусловлено традиционными представлениями жителей страны о моноцентрической и пирамидальной структуре власти [15, с. 267–268]. Согласно им, значимость институтов власти определяется их положением в иерархии.

Заметно более низким уровнем доверия россиян пользуются институты, связанные с политической конкуренцией, в частности Государственная Дума. Это объясняется неукорененностью представительной демократии и устойчивостью авторитарных порядков в стране [16, с. 164–165]. Также невысокое доверие к парламенту обусловлено его недостаточной представленностью в СМИ [17], слабостью связей широких групп населения с партийно-политическими институтами, деформацией партийных привязанностей граждан [8, с. 91], низким доверием к партиям [9, с. 146]. На этом фоне доверие к исполнительным органам власти проявляется в большей степени.

Также в качестве характеристики политического доверия россиян выделяют ее персонафицированный характер [18, с. 66–67]: жители России больше склонны доверять конкретным представителям власти, чем ее обезличенным институтам. В частности, доверие к председателю правительства РФ фиксируется на более высоком уровне, чем к высшему органу исполнительной власти, который он возглавляет [19, с. 301].

Отметим, что на общероссийском уровне молодежи в целом присущи выделенные характеристики политического доверия. Для данной социально-демографической группы также характерно самое высокое доверие к президенту РФ, более высокая степень доверия к федеральным органам власти, чем к региональным, а также относительно низкий уровень доверия к представительным органам власти. В то же время в случае с молодежью не прослеживается персонафикация доверия [20, с. 90–91].

Акцентируя внимание на научных трудах, посвященных анализу политического доверия в Калининградской области, можно отметить, что авторы фиксируют выделенные черты, присущие политическому доверию россиян в целом [21, с. 83–97; 22, с. 99]. В то же время практически не уделено внимания доверию молодежи региона в отношении политических институтов и персоналий. При этом, преимущественно на примере отношения к социальным институтам, выявлены различия в доверии лояльной и оппозиционной к власти молодежи. Первая полагается на институты, регулирующие ее деятельность, вторая доверяет институтам, на которые может повлиять [23, с. 580]. Данное исследование стремится заполнить имеющийся пробел и выявить уровни политического доверия молодежи Калининградской области.

В соответствии с логикой представленных научных работ были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1: президент РФ пользуется среди молодежи Калининградской области наибольшим доверием в системе государственной власти.

Гипотеза 2: региональные органы власти и политики пользуются меньшим доверием молодежи, чем федеральные.

Гипотеза 3: представители молодежи склонны более доверять конкретным представителям власти, чем ее неперсонифицированным органам.

Гипотеза 4: представительные органы власти пользуются невысоким уровнем доверия среди молодежи.

Для подтверждения или опровержения выдвинутых гипотез в период с 11 февраля по 11 марта 2024 г. посредством онлайн-анкетирования ($n = 397$) был проведен массовый опрос молодежи Калининградской области. Значение доверительной вероятности составило примерно 95 %, погрешность – около ± 5 %. В областном центре (Калининград) было опрошено 43,2 % молодежи, 56,8 % – за его пределами. Сформированная выборка отражает основные свойства генеральной совокупности по полу, выделенным возрастным группам (18–24 года, 25–29 лет, 30–35 лет) и месту проживания. Верхняя возрастная граница молодежи определена российскими законодательными нормами, нижняя граница – возрастом наступления совершеннолетия в соответствии с законодательством РФ.

Ключевой категорией исследования выступает политическое доверие. Среди ученых нет единого подхода к его определению. В общем плане под ним понимается «уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» [8, с. 81]. В данной статье изучается такой аспект политического доверия, как доверие к политическим субъектам.

Поскольку на современном этапе отсутствует универсальная методика измерения политического доверия, нами была предложена методика его оценки посредством расчетов индексов доверия (ИД). Учитывалось, что показатель доверия может принимать отрицательные значения, поэтому респонденты по шкале от «2» (полностью доверяю) до «–2» (совершенно не доверяю) определили свой уровень доверия различным внутривнутриполитическим акторам. Также респонденты могли выбрать вариант «затрудняюсь ответить». ИД рассчитывались по следующей формуле:

$n_{\text{полностью доверяю}} * 2 + n_{\text{скорее доверяю}} + n_{\text{скорее не доверяю}} * (-1) + n_{\text{совершенно не доверяю}} * (-2)$.

Гипотетически показатели ИД могут варьироваться от 200, если каждый респондент выразил полное доверие, до -200 , в случае если все опрошенные выбрали вариант «совершенно не доверяю».

Основываясь на ИД, в исследовании была составлена типология органов власти и ее представителей согласно уровню доверия к ним молодежи Калининградской области. Для анализа доверия были отобраны следующие актуальные на момент опроса субъекты политической системы: правительство РФ, правительство Калининградской области, президент РФ (В. В. Путин), председатель правительства РФ (М. В. Мишустин), губернатор Калининградской области (А. А. Алиханов), органы госбезопасности, суд, Совет Федерации, Государственная Дума, Законодательное собрание Калининградской области, глава администрации Калининграда (Е. И. Дятлова) и глава ГО «Город Калининград» (О. А. Аминов).

Результаты и обсуждение. Данные массового опроса подтвердили наличие существенных различий в оценках доверия российской молодежи [24, с. 613]. В группе с наиболее высоким показателем оказались действующий на момент проведения опроса губернатор Калининградской области А. А. Алиханов (ИД = 57,7), председатель правительства РФ М. В. Мишустин (ИД = 48,9) и президент РФ В. В. Путин (ИД = 45,9) (см. табл.). В данном случае речь идет о политических персоналиях, на основании чего можно утверждать о подтверждении третьей гипотезы о персонифицированном характере доверия молодежи.

В то же время выявлена особенность политического доверия, характерная для молодежи Калининградской области: ИД А. А. Алиханову и в меньшей степени председателю правительства РФ были выше, чем главе государства. При этом стоит заметить, что доля абсолютно доверяющих В. В. Путину среди респондентов самая высокая (40,8 %). Данный парадокс обусловлен значительной долей тех, кто совершенно не доверяет президенту РФ (22,3 %). Только в случае с Государственной Думой доля ответивших подобным образом была выше (25,1 %). Таким образом, мы можем заявлять о существенной дифференциации мнений относительно вопроса доверия к президенту РФ среди молодежной аудитории. Поэтому можно констатировать, что первая гипотеза подтвердилась лишь частично.

Группа политических акторов со средним уровнем доверия включает органы госбезопасности (ИД = 32,3), правительство РФ (ИД = 31,2), правительство Калининградской области (ИД = 31,0), суд (ИД = 25,9) и Законодательное собрание Калининградской области (ИД = 20,7). Таким образом, вновь не зафиксированы различия в доверии к политическим субъектам федерального и регионального уровней, что позволяет заявить о неподтвержденности второй гипотезы.

В то же время нашла свое подтверждение четвертая гипотеза о невысоком уровне доверия молодежи к представительным органам. Доля совершенно не доверяющих Государственной Думе самая высокая, поэтому ИД к ней имеет отрицательное значение ($-0,5$). Заметим, что и упомянутый региональный парламент в лице Законодательного собрания Калининградской области пользуется меньшим доверием в сравнении с другими органами власти. Кроме Государственной Думы в группе политических акторов с низким доверием оказались глава администрации Калининграда Е. И. Дятлова (ИД = 15,6), Совет Федерации (ИД = 10,5) и глава ГО «Город Калининград» О. А. Аминов (ИД = $-7,6$). В случае с послед-

ним зафиксирована самая высокая доля затруднившихся ответить (23,3 %). На основании этого можно предположить о невысокой осведомленности молодежи о деятельности главы ГО «Город Калининград».

Индексы политического доверия молодежи Калининградской области
Indices of political confidence of youth in the Kaliningrad region

Орган государственной власти	Показатель доверия, %							ИД
	2	1	-1	-2	з.о.	+	-	
Губернатор Калининградской области А. А. Алиханов	27,5	41,1	15,6	11,4	4,4	68,6	27,0	57,7
Председатель правительства РФ М. В. Мишустин	31,0	31,5	17,0	13,8	6,6	62,5	30,8	48,9
Президент РФ В. В. Путин	40,8	20,4	11,5	22,3	5,0	61,2	33,8	45,9
Органы госбезопасности	28,2	25,6	19,7	15,0	11,4	53,8	34,7	32,3
Правительство РФ	26,9	30,6	22,0	15,6	4,9	57,5	37,6	31,2
Правительство Калининградской области	22,6	33,7	17,9	15,0	10,8	56,3	32,9	31,0
Суд	22,9	29,1	17,8	15,6	14,5	52,0	33,4	25,9
Законодательное собрание Калининградской области	21,1	30,1	18,6	16,5	13,6	51,2	35,1	20,7
Глава администрации Калининграда Е. И. Дятлова	19,4	29,2	26,2	13,1	12,1	48,6	39,3	15,6
Совет Федерации	24,7	25,8	20,5	22,1	6,9	50,5	42,6	10,5
Государственная Дума	23,5	24,8	22,1	25,1	4,6	48,3	47,2	-0,5
Глава ГО «Город Калининград» О. А. Аминов	17,5	18,0	21,8	19,4	23,3	35,5	41,2	-7,6

Заключение. По итогам проведенного исследования с опорой на расчеты ИД выделены уровни доверия молодежи Калининградской области. Наибольшим доверием обладали бывший губернатор А. А. Алиханов, председатель правительства РФ М. В. Мишустин и президент РФ В. В. Путин. При этом в случае с главой государства зафиксирована самая значительная дифференциация доверия к нему. С одной стороны, самая высокая доля молодежи отметила свое абсолютное доверие к нему, с другой – доля заявивших об отсутствии доверия также самая значительная, не считая Государственную Думу. Высокий ИД к А. А. Алиханову можно объяснить молодостью политика (37 лет на момент окончания губернаторских полномочий), а также его пиар-деятельностью, направленной на взаимодействие с молодежью региона. В целом средний уровень доверия молодежь демонстрирует в отношении органов госбезопасности, правительств РФ и Калининградской области, суда, а также регионального парламента. Низким уровнем доверия пользуются обе палаты Федерального собрания, глава администрации Калининграда Е. И. Дятлова и глава ГО «Город Калининград» О. А. Аминов.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что молодежь региона, как и жители России, склонны менее доверять представительным органам власти в сравнении с исполнительными и судебными, что объясняется их слабой укорененностью в политической системе страны и недостаточно высокой репрезентацией их деятельности в медиа. Еще одной схожей чертой политического доверия молодежи Калининградской области является большая степень доверия конкретным представителям власти, чем ее неперсонифицированным органам. Таким образом, по типу объекта индивидуальная форма политического доверия является для рассматриваемой социально-демографической группы более характерной, чем институциональное. Вероятно, это связано с устоявшимися в российском обществе представлениями о первостепенной роли руководителя.

В то же время не было выявлено большего уровня доверия молодежи к органам власти и политикам федерального уровня в сравнении с региональными. Данную особенность можно рассматривать в качестве специфической характеристики политического доверия молодежи российского эксклава. При этом наглядно виден более низкий уровень доверия к руководителям областного центра.

Развитие данной исследовательской темы видится в выявлении факторов, влияющих на специфику политического доверия в молодежной среде Калининградской области: медиавоздействия, социально-экономических и культурных индикаторов и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбчак П. Н. Доверие как категория политологического анализа // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 164–174.
2. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1 (173). С. 157–179. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2212.
3. Лояльность молодежи к современной российской власти / Е. А. Исаева, А. А. Фролов, А. А. Беляков, Е. Д. Гребенко // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 4. С. 22–41. DOI: 10.31429/26190567-22-4-22-41.
4. Морозов С. И., Макаренко К. М. Доверие современной российской молодежи политическим институтам в условиях кризисных потрясений // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 3. С. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>.
5. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социол. исслед. 2018. № 3 (407). С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.
6. Титов В. В., Самохвалов Н. А. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 51–54. DOI 10.26140/anie-2019-0801-0008.
7. Андриив И. И., Пузанова А. Д. Стратегии изучения политического доверия молодежи в современной политической науке // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 252–265. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-252-265.
8. Козырева П. М., Смирнов А. И. Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестн. института социологии. 2015. № 1 (12). С. 79–99.
9. Пушкарева Г. В., Сычев В. В. Политическое институциональное доверие в российском обществе // Государственное управление. Электронный вестн. 2023. № 100. С. 142–154. DOI 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154.
10. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестн. общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
11. Институциональное доверие как эмпирический индикатор легитимности политических элит / А. Салгириев, М. Бетильмерзаева, В. Газиев, М. Солтамурадов // Центральная Азия и Кавказ. 2016. Т. 19, № 4. С. 38–46.
12. Кобелева Х. А. Институциональное доверие в современной России через призму политического генотипа // Вестн. ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2016. № 1. С. 51–53.
13. Железнова К. Е., Щукина Н. П. Доверие к базовым социальным институтам в ракурсе научных исследований ВЦИОМ и Левада-центра // Инновационные научные исслед. 2022. № 11–4 (23). С. 169–181. DOI: 10.5281/zenodo.7396444.
14. Никифоров Я. А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 2. С. 120–123. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123.

15. Реутов Е. В. Политическое доверие в региональном пространстве // Научные ведомости БелГУ. Сер. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102), вып. 18. С. 265–272.
16. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.
17. Подвигин Е. А. Проблемы институционального доверия как основы взаимодействия общества и государственно-властной элиты в России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2017. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.07.2024). DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-833.
18. Белоконов С. Ю., Левина Е. В. Актуальные вопросы определения индикаторов доверия граждан к власти // Власть. 2022. Т. 30, № 1. С. 64–72. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8782.
19. Романович Н. А. Доверие как культурный феномен в ситуации неопределенности // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 8. С. 299–305.
20. Попова О. В., Гришин Н. В. Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов // Вестн. Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 1. С. 88–100. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100.
21. Кришталь М. И., Щекотуров А. В. Методология и методика анализа социально-политических настроений: учеб. пособие. Калининград: Страж Балтики, 2021.
22. Проданцов К. С. Социально-политические настроения жителей Калининградской области как индикатор геополитической безопасности региона // Вестн. БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 90–106. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-1-8.
23. Щекотуров А. В. Политическое доверие и ценности лояльной и оппозиционной молодежи в эксклавном регионе России // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2021. Т. 23, № 4. С. 570–583. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583.
24. Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестн. РУДН. Сер. Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 599–619. DOI 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

Информация об авторах.

Кришталь Михаил Игоревич – кандидат географических наук (2017), научный сотрудник социологической лаборатории института геополитических региональных исследований Балтийского федерального университета имени И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56, Калининград, 236022, Россия. Автор 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, электоральное поведение, развитие политических партий, электоральная география.

Колокольцева Полина Сергеевна – бакалавр (4-й курс) института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта, ул. Чернышевского, д. 56, Калининград, 236022, Россия. Сфера научных интересов: политическая социология, политическая психология, политическое доверие.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 07.08.2024; принята после рецензирования 06.11.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Rybchak, P.N. (2015), "Trust as a category of political analysis", *Administrative Consulting*, no. 9 (81), pp. 164–174.
2. Veselov, Yu.V. and Skvortsov, N.G. (2023), "Transformation of the culture of trust in Russia", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (173), pp. 157–179. DOI 10.14515/monitoring.2023.1.2212.

3. Isaeva, E.A., Frolov, A.A., Belyakov, A.A. and Grebenko, E.D. (2021), "Loyalty of youth to modern Russian authorities", *South-Russian J. of Social Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 22–41. DOI 10.31429/26190567-22-4-22-41.

4. Morozov, S.I. and Makarenko, K.M. (2023), "Trust of Modern Russian Youth in Political Institutions in Conditions of Crisis Shocks", *Science J. of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 28, no. 3, pp. 16–28. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.2>.

5. Radaev, V.V. (2018), "Millennials compared to previous generations: an empirical analysis", *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 3 (407), pp. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029.

6. Titov, V.V. and Samokhvalov, N.A. (2019), "Analysis of social and political values of the youth at the present stage of Russian society development", *Azimut of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 51–54. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0008.

7. Andriiv, I.I. and Puzanova, A.D. (2023), "Strategies for studying the political trust of youth in modern political science", *RUDN J. of Political Science*, vol. 25, no. 1, pp. 252–265. DOI 10.22363/2313-1438-2023-25-1-252-265.

8. Kozyreva, P.M. and Smirnov, A.I. (2015), "Political Trust in Russia: Peculiarities and Problem of Optimality", *Bulletin of the Institute of Sociology*, no. 1 (12), pp. 79–99.

9. Pushkareva, G.V. and Sychev, V.V. (2023), "Political institutional trust in the Russian society", *E-J. Public Administration*, no. 100, pp. 142–154. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154.

10. Gudkov, L.D. (2012), "'Trust' in Russia: meaning, functions, and structure", *The Russian Public Opinion Herald*, no. 2 (112), pp. 8–47.

11. Salgiriev, A., Betil'merzaeva, M., Gaziev, V. and Soltamuradov, M. (2016), "Institutional trust as an empirical indicator of the legitimacy of political elites", *Central Asia and the Caucasus*, vol. 19, no. 4, pp. 38–46.

12. Kobeleva, Ch.A. (2016), "Institutional trust in modern Russia through the prism political genotype", *Proceedings of Voronezh State Univ. Ser. History. Political Science. Sociology*, no. 1, pp. 51–53.

13. Zheleznova, K.E. and Schukina, N.P. (2022), "Trust in basic social institutions in the perspective of scientific research by VCIOM and Levada center", *Innovative scientific research*, no. 11–4 (23), pp. 169–181. DOI: 10.5281/zenodo.7396444.

14. Nikiforov, Ya.A. (2018), "Trust to the Authorities in the Regional Context: Sociological Measurement", *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, vol. 18, no. 2, pp. 120–123. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123.

15. Reutov, E.V. (2011), "Political trust in regional space", *Belgorod State Univ. Scientific Bulletin. Economics. Information technologies*, vol. 7 (102), iss. 18, pp. 265–272.

16. Latov, Yu.V. (2021), "Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring)", *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 161–175. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.11.

17. Podvigin, E.A. (2017), "Problems of institutional confidence as the foundations of the interaction of the society and the state-power elite in Russia", *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, no. 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (accessed 15.07.2024). DOI: 10.18384/2224-0209-2017-4-833.

18. Belokonev, S.Yu. and Levina, E.V. (2022), "Current issues of determining indicators of citizens' trust in the government", *Vlast' [The Authority]*, vol. 30, no. 1, pp. 64–72. DOI: 10.31171/vlast.v30i1.8782.

19. Romanovich, N.A. (2015), "Trust as a cultural phenomenon in a situation of uncertainty", *Symbol of Science: International Scientific J.*, no. 8, pp. 299–305.

20. Popova, O.V. and Grishin, N.V. (2023), "Russian youth's political trust: self-assessment and expert opinion", *Perm Univ. Herald. Political Science*, vol. 17, no. 1, pp. 88–100. DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-88-100.

21. Krishtal', M.I. and Shchekoturov, A.V. (2021), *Metodologiya i metodika analiza sotsial'no-politicheskikh nastroyenii [Methodology and methods of analysis of socio-political sentiments]*, Strazh Baltiki, Kaliningrad, RUS.

22. Prodantsov, K.S. (2023), "Socio-political moods of the residents of the Kaliningrad region as an indicator of the geopolitical security of the region", *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal Univ. Ser. Humanities and social science*, no. 1, pp. 90–106. DOI: 10.5922/sikbfu-2023-1-8.

23. Shchekoturov, A.V. (2021), "Political trust and values of loyal and oppositional youth in the exclave region of Russia", *RUDN J. of Political Science*, vol. 23, no. 4, pp. 570–583. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-570-583.

24. Popova, O.V. and Lagutin, O.V. (2019), "Political views of the youth: loyalty or protest?", *RUDN J. of Political Science*, vol. 21, no. 4, pp. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

Information about the authors.

Mihail I. Krishtal – Can. Sci. (Geography, 2017), Research Officer of the Sociological Laboratory of the Institute of Geopolitical Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, 56 Chernyshevskogo str., Kaliningrad 236022, Russia The author of 50 scientific publications. Area of expertise: political sociology, electoral behaviour, development of political parties, electoral geography.

Polina S. Kolokoltseva – Bachelor (4th year) of the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, 56 Chernyshevskogo str., Kaliningrad 236022, Russia. Area of expertise: political sociology, political psychology, political trust.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 07.08.2024; adopted after review 06.11.2024; published online 20.02.2025.*

Оригинальная статья
УДК 316; 004.8
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70>

Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований

Владимир Евгеньевич Драч^{1✉}, **Юлия Владимировна Торкунова**²

^{1, 2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

²Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

^{1✉}vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>

²torkynova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7642-6663>

Введение. В статье рассматривается использование генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) в социологических исследованиях. Актуальность темы определяется возрастанием интереса к применению новых технологий для повышения эффективности и точности исследований в области социальных наук. ГИИ предоставляет новые возможности для сбора, обработки и анализа данных, что может существенно изменить традиционные подходы в социологии.

Методология и источники. Исследование базируется на анализе доступных публикаций и экспериментальных данных, полученных в ходе общения с социологами, использующими ГИИ в своих проектах. В работе рассматриваются методики генерации описаний, анализа изображений и генерации синтетических изображений с использованием алгоритмов машинного обучения. Акцент сделан на конкретных случаях применения ГИИ в социологических исследованиях, а также на примерах успешных проектов.

Результаты и обсуждение. Результаты исследования показывают, что использование ГИИ позволяет значительно ускорить процесс обработки данных и повысить их качество. Выявлены новые паттерны и тенденции в социологических исследованиях, благодаря чему ученые могут получать более точные и обоснованные выводы. Обсуждаются также этические аспекты, связанные с использованием ГИИ, такие как вопросы конфиденциальности и алгоритмической предвзятости.

Заключение. Генеративный искусственный интеллект представляет собой мощный инструмент, способный трансформировать социологические исследования. Несмотря на существующие вызовы, он открывает новые горизонты для сбора и анализа данных, способствуя более глубокому пониманию социальных процессов и явлений. Важно продолжать исследовать возможности и ограничения ГИИ для развития социологической науки.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, социологические исследования, анкеты, машинное обучение, этические аспекты

Для цитирования: Драч В. Е., Торкунова Ю. В. Использование генеративного искусственного интеллекта для социологических исследований // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70.

© Драч В. Е., Торкунова Ю. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Implementation of Generative Artificial Intelligence in Sociological Research

Vladimir E. Drach¹✉, Yulia V. Torkunova²

^{1, 2}Sochi State University, Sochi, Russia

²Kazan State Energy University, Kazan, Russia

¹✉vladimir@drach.pro, <https://orcid.org/0009-0009-6280-3160>

²torkunova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7642-6663>

Introduction. This article discusses the use of generative artificial intelligence (GAI) in sociological research. The relevance of the topic is determined by the increasing interest in applying new technologies to enhance the efficiency and accuracy of research in social sciences. GAI provides new opportunities for data collection, processing, and analysis, which can significantly change traditional approaches in sociology.

Methodology and sources. The research is based on an analysis of available publications and experimental data obtained during discussions with sociologists using GAI in their projects. The paper examines methodologies for generating surveys, processing respondents' answers, and analyzing big data using machine learning algorithms. The focus is on specific cases of GAI applications in sociological research, as well as examples of successful projects.

Results and discussion. The results of the study demonstrate that the use of GAI allows for significantly accelerating the data processing process and enhancing the quality of the data. New patterns and trends in sociological research have been identified, enabling researchers to draw more accurate and justified conclusions. Ethical aspects related to the use of GAI are also discussed, such as issues of confidentiality and algorithmic bias.

Conclusion. Generative artificial intelligence represents a powerful tool capable of transforming sociological research. Despite existing challenges, it opens new horizons for data collection and analysis, fostering a deeper understanding of social processes and phenomena. It is important to continue exploring the possibilities and limitations of GAI for the advancement of sociological science.

Keywords: generative artificial intelligence, sociological research, surveys, machine learning, ethical aspects

For citation: Drach, V.E. and Torkunova, Yu.V. (2025), "Implementation of Generative Artificial Intelligence in Sociological Research", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 52–70. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-52-70 (Russia).

Введение. Взрывной рост возможностей и популярности нейросетей после 2020 г. вызвал огромный интерес к генеративному искусственному интеллекту (Generative artificial intelligence, generative AI, GenAI или GAI), который широко обсуждается в СМИ и вызывает целый спектр эмоций – от восторга до серьезных опасений [1]. Некоторые исследователи предупреждают о возможных катастрофических последствиях, включая угрозу для человечества, в то время как другие указывают на риск создания вредоносного контента и экологические издержки [2–4]. В академической среде преподаватели сталкиваются с проблемой GAI, когда студенты выдают результаты работы нейросетей за свои. Важно рассмотреть влияние этих технологий на социологические исследования, поскольку GAI может способствовать прогрессу в анализе текста, экспериментах и моделировании.

В настоящей работе представлены исследования на стыке социальных наук и информационных технологий для демонстрации применения GAI в социологии. Рассматриваются две основные методологические области: анализ текста и изображений. Во-первых, большие языковые модели (LLM) улучшают социологический анализ текстовых данных, предлагая более точную классификацию документов и возможности для экспериментов. Рассматривается, как эти модели могут быть адаптированы для качественного анализа текста, позволяя выполнять более интерактивное и интерпретативное исследование. Во-вторых, рассматривается, как современные модели GAI, такие как Fooocus, DALL·E, Perplexity и ChatGPT, могут анализировать и генерировать изображения. Показано, как эти модели могут кодировать визуальные данные и создавать синтетические изображения для экспериментов. Сделано предположение, что GAI дополняет, но не заменяет существующие социологические методы.

Несмотря на потенциал GAI, важно использовать эти технологии осторожно. Сложность интерпретации выходных данных, непрозрачность данных для обучения и возможная ненадежность результатов вызывают вопросы о воспроизводимости и приватности. Эти модели поднимают также этические проблемы, особенно в исследованиях, связанных с персональными данными. Рассматривается вопрос «предвзятости» GAI и его влияние на социальные исследования, а также необходимость разработки моделей, более подходящих для социальных наук.

Методология и источники. Методология исследования основана на интеграции количественных и качественных подходов, что позволяет более глубоко анализировать применение генеративного искусственного интеллекта в социологических исследованиях. В рамках работы используются большие языковые модели для анализа текстовых данных, что обеспечивает высокую точность классификации и аннотирования. Эти модели, обученные на обширных текстовых корпусах, позволяют исследователям взаимодействовать с данными в диалоговом формате, задавая вопросы и получая интерпретации, что значительно расширяет возможности качественного анализа. Кроме того, применяется мультимодальный подход, который включает анализ изображений с использованием современных моделей компьютерного зрения, способных извлекать информацию из визуальных данных и генерировать синтетические изображения.

Источниками данных для исследования служат как научные публикации, так и открытые наборы данных, содержащие текстовые и визуальные материалы. Это позволяет обеспечить разнообразие и достоверность информации. Важным аспектом является также учет этических вопросов, связанных с использованием ГИИ, включая предвзятость моделей и защиту персональных данных. Таким образом, методология статьи сочетает в себе современные технологии анализа с критическим осмыслением их применения в социологии, что способствует выявлению как потенциала, так и рисков использования ГИИ в данной области.

Результаты и обсуждение

Анализ текстов с применением нейросетей

Классификация, аннотации и методологические рекомендации. Большие языковые модели (англ. Large language model, LLM) или сокращенно БЯМ – это тип искусственного интеллекта, который специализируется на обработке и генерации натурального (человеческого)

языка. Они представляют собой машинные модели, обученные на огромных объемах текстовых данных, что позволяет им «понимать» вопросы и генерировать ответ на языке человека. Ранние версии моделей не могли обрабатывать объемные входные данные и генерировали короткие последовательности текста. Серьезный прорыв в преодолении этих ограничений случился около 2023 г. с появлением ChatGPT версии 3 и подобных. Скачкообразный рост качества ответов современных GAI, как правило, обуславливается тремя факторами: развитие вычислительных мощностей, разработка «трансформеров» – нейронных сетей, способных обрабатывать длинные тексты, и доступность обширных текстов для обучения. Современные модели называют «большими» из-за огромного объема текста, на которых они обучались, и миллиардов параметров, используемых для их обучения. Например, модель Llama 3 обучена на 15 трл токенов и содержит около 70 млрд параметров.

Наиболее актуальные применения больших языковых моделей для социологических исследований связаны с вычислительной социологией. Социологи используют эти модели для классификации текстов – задачи, при которой модель обучается предсказывать категории для новых текстов на основе обучающих данных. Этот метод часто применяется для обработки больших объемов текстов, таких как статьи или посты в соцсетях. БЯМ превосходят традиционные методы машинного обучения в задачах классификации текстов благодаря предварительной подготовке на огромных объемах данных, что позволяет им адаптироваться к новым задачам без дополнительного обучения.

БЯМ также способны ускорить процесс аннотирования данных. Недавние исследования показывают, что БЯМ могут справляться с задачей аннотирования, достигая качества на уровне с людьми, значительно снижая затраты. Однако, как и люди, модели могут ошибаться или неверно интерпретировать инструкции. Комбинирование работы людей и БЯМ помогает улучшить процесс аннотирования и снизить его стоимость.

Применение БЯМ выходит за рамки классификации текстов. Универсальность позволяет использовать их в различных задачах анализа, например в тематическом моделировании или в качестве вероятностных моделей языка. Способность работать с запросами дает возможность ученым создавать индивидуальные решения без глубоких знаний в области компьютерных наук, что ускоряет прототипирование и исследовательский анализ. БЯМ могут использоваться для выявления тем в текстах или проверки различных схем кодирования, а также для подтверждающего анализа. Хотя БЯМ не всегда являются идеальным инструментом для всех задач анализа текста, их универсальность создает возможности для методологических инноваций.

Вычислительный анализ содержания в диалоговом формате. БЯМ обещают усилить использование вычислительных методов в качественных исследованиях. Качественные исследователи требуют более строгих, прозрачных и гибких процедур контент-анализа и предлагают использовать вычислительные методы для достижения этих целей. БЯМ выгодны для качественного анализа по сравнению с традиционными методами. Стандартные подходы, такие как тематическое моделирование, лучше работают с большими объемами данных, а качественные данные, такие как интервью или полевые заметки, содержат несколько элементов, которые сложно анализировать без потери информации. БЯМ, обладая обширными языковыми представлениями, могут напрямую анализировать такие тексты без пред-

варительной обработки. Кроме того, их гибкость позволяет адаптировать запросы под конкретные данные.

Самым значимым новшеством является возможность диалогового вычислительного анализа контента. БЯМ позволяют исследователям «задавать вопросы» своим данным. Например, модель может резюмировать интервью, выделять темы и анализировать паттерны. Это отличается от традиционного качественного анализа, который начинается с тщательного чтения документов и создания тематических категорий. БЯМ изменяют этот процесс, выполняя итерации между вычислительным и интерпретативным подходами, позволяя распределять интерпретацию между людьми и машинами. Исследователь интерпретирует ответы модели и может оспаривать или уточнять их с помощью дальнейших запросов.

Эта диалоговая методика вызывает новые вопросы. БЯМ могут использовать внешние знания, полученные на этапе обучения, что усложняет понимание их интерпретации данных. Важно изучить «предустановленные предположения», которые влияют на ответы моделей. Например, модели могут отражать общественные когнитивные схемы и даже воспроизводить стереотипы. Для решения этих вопросов модели адаптируют с помощью обратной связи от людей, направляя их к определенным ценностям.

Исследователи должны экспериментировать с формулировкой запросов, чтобы понять, как модели реагируют, и сравнивать результаты с ручными примерами для валидации. Важно учитывать не только свою позицию в исследовании, но и роль модели, анализируя в ней заложенные взгляды. Модели не следует воспринимать как объективные или нейтральные; их выводы зависят от данных, на которых они обучены.

Современные качественные проекты часто включают большое количество интервью или наблюдений и комбинируют их с другими источниками данных для смешанного анализа. БЯМ помогают качественным исследователям более эффективно и масштабно анализировать данные, сохраняя при этом интерпретативные нюансы, которые могут быть утрачены при использовании традиционных методов.

Применение мультимодальных моделей для анализа и генерации изображений

Представление визуальных данных. Помимо работы с текстами, ИИ открывает новые возможности в социологических исследованиях изображений и визуальных данных. Параллельно с развитием языкового моделирования компьютерное зрение значительно продвинулось благодаря увеличению вычислительных мощностей и разработке сверточных нейронных сетей (СНС), которые могут распознавать сложные паттерны в изображениях, такие как контуры, текстуры и оттенки. Как и БЯМ, модели компьютерного зрения проходят предварительное обучение на общих наборах изображений, а затем адаптируются для конкретных задач. Эти модели успешно применялись в социологических исследованиях, например, для выявления изображений, связанных с протестами в социальных сетях Китая, или для анализа черт городских районов, таких как мусор на улицах по данным Google Street View.

Новые ИИ являются мультимодальными, это означает, что они обучены на данных разных типов, например текстах и изображениях, и могут использовать их как входные и выходные данные. Это открывает уникальные возможности для работы с визуальными данными, так как текстовые запросы можно применять для анализа изображений без дополнительной настройки.

Пример, связанный с социальными движениями, показывает, как ИИ умеет извлекать информацию из изображений. Так, можно передать в GAI фотографию антивоенного протеста в США (College students from various nearby schools march down Commonwealth Avenue in Boston on Oct. 16, 1965 to attend rally on Boston Common protesting U.S. involvement in Vietnam [AP Photo/Frank C. Curtin, File]) [5] и провести ее анализ (рис. 1).

Рис. 1. Исходная фотография для анализа
Fig. 1. Original photograph for analysis

Для анализа фотографии был использован инструментарий ChatGPT-4, модель o1. Фрагмент диалога с ChatGPT-4 приведен ниже.

Авторы: опиши фотографию.

ChatGPT: на изображении показана группа людей, участвующих в антивоенном марше или демонстрации. Они держат плакат с надписью «End the War in Vietnam» («Прекратите войну во Вьетнаме»), что указывает на протест против участия США во вьетнамской войне. Эта фотография, вероятно, была сделана в 1960-е или начале 1970-х годов, когда движение против войны во Вьетнаме достигло своего пика в США. Люди на фото одеты в одежду того времени, что соответствует контексту массовых протестов той эпохи.

Авторы: перечисли объекты на фотографии, выбери категории описания и конвертируй ответ в формат JSON.

ChatGPT:

```
{
  "scene": "Демонстрация против войны во Вьетнаме",
  "banner_text": "End the War in Vietnam",
  "participants": [
    {
      "gender": "мужчина",
      "approximate_age": "молодой",
      "clothing": "пальто, галстук",
      "position": "в центре, держит плакат"
    },
    {
      "gender": "мужчина",
```

```
"approximate_age": "молодой",
"clothing": "костюм, очки",
"position": "слева от центра, держит плакат"
},
{
"gender": "женщина",
"approximate_age": "молодая",
"clothing": "пальто, головной убор",
"position": "справа, держит бумагу"
},
{
"gender": "мужчина",
"approximate_age": "молодой",
"clothing": "куртка",
"position": "слева, идет в стороне от основной группы"
},
{
"gender": "мужчина",
"approximate_age": "молодой",
"clothing": "очередной костюм",
"position": "в центре, рядом с другими участниками"
}
],
"objects": [
{
"type": "плакаты",
"text": "Прекратите войну во Вьетнаме"
},
{
"type": "машины",
"approximate_year": "60-е",
"location": "на заднем плане"
}
]
}.
```

Начальный запрос был простым и не раскрывал никакой информации о фотографии. Ответ ChatGPT показал, что модель распознала изображение протеста и описала обстановку, протестующих и тексты на их плакатах. Чтобы получить более точные данные, был дан запрос на извлечение детальной информации из фотографии и представление ее в формате JSON для облегчения последующей обработки, например, на языке Python. Как видно, нейросети удалось распознать текст с плакатов и даже получить перевод, а также получить структурированную информацию, часто необходимую для дальнейших статистических и

вычислительных исследований. Результаты были не идеальными: распознаны не все тексты, ввиду того, что некоторые надписи частично перекрываются. По-видимому, уточнение запросов или доработка на основе примеров могли бы улучшить точность.

Этот пример подчеркивает, как мультимодальный ИИ может кодировать и описывать изображения без необходимости специализированного обучения. Такой подход можно масштабировать для анализа больших наборов изображений, расширяя возможности изучения коллективных действий с использованием визуальных данных. В отличие от существующих применений компьютерного зрения в социологии, которые часто ограничиваются задачами классификации изображений или обнаружения объектов, мультимодальный ИИ может извлекать более полную информацию из визуальных данных. Так же, как и в случае с анализом текста, взаимодействие с моделями через запросы упрощает эксперименты и создает новые возможности для использования визуальных данных в качественных исследованиях. Например, этнографы или архивные исследователи могли бы применять модели компьютерного зрения для создания описаний фотографий или видео, что упростило бы работу с большими коллекциями изображений и видео.

Генерация синтетических изображений. LLM могут генерировать тексты, а самые передовые мультимодальные модели способны генерировать изображения на основе текстовых запросов. Эти синтетические данные представляют собой нечто новое, что выходит за рамки привычных категорий. Как и специально собранные данные, запросы могут адаптировать сгенерированные материалы к нашим требованиям, но результирующие синтетические изображения тоже могут представлять интерес, поскольку они синтезируются на базе огромных объемов данных, использованных для обучения моделей.

До недавнего времени тексты и изображения, сгенерированные ИИ, рассматривались как курьез и могли вызывать улыбку или недоумение, однако технологический прогресс привел к значительному улучшению качества результатов. Тексты, созданные LLM, сложно отличить от написанных людьми [6], а изображения лиц, сгенерированные ИИ, могут быть неотличимы от настоящих [7].

Способность ИИ создавать реалистичные тексты и изображения открывает новые возможности для экспериментальных исследований. В частности, можно использовать инструменты наподобие Fooocus или DALL·E для создания реалистичных синтетических изображений, например для иллюстрации статей или статистических диаграмм. Такие изображения могут улучшить внешнюю валидность экспериментов, передавая социальную информацию более естественным образом, чем традиционные таблицы атрибутов, применяемые в конъюнктурных исследованиях.

В процессе выполнения данной работы, с целью иллюстрации возможностей GAI, были синтезированы фотореалистичные изображения с использованием инструментария Fooocus, серверная часть которого была запущена в Google Colab. Использованы только модели, подключенные по умолчанию. Для получения изображения (рис. 2) был сформулирован запрос: «Спортсмен на зимних Олимпийских играх в Сочи, 2014 г.». Дополнительно передавались параметры о поле, возрасте и виде спорта спортсмена для создания изображений четырех вымышленных персонажей.

Рис. 2. Результат генерации изображений
Fig. 2. Result of image generation

Полученные изображения весьма правдоподобны (хотя можно заметить некоторые несостыковки в геометрии и физике) и демонстрируют различия по половому признаку и возрасту. Даже относительно простые запросы позволяют генерировать изображения, передающие массу информации, которая способна оказать эмоциональное влияние на зрителя. Интересно отметить, что изображения включают множество деталей, таких как одежда, выражения лиц и окружение, которые не были заданы явно, но были добавлены нейросетью; при этом более детализированные запросы могут явно управлять подобными элементами.

При использовании моделей для анализа или генерации изображений важно учитывать предвзятость в данных обучения, которая может приводить к тому, что модель лучше отображает одни характеристики по сравнению с другими. Как и LLM, мультимодальные модели после предварительного обучения приобретают определенное «видение» и описание мира. Модели компьютерного зрения часто допускают ошибки при определении демографических данных на основе изображений, что приводит к систематическим предвзятостям в отношении маргинализированных групп [8]. Эти предвзятости также встречаются в GAI: в частности, аудит модели Stable Diffusion выявил склонность модели к воспроизведению стереотипов, включая представление женских лиц при запросе изображения «эмоционального человека», белых людей при запросе «привлекательного человека» и чернокожих мужчин при запросе «бандит» [9]. Учитывая такие нюансы, можно рекомендовать проводить дополнительные исследования для оценки качества этих представлений и скрытых предвзятостей, чтобы подтвердить возможность использования синтетического контента в экспериментальных условиях. Кроме того, такие атрибуты, как знание языка или продолжительность проживания [10], не всегда легко визуально представить, что ограничивает применимость сгенерированных изображений в зависимости от исследовательского вопроса.

Помимо создания изображений людей, мультимодальные модели могут генерировать сценарии, представляющие контекстуальные и окружающие факторы, а также большие коллективы. Пример, опирающийся на недавние эксперименты по оценке влияния характеристик протестов на их поддержку [11], иллюстрирует возможность использования таких моделей для создания высококачественных изображений различных демонстраций, протестов и тактик. В данном случае были сгенерированы четыре изображения протестов с вариациями по численности, сохраняя неизменным место проведения и тематику. На рис. 3 можно

видеть синтезированные изображения по запросу «Небольшой митинг Движения за права женщин в Иране», а на рис. 4 – синтезированные изображения по запросу «Массовая демонстрация Движения за права женщин в Иране».

Действительно, все упомянутые нами изображения демонстрируют группы протестующих на улицах Ирана в дневное время. Видны различия в численности протестов и расположении «виртуальной камеры». Протестующие на небольшом митинге держат плакаты с надписями, которые весьма напоминают письменность фарси (иранский язык). Многие участницы носят хиджаб (у них покрыта голова). Весьма правдоподобно показаны флаги Ирана. Сложно оценить национальную принадлежность синтезированных персонажей, но они вполне напоминают среднестатистических жителей Ирана. Есть и очевидные недостатки: модели генерации изображений пока не справляются с отображением текста, и некоторые плакаты, очевидно, содержат бессмысленные надписи. Поэтому исследователям важно внимательно проверять сгенерированный контент, хотя эту проблему, вероятно, решат по мере развития технологий.

Рис. 3. Результат генерации изображений по запросу «Небольшой митинг Движения за права женщин в Иране»
Fig. 3. Result of image generation on the query «Small meeting of the Women's Rights Movement in Iran»

Рис. 4. Результат генерации изображений по запросу «Массовая демонстрация Движения за права женщин в Иране»
Fig. 4. Results of image generation based on the query «Mass demonstration of the Women's Rights Movement in Iran»

Хотя можно решать проблемы синтетических медиа, подбирая фотографии реальных протестов, представленный здесь подход позволяет создавать контрфактические сценарии, которые невозможно найти среди существующих изображений. Чтобы продемонстрировать этот потенциал, было сгенерировано изображение демонстрации Движения за права женщин в Иране с горящей машиной, символизирующей разрушение собственности и насилие, которые, как известно, снижают поддержку протестов [12], хотя такие действия не характерны для женских протестов. В данном примере используется модель Fooocus; окончательная версия запроса указана в подписи к изображению (рис. 5). Очевидно, данный пример наглядно демонстрирует, насколько легко в настоящее время ввести читателя или зрителя в заблуждение, предлагая реалистичную фотографию с искаженным смыслом.

Рис. 5. Два варианта синтезированных изображений по запросу
«Демонстрация Движения за права женщин в Иране. Горящий автомобиль на переднем плане»
Fig. 5. Two variants of synthesized images based on the query
«Demonstration of the Women's Rights Movement in Iran. Burning car in the foreground»

Мультимодальные модели открывают новые возможности для использования визуальных данных в социологии. Эти модели не только способны выполнять классификационные задачи, но и могут создавать подробные описания изображений и генерировать реалистичные изображения, отражающие социологически значимую информацию. Текстовые, визуальные и мультимедийные возможности GAI предоставляют социологам новые способы взаимодействия с текстами, изображениями и другими медиа. Это не означает, что все социологические исследования должны использовать эти инструменты, или что GAI заменит другие вычислительные методы и роль аналитика, но технологические новшества имеют уникальные возможности, дополняющие существующие методологии. GAI обещает сделать существующие методы более гибкими и эффективными, а также открыть новые формы анализа, компьютерной интерпретации и экспериментов с синтетическим контентом.

Возможные проблемы использования GAI. Относительно нейросетей и искусственного интеллекта достаточно часто высказываются опасения общего характера, в основном по поводу потенциального злоупотребления генеративным ИИ, такого как киберпреступность, использование заведомо ложных новостей или генерация видеоклипов с подменой лиц персонажей (deepfake) для обмана, мошенничества или манипулирования людьми, а также массовая замена рабочих мест людьми [1, 3]. Но если сфокусировать внимание на применении

GAI для решения прикладных задач в сферах социологии, то набор проблем может быть локализован, что рассматривается далее.

Хотя GAI открывает методологические возможности, эти технологии сталкиваются с проблемами интерпретируемости, прозрачности, воспроизводимости, надежности и этики. Масштаб моделей, обеспечивая высокую производительность, также является источником слабых мест. Интерпретировать сложные нейронные сети трудно, особенно модели с миллиардами параметров. Область «механической интерпретируемости» пытается объяснить работу таких моделей, но она находится на ранней стадии развития.

Одной из самых серьезных проблем является то, что современные модели искусственного интеллекта (AI) для генерации изображений лучше справляются с тематикой, на которой они больше всего обучались. Рассмотрим, чем это обусловлено. Во-первых, эти модели обучаются на огромных наборах данных, которые включают миллионы изображений и соответствующих текстовых описаний. Этот процесс позволяет им выявлять сложные взаимосвязи между словами и визуальными элементами. Например, когда модель обучается на изображениях и текстовых описаниях, она начинает понимать, что такое «голубое небо» или «зеленая трава» и как эти элементы обычно появляются вместе в реальных сценах. Во-вторых, современные подходы к обучению AI, такие как контрастивное обучение и использование синтетических изображений, позволяют моделям глубже понимать высокоуровневые концепции, а не просто запоминать отдельные пиксели. Например, система StableRep, разработанная исследователями из MIT, использует синтетические изображения, сгенерированные текстово-изображающими моделями, для обучения моделей, что позволяет им лучше понимать концепции и вариации, а не просто данные. В-третьих, модели, обученные на конкретной тематике, могут лучше заполнять пробелы в информации, используя общие знания о мире. Например, если модель обучена на изображениях животных, она может генерировать изображение «голубя на улице» с учетом того, что голуби обычно бывают серыми, а улицы часто имеют определенные архитектурные особенности.

Также возникает проблема с прозрачностью данных обучения, так как многие модели управляются корпорациями, которые не раскрывают информацию о своих данных. Это затрудняет оценку влияния обучающих данных на результаты. Например, синтетические изображения протестов во время 2021–2022 гг. могут отображать участников в масках из-за данных, собранных во время пандемии, что может внести нежелательные искажения при использовании этих изображений в экспериментах. Поэтому важно учитывать, как данные обучения могут повлиять на результаты, и тщательно их оценивать. В долгосрочной перспективе необходимо исследовать данные, использованные для обучения, чтобы лучше понимать взаимосвязь между входами и выходами моделей.

Связанные с GAI проблемы включают воспроизводимость. Хотя воспроизводимость вычислительных подходов часто считается сильной стороной по сравнению с гуманитарными [13], она не гарантирована из-за стохастической структуры моделей. Одинаковые запросы могут давать разные результаты, и подобные проблемы воспроизводимости возникают даже в более простых моделях машинного обучения. Кроме того, GAI-технологии, контролируемые корпорациями, могут изменяться без уведомления, что делает невозможным воспроизведение ранее полученных результатов.

Способность GAI генерировать правдоподобный вывод может также отрицательно сказаться на некоторых исследованиях. Модели, как правило, не основаны на формальной логике и могут выдавать недостоверную информацию, что вызывает опасения по поводу надежности и стабильности. Разработчики GAI работают над созданием более надежных моделей, но исследователи должны внимательно проверять выводы и избегать использования этих моделей для задач, требующих фактической точности.

Применение GAI в социальных науках поднимает новые этические и конфиденциальные проблемы. Например, работа с чувствительными данными, такими как интервью, может нарушать правила IRB [14], так как ввод данных в коммерческие модели означает, что данные передаются третьей стороне. Кроме того, GAI может выдавать неожиданные ответы в экспериментальных условиях, что может привести к расистским или сексистским стереотипам, негативно влияющим на участников. Университеты и IRB должны разработать протоколы для безопасного использования GAI в исследованиях с участием людей. Исследователи должны осознавать риски, связанные с этими технологиями, и тщательно оценивать, как использование GAI может повлиять на субъектов исследования.

Последствия предвзятости и усилия по смягчению ее последствий. Проблема предвзятости в моделях GAI требует более тщательного рассмотрения. Исследования показывают, что традиционные методы машинного обучения могут воспроизводить предвзятости и стереотипы. Например, модели, обученные распознавать пол по изображениям, менее точны для темнокожих женщин, так как обучающие примеры преимущественно содержали белых мужчин [8]. GAI также страдает от предвзятостей, что связано с использованием большого объема неподтвержденных данных [15]. Это может негативно сказаться на социальных науках; например, при запросах, связанных с мусульманами, нейросеть ChatGPT версии 3 часто генерировала ответы, связанные с терроризмом [16].

Компании по разработке ИИ пытаются минимизировать риск предвзятости, идентифицируя проблемный контент и используя дополнительные инструкции для избежания таких выводов. Например, компания OpenAI изменила модель DALL·E, добавляя демографическую информацию к запросам, чтобы увеличить разнообразие выходных данных. Однако такие меры могут привести к абсурдным и исторически неточным изображениям.

Несмотря на важность усилий по уменьшению предвзятости, они могут подорвать использование GAI в исследованиях. С социальной научной точки зрения возможность генерировать «предвзятые» тексты или изображения часто делает их аналитически полезными [17]. Например, ограничения по поводу контента «для взрослых» или незаконной деятельности могут помешать анализу интервью, связанных с сексуальным здоровьем и наркотиками. В частности, нейросеть DALL·E 3 отказалась показывать иммигрантов с уголовными записями или протесты с насилием. Однако у нейросети Fooocus не оказалось ограничений на данную тематику. Эта ситуация подчеркивает очевидное напряжение между предвзятостью и ее смягчением. Если предвзятость является проблемой, исследователи могут предпочесть более контролируемые модели, такие как Claude от Anthropic, которые стремятся быть «полезными, честными и безвредными».

Независимо от того, как используются GAI в социологических исследованиях, важно тщательно проверять, как предвзятости, встроенные в эти технологии, могут повлиять на

выполнение конкретных задач. Ведущие ученые в сфере информационных технологий предложили включать документацию к моделям и обучающим наборам данных [15], указывая на известные или скрытые предвзятости. Однако такая документация должна быть лишь начальной точкой в изучении взаимодействия между моделями, обученными на огромных наборах данных, и социологическими данными. Исследователи должны сообщать о любых подобных проблемах в опубликованных работах, детализируя, где они были замечены, аналогично тому, как качественные исследователи рефлексиируют по поводу своей позиционности и предвзятостей. Если GAI используются для кодирования текстов или визуальных данных, мы должны оценивать их предвзятости так же, как оцениваем работу исследовательского ассистента, тщательно проверяя и сравнивая их выводы с другими примерами. Эта проверка критически важна для обеспечения того, чтобы исследования с использованием этих технологий были не только методически инновационными, но и этически обоснованными и научно достоверными.

Сравнение моделей с открытым исходным кодом и коммерческих. Кроме того, интересно рассмотреть сравнение двух типов моделей GAI: с открытым исходным кодом и коммерческими, а также их последствия для социологических исследований. В настоящее время самые мощные модели разрабатываются коммерческими компаниями, такими как OpenAI и Google. Ключевые особенности этих моделей, включая внутренние параметры, архитектуру и обучающие данные, являются собственностью компаний. В отличие от них, такие модели, как Gooocus или BLOOM, являются открытыми, и любой может ознакомиться с исходным кодом и входными данными.

С технической точки зрения закрытые модели, управляемые несколькими корпорациями, обычно мощнее и проще в использовании, чем открытые альтернативы. Например, взаимодействовать с ChatGPT можно через браузер, а программные интерфейсы (API) позволяют пользователям оплачивать выполнение больших объемов запросов. Однако такие модели могут быть чрезмерно дорогими для приложений, требующих больших объемов выводов, например для классификации текста в миллионах документов. Открытые модели начинают конкурировать с коммерческими решениями, особенно с учетом того, что такие компании, как Meta и Google, открывают некоторые свои модели для общественности. Но эти модели часто требуют доступа к дорогостоящей технической инфраструктуре, что делает их недоступными для большинства социологов.

Закрытые коммерческие модели сейчас являются более жизнеспособным решением для многих социальных ученых, но существуют несколько причин, по которым следует предпочесть открытые модели. Такие модели не обязательно легче интерпретировать, но исходный код и веса модели доступны, что дает возможность исследователям пытаться интерпретировать их. Кроме того, прозрачность обучающих данных позволяет лучше оценивать потенциальные предвзятости и стереотипные выводы. Возможность запускать эти модели на оборудовании, контролируемом исследователем, делает открытые модели более совместимыми с целью воспроизводимости, так как исследователи могут хранить и делиться точными конфигурациями модели. Это устраняет риски конфиденциальности, поскольку данные не передаются третьим лицам, что делает эти модели подходящими для задач с чувствительными данными. В отношении предвзятости открытые модели, которые

можно свободно модифицировать, предпочтительнее, если исследование затруднено усилиями по устранению предвзятости. В целом, мы призываем исследователей тщательно рассмотреть эти вопросы и рекомендуем экспериментировать с несколькими различными моделями, чтобы проверить, как разные реализации влияют на выполнение задач.

В долгосрочной перспективе можно предположить, что академические исследователи будут лучше обеспечены использованием GAI, специально разработанных для научных целей, и не придется полагаться на крупные корпорации. Такие модели могут устранить ограничения существующих технологий, позволяя проверенным исследователям оценивать взаимосвязь между различными обучающими данными и результатами, а также генерировать более чувствительные выводы с меньшими ограничениями.

Создание GAI для социальных наук потребует значительных ресурсов для сбора и курирования огромных объемов обучающих данных, а также для управления и обслуживания дорогого оборудования, необходимого для их обучения и развертывания. Эти инициативы, вероятно, будут выходить за рамки возможностей одной группы исследователей и потребуют сотрудничества между несколькими учреждениями. Критически важно, чтобы социологи принимали участие в этих усилиях как для анализа социальных последствий этих технологий, так и для использования их потенциала на пользу социологии.

Заключение. В публичной сфере GAI вызывают крайне неоднозначные оценки. Данная статья предлагает более взвешенный подход, подчеркивая методологические возможности, которые открывают технологические инновации, при этом признавая их ограничения. LLM могут превосходить существующие методы классификации текста, делая их более эффективными и доступными, а также легко адаптироваться к различным областям и задачам. Эти же модели могут использоваться для более разговорного анализа содержания, позволяя качественным исследователям взаимодействовать с данными новыми способами.

Существуют и другие возможности, например, мультимодальные модели могут генерировать высококачественные изображения людей и протестов, включая контрфактические сценарии, что может быть использовано в экспериментальных исследованиях. Способность применять сложные вычислительные методы с минимальной подготовкой и техническими знаниями, а также адаптировать их под конкретные нужды, безусловно, будет способствовать распространению машинного обучения в социологии.

Приведенные в статье примеры далеко не исчерпывающие. Исследователи разрабатывают креативные применения этих технологий в разных областях социальных наук. Например, LLM могут заполнять пропуски в данных опросов, помогать проводить онлайн полуструктурированные интервью и строить более реалистичные симуляции. Анализ мультимодальных данных делает GAI особенно перспективными для изучения огромных объемов онлайн- и цифровых текстов, изображений, аудио и видео.

Изучение репрезентаций, встроенных в эти модели, также позволит заглянуть изнутри в культуру и когнитивные процессы. Эти трансформационные возможности выходят за рамки методологии, так как GAI могут служить «виртуальными научными помощниками», помогать обучать навыкам кодирования и даже генерировать исследовательские вопросы. Исследование AI станет важной областью социологического анализа по мере распространения этих технологий в различных сферах социальной жизни. Хотя эти технологические

изменения принесут множество преимуществ, социологи могут возглавить усилия по выявлению того, как AI воспроизводит существующие неравенства и создает новые формы социальной дивизии.

Использование GAI в социологических исследованиях также порождает значительные проблемы, поскольку сильные стороны этих моделей могут восприниматься как слабости. Большие и сложные модели трудны для интерпретации, не всегда ясно, как их выводы зависят от текстов и изображений, использованных в предобучении, и они могут давать ненадежную или вводящую в заблуждение информацию. Предобучение на больших объемах текста приводит к усвоению и воспроизведению предвзятостей, что может затруднить их использование в научной среде. При этом усилия по смягчению предвзятости усложняются, так как предвзятость часто является ключевым объектом интереса для исследователей. Ученые, использующие эти инструменты, должны быть особенно внимательны к таким ограничениям и тщательно оценивать и документировать, как они могут повлиять на применение GAI к конкретным исследовательским вопросам. Особую осторожность следует проявлять при работе с чувствительными данными или взаимодействии с участниками исследований.

Некоторые проблемы существующих реализаций GAI усугубляются тем, что самые мощные модели контролируются корпорациями, предоставляющими мало информации о внутренней структуре своих систем или данных, на которых они обучаются. Открытые альтернативы могут частично решить эти проблемы, но они труднее в использовании, так как требуют более сложной вычислительной подготовки и ресурсов.

В заключение важно подчеркнуть, что GAI не заменит исследователя или существующие методологические инструменты. Как показывают исследования использования ИИ на рабочем месте и в других областях, мы должны меньше беспокоиться о том, что эти технологии заменят нас, и больше сосредоточиться на их потенциале для расширения наших возможностей. Очевидно, что GAI может улучшить существующие методологии, такие как классификация и аннотация данных, а также может позволить новые формы исследования, такие как разговорный анализ содержания и синтез изображений. При осторожном использовании эти технологии будут способствовать методологическим инновациям в социальных науках и формированию новых подполей и специализаций. Можно рекомендовать социологам воспользоваться методологическими возможностями, которые открывает GAI.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Generative artificial intelligence // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Generative_artificial_intelligence (дата обращения: 20.08.2024).
2. Глухих В. А., Елисеев С. М., Кирсанова Н. П. Искусственный интеллект как проблема современной социологии // Дискурс. 2022. Т. 8, № 1. С. 82–93. DOI: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93>.
3. Ильичев В. Ю., Драч В. Е., Чукаев К. Е. Морально-нравственные проблемы всеобщего применения нейронных сетей // Рефлексия. 2023. № 5. С. 8–13.
4. Цифровая экономика и системная цифровая трансформация / А. С. Копырин, Е. В. Видищева, В. В. Коваленко и др. / под общ. ред. А. С. Копырина. Сочи: РИЦ ФГБОУ ВО «СГУ», 2023.
5. Deepti Hajela. The American paradox of protest: Celebrated and condemned, welcomed and muzzled // The Associated Press. 05.05.2024. URL: <https://apnews.com/article/american-protest-paradox-israel-hamas-war22b1325188e0808db7389c8c3f04c331> (дата обращения: 20.08.2024).

6. All That's 'Human' Is Not Gold: Evaluating Human Evaluation of Generated Text / E. Clark, T. August, S. Serrano et al. // Proc. of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th Int. Joint Conf. on Natural Language Proc. Vol. 1. Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, 2021. P. 7282–7296. DOI: 10.48550/arXiv.2107.00061.

7. Wang Y., Wang H. A face template: improving the face generation quality of multi-stage generative adversarial networks using coarse-grained facial priors // Multimedia Tools and Applications. 2024. Vol. 83, no. 7. P. 21677–21693. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-023-16183-2>.

8. Buolamwini J. Unmasking AI: My Mission to Protect What Is Human in a World of Machines. NY: Random House, 2023.

9. Easily Accessible Text-to-Image Generation Amplifies Demographic Stereotypes at Large Scale / F. Bianchi, P. Kalluri, E. Durmus et al. // FAccT '23 Proc. of the 2023 ACM Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency. NY: Association for Computing Machinery, 2023. P. 1493–1504. DOI: <https://doi.org/10.1145/3593013.3594095>.

10. Flores R. D., Schachter A. Who Are the "Illegals"? The Social Construction of Illegality in the United States // American Sociological Review. 2018. Vol. 83, iss. 5. P. 839–868. DOI: 10.1177/0003122418794635.

11. How Tilly's WUNC Works: Bystander Evaluations of Social Movement Signals Lead to Mobilization / E. R. Bailey, D. Wang, S. A. Soule, R. Hayagreeva // American J. of Sociology. 2023. Vol. 128, no. 4. P. 1206–1262. DOI: <https://doi.org/10.1086/723489>.

12. Feinberg M., Willer R., Kovacheff Ch. The Activist's Dilemma: Extreme Protest Actions Reduce Popular Support for Social Movements // J. of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 119, iss. 5. P. 1086–1111. DOI: 10.1037/pspi0000230.

13. Nelson L. K. Computational Grounded Theory: A Methodological Framework // Sociological Methods & Research. 2020. Vol. 49, iss. 1. P. 3–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124117729703>.

14. Institutionalreviewboard // Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Institutionalreviewboard> (дата обращения: 20.08.2024).

15. On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big? / E. M. Bender, T. Gebru, A. McMillan-Major, Sh. Shmargaret // FAccT '21: Proc. of the 2021 ACM Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency. NY: Association for Computing Machinery, 2021. P. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>.

16. Abubakar A., Maheen F., Zou J. Persistent Anti-Muslim Bias in Large Language Models // Proc. of the 2021 AAAI/ACM Conf. on AI, Ethics, and Society, Virtual Event. NY: Association for Computing Machinery, 2021. P. 298–306. DOI: 10.48550/arXiv.2101.05783.

17. Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples / L. P. Argyle, E. C. Busby, N. Fulda et al. // Political Analysis. 2023. Vol. 31, iss. 3. P. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2023.2>.

Информация об авторах.

Драч Владимир Евгеньевич – кандидат технических наук (2005), доцент (2006), доцент кафедры информационных технологий и математики Сочинского государственного университета, ул. Пластунская, д. 94, г. Сочи, 354000, Россия. Автор 106 научных публикаций. Сфера научных интересов: радиоэлектроника, информационные технологии.

Торкунова Юлия Владимировна – доктор педагогических наук (2015), профессор кафедры информационных технологий и интеллектуальных систем Казанского государственного энергетического университета, ул. Красносельская, д. 51, г. Казань, 420066, Россия; профессор кафедры информационных технологий и математики Сочинского государственного университета, ул. Пластунская, д. 94, г. Сочи, 354000, Россия. Автор 171 научной публикации. Сфера научных интересов: информационные технологии в образовании и экономике.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 29.09.2024; принята после рецензирования 17.10.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. "Generative artificial intelligence", *Wikipedia*, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Generative_artificial_intelligence (accessed 20.08.2024).
2. Glukhikh, V.A., Eliseev, S.M. and Kirsanova, N.P. (2022), "Artificial Intelligence as a Problem of Modern Sociology", *DISCOURSE*, vol. 8, no. 1, pp. 82–93. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-1-82-93.
3. Ilyichev, V.Yu., Drach, V.E. and Chukaev, K.E. (2023), "Moral and Ethical Problems of Universal Use of Neural Networks", *Refleksiya* [Reflection], no. 5, pp. 8–13.
4. Kopyrin, A.S., Vidishcheva, E.V., Kovalenko, V.V. et al. (2023), *Tsifrovaya ekonomika i sistemnaya tsifrovaya transformatsiya* [Digital Economy and Systemic Digital Transformation], in Kopyrin, A.S. (ed.), RIC FGBOU VO 'SSU', Sochi, RUS.
5. Deepti Hajela (2024), "The American paradox of protest: Celebrated and condemned, welcomed and muzzled", *The Associated Press*, 05.05.2024, available at: <https://apnews.com/article/american-protest-paradox-israel-hamas-war22b1325188e0808db7389c8c3f04c331> (accessed 20.08.2024).
6. Clark, E., August, T., Serrano, S. et al. (2021), "All That's 'Human' Is Not Gold: Evaluating Human Evaluation of Generated Text", *Proc. of the 59th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and the 11th Int. Joint Conf. on Natural Language Proc.*, vol. 1, Stroudsburg, PA: Association for Computational Linguistics, pp. 7282–7296. DOI: 10.48550/arXiv.2107.00061.
7. Wang, Y. and Wang, H. (2024), "A face template: improving the face generation quality of multi-stage generative adversarial networks using coarse-grained facial priors", *Multimedia Tools and Applications*, vol. 83, no. 7, pp. 21677–21693. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11042-023-16183-2>.
8. Buolamwini, J. (2023), *Unmasking AI: My Mission to Protect What Is Human in a World of Machines*, Random House, NY, USA.
9. Bianchi, F., Kalluri, P., Durmus, E. et al. (2023), "Easily Accessible Text-to-Image Generation Amplifies Demographic Stereotypes at Large Scale", *FAcT '23 Proc. of the 2023 ACM Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency*, Association for Computing Machinery, NY, USA, pp. 1493–1504. DOI: <https://doi.org/10.1145/3593013.3594095>.
10. Flores, R.D. and Schachter, A. (2018), "Who Are the 'Illegals'? The Social Construction of Illegality in the United States", *American Sociological Review*, vol. 83, iss. 5, pp. 839–868. DOI: 10.1177/0003122418794635.
11. Bailey, E.R., Wang, D., Soule, S.A. and Hayagreeva, R. (2023), "How Tilly's WUNC Works: Bystander Evaluations of Social Movement Signals Lead to Mobilization", *American J. of Sociology*, vol. 128, no. 4, pp. 1206–1262. DOI: <https://doi.org/10.1086/723489>.
12. Feinberg, M., Willer, R. and Kovacheff, Ch. (2020), "The Activist's Dilemma: Extreme Protest Actions Reduce Popular Support for Social Movements", *J. of Personality and Social Psychology*, vol. 119, iss. 5, pp. 1086–1111. DOI: 10.1037/pspi0000230.
13. Nelson, L.K. (2020), "Computational Grounded Theory: A Methodological Framework", *Sociological Methods & Research*, vol. 49, iss. 1, pp. 3–42. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124117729703>.
14. "Institutionalreviewboard", *Wikipedia*, available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Institutional_reviewboard (дата обращения: 20.08.2024).
15. Bender, E.M., Gebru, T., McMillan-Major, A. and Shmargaret, Sh. (2021), "On the Dangers of Stochastic Parrots: Can Language Models Be Too Big?", *FAcT '21: Proc. of the 2021 ACM Conf. on Fairness, Accountability, and Transparency*, Association for Computing Machinery, NY, USA, pp. 610–623. DOI: <https://doi.org/10.1145/3442188.3445922>.
16. Abubakar, A., Maheen, F. and Zou, J. (2021), "Persistent Anti-Muslim Bias in Large Language Models", *Proc. of the 2021 AAAI/ACM Conf. on AI, Ethics, and Society, Virtual Event*, Association for Computing Machinery, NY, USA, pp. 298–306. DOI: 10.48550/arXiv.2101.05783.
17. Argyle, L.P., Busby, E.C., Fulda, N. et al. (2023), "Out of One, Many: Using Language Models to Simulate Human Samples", *Political Analysis*, vol. 31, iss. 3, pp. 337–351. DOI: <https://doi.org/10.1017/pan.2023.2>.

Information about the authors.

Vladimir E. Drach – Can. Sci. (Engineering, 2005), Docent (2006), Associate Professor at the Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University, 94 Plastunskaya str., Sochi 354000, Russia. The author of 106 scientific publications. Area of expertise: radio electronics and information technologies.

Yulia V. Torkunova – Dr. Sci. (Pedagogic, 2015), Professor at the Department of Information Technologies and Intelligent Systems, Kazan State Power Engineering University, 51 Krasnoselskaya str., Kazan 420066, Russia; Professor at the Department of Information Technologies and Mathematics, Sochi State University, 94 Plastunskaya str., Sochi 354000, Russia. The author of 171 scientific publications. Area of expertise: information technology in education and economics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 29.09.2024; adopted after review 17.10.2024; published online 20.02.2025.*

Оригинальная статья
УДК 316.37; 316.354:351/354
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-71-89>

К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования цифрового полилога

Мария Евгеньевна Кудрявцева¹, Елена Николаевна Чурина²✉

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,

²Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>

²✉e.churina@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0951-1910>

Введение. Цель статьи заключается в определении различий в использовании терминов «субъект» и «актор» в контексте дисциплин общественных наук и терминов «субъект управления» и «дискурсант» в социологии управления. С целью связана постановка задачи социологического исследования с учетом специфики субъекта управления в современных самоорганизующихся сообществах, ведущих дистанционный полилог.

Методология и источники. В работе использованы труды к А. А. Богданова, С. Л. Рубинштейна, В. Е. Лепского, А. А. Мерзлякова, Б. Латура, М. Арчер. Применяемый дескриптивный подход позволил конкретизировать ключевые термины. Качественный аспект контент-анализа выявил интерпретации терминов в разных научных дисциплинах, а количественный – исследовательский интерес к феномену. Метод апперцепирования обогатил существующие представления о субъектах управления.

Результаты и обсуждение. На основании выявленной проблематики достигнут результат обоснованного применения использования термина «субъект управления» в отличие от термина «актор». Для полисубъектных сред, в том числе для дистанционного полилога в цифровой среде, необходимо на уровне обобщения использовать термин «полисубъект», а на индивидуальном уровне предлагается введение специального термина «дискурсант», что позволяет сделать акцент на определении онтологического компонента субъекта управления.

Заключение. Исследование показало, что в парадигме полисубъекта в цифровом полилоге возможно поставить задачу для актуального социологического исследования, связанного с возросшей активностью самоорганизующихся сообществ в цифровой среде.

Ключевые слова: субъект, актор, субъект управления, дискурсант, полисубъект, самоорганизация сообщества, цифровой полилог

Для цитирования: Кудрявцева М. Е., Чурина Е. Н. К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования цифрового полилога // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 71–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-71-89.

© Кудрявцева М. Е., Чурина Е. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования...71
On the Issue of Using the Terms "subject", "actor", "discoursant" in the Context of a Sociological Research of Digital...

Original paper

On the Issue of Using the Terms “subject”, “actor”, “discoursant” in the Context of a Sociological Research of Digital Polylogue

Maria E. Kudryavtseva¹, Elena N. Churina²✉

¹Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,

²Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, St Petersburg, Russia

¹mashutka331@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>

²✉e.churina@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0951-1910>

Introduction. The aim of the article is to define the differences in the use of the terms ‘subject’ and ‘actor’ in the context of social science disciplines and the terms ‘subject of management’ and ‘discoursant’ in the sociology of management. The purpose of the article is related to the formulation of the task of sociological research. All this takes into account the specifics of the subject of management in modern self-organizing communities conducting remote polylogue.

Methodology and sources. The works of A. A. Bogdanov, S. L. Rubinstein, V. E. Lepsky, A. A. Merzlyakov, B. Latour, M. Archer were used during the work with the article. The descriptive approach which was used allowed us to specify the key terms. The qualitative aspect of the content analysis revealed interpretations of the terms in different scientific disciplines, while the quantitative aspect revealed research interest in the phenomenon. The apperception method enriched the existing ideas about the subjects of management.

Results and discussion. Based on the identified problems, the result of the justified use of the term ‘management subject’ as opposed to the term ‘actor’ has been achieved. For polysubject environments, including remote polylogue in the digital environment, it is necessary to use the term ‘polysubject’ at the level of generalisation, and at the individual level the introduction of the special term ‘discoursant’ is proposed, which allows us to put emphasis on the definition of the ontological component of the subject of management.

Conclusion. The study showed that in the paradigm of the polysubject in the digital polylogue it is possible to set a task for a relevant sociological study related to the increased activity of self-organizing communities in the digital environment.

Keywords: subject, actor, subject of management, discourser, polysubject, self-organization of community, digital polylogue

For citation: Kudryavtseva, M.E. and Churina, E.N. (2025), “On the Issue of Using the Terms “subject”, “actor”, “discoursant” in the Context of a Sociological Research of Digital Polylogue”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 71–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-71-89 (Russia).

Введение. Во всем мире феномены «цифровизация» и «пандемия» изменили большинство систем взаимодействий современного общества, переводя их с реальных на виртуальные и цифровые. С декабря 2019 г. из-за пандемии COVID-19 и в постпандемийный период произошло увеличение спроса на научные исследования и образовательные услуги дистанционного характера. Необходимость дистанционного общения запустила процессы, которые при помощи цифровых технологий изменили различные форматы коммуникации и взаимодействий между людьми, между людьми и организациями, в том числе с активным использованием чат-ботов и искусственного интеллекта. Изменения коснулись основного социального взаимодействия между людьми, которое складывалось веками в виде живого общения и которое теперь в ускоренном темпе трансформировалось в коммуникацию субъектов в вебинарах

с онлайн-презентациями, на семинарах и конференциях с онлайн-докладами. Новые форматы коммуникации сформировали своеобразное пространство виртуальных обсуждений, которое можно именовать цифровой полилогической средой, а сами виртуальные обсуждения – цифровой полилог. Несмотря на многочисленные опубликованные исследования, посвященные проблемам цифровой трансформации общества и дистанционным формам коммуникаций, наблюдается терминологическая неопределенность использования слов «субъект» и «актор» цифрового полилога, что является существенным вопросом.

В данной статье предпринята попытка уточнения использования терминов «субъект» и «актор», «субъект управления» и «дискурсант» в аспекте осуществления регулярного цифрового полилога в конкретной предметной области, в самоорганизующемся сообществе с позиции социологического исследования управленческих процессов организации дискуссий, связанных с фиксацией особенностей деятельности субъекта управления информационными и человеческими ресурсами в организациях.

Научный термин «субъект» представляет основу множества теорий и концепций различных дисциплин, что явилось в свое время предпосылкой для формирования субъектности в отдельную понятийную категорию, дихотомичную категории «объект». По мнению А. А. Мерзлякова, проблематика субъектности вытекает из поиска таких свойств субъекта, для которых возможно выделение критериев, отделяющих индивида или социальную группу в «субъекта, агента, способного самостоятельно реализовывать свои цели и задачи, воплощать в жизнь собственную жизненную стратегию» [1, с. 95], что явно коррелируется с фиксацией особенностей деятельности субъекта управления как объекта социологического исследования.

Обозначая проблемы рефлексивных исследований, к которым также относятся социологические исследования управления полилогическими процессами, зачастую предшествующими принятию решения, В. Е. Лепский подчеркивает их актуальность для понимания и развития в целом процессов управления социальными системами [2], а также повышенное внимание к проблеме субъекта в саморазвивающихся рефлексивно-активных средах [3], в том числе с учетом накопленного опыта в системе отечественного образования.

Данные предпосылки послужили авторам статьи основанием для постановки вопроса об использовании терминов «субъект» и «актор» в самоорганизующихся сообществах, в отношении индивидов, ведущих на регулярной основе цифровой полилог, и в том числе использование терминов «субъект управления» и «дискурсант» с точки зрения социологии управления.

В классической социологии управления, в случае, если под объектом управления выбирается некий процесс, то субъектом управления является тот, кто его продуцирует и организует. Отметим, что в постклассический период в самоорганизующихся сообществах управление фиксируется со свойством бессубъектности. Каждый из участников не является субъектом управления и не управляется сообществом, присоединяясь к цифровому полилогу для конкретной активности, поддерживающей процесс. Фиксируя деформацию деятельностной, коммуникативной и рефлексивной активности индивида, В. Е. Лепский делает вывод о деформации субъектности, с вытекающим из данного постулата развитием проблематики управления [4].

В данном случае именно активность участников цифрового полилога порождает процесс, который они организуют и реализуют совместными действиями. В этом случае все

они являются одновременно субъектами управления, управляемыми субъектами, акторами и дискурсантами, которые способны задавать тему обсуждения и реализовывать процесс дискуссии и рефлексии. Объектом управления, на который направлено их управленческое воздействие, является сама предметная деятельность. В целях уточнения различия и использования вышеобозначенных терминов рассматриваемого явления в формате цифрового полилога целесообразно обозначить и выполнить анализ отдельных терминологических позиций философии, психологии, педагогики и социологии управления.

В современных условиях цифровой полилог становится пространством, удобным и доступным для социализации и самоидентификации личности, при том что индивид сохраняет роль активного или пассивного участника процессов внутри самоорганизующегося сообщества. Актуальным становится вопрос выявления и фиксации новых идентификационных признаков субъекта, необходимых для исследования и управления в динамически развивающейся цифровой среде. Современное состояние развития науки и технологий вызывает к жизни исследования механизмов саморегуляции активности субъектов социального управления, что в свою очередь, по мнению В. Е. Лепского, выдвигает на первый план понятие «полисубъекта» при коммуникациях в цифровой среде для познавательного, обучающего и рефлексивного сотрудничества [4], обозначая им все сообщество в совокупности. Некоторыми из задач таких исследований являются выявление, изучение способов выстраивания взаимодействий с целью нахождения решения в значимой для полисубъекта предметной области. Современные исследователи описывают различные аспекты формирования субъекта в условиях современного информационного общества, актуализируя постулаты научных трудов XX в. В статье рассмотрен вопрос о терминологических аспектах «субъекта» и «актора» в отдельных концепциях психологии, философии, педагогики, «субъекта управления» и «дискурсанта» – в теории организаций и социологии управления.

Методология и источники. В своих размышлениях авторы опирались на труды исследователей: А. А. Богданова, Н. И. Кареева, С. Л. Рубинштейна, В. Е. Лепского, А. А. Мерзлякова, Б. Латура, М. Арчера и др.

Анализ источников из научных ресурсов по определению и использованию сравниваемых терминов носил ознакомительный характер и рассматривался как предварительный для выявления постановки задачи возможного полноценного исследования. В статье используются дескриптивный подход, реферирование научного материала, контент-анализ, а также метод апперцепирования. Применение дескриптивного подхода позволяет конкретизировать опорные слова и словосочетания в ходе исследования сравниваемых терминов для акцентирования сущности субъекта управления в полилогической среде. Качественный аспект контент-анализа дает возможность выявить смыслы, вкладываемые учеными из разных научных дисциплин в сравниваемые термины в опубликованных документах и других текстах. Количественный аспект контент-анализа позволяет через показатель количества запросов в поисковой системе «Яндекс» определить исследовательский интерес в контексте феномена субъекта управления и актора. Анализ сравниваемых терминов с позиции апперцепирования дополняет принятые в научном обиходе смыслы новым содержанием из источников с позиции общественных наук, в нашем случае с позиции социологии управления. Данный метод дает возможность определить критерии для выявления и фиксации специфики субъектов управления, взаимодействующих в цифровом полилоге.

В обзоре источников, в том числе отдельных концепций теории организаций, работ по психологии, философии, педагогике и социологии управления, затрагивающих терминологические аспекты, обратимся к использованию данных понятий в соответствии с целью статьи.

Результаты и обсуждение. А. А. Богданов в начале XX в. впервые указал на то, что формирование любых организационных форм осуществляется по общим законам управления окружающей человека действительностью. Мир изменчив и организационные формы существования меняются сообразно условиям [5]. Вывод, который необходимо сделать из тектологических постулатов, логичен и означает, что в новых условиях организации тот или иной процесс будет происходить в измененной форме. А. А. Богданов вводит понятия различных типов взаимодействия, рассматривает «нейтральный» тип и констатирует, что два и более элементов, задействованных в едином процессе, при определенных условиях могут повышать или снижать эффективность функционирования каждого элемента отдельно друг от друга. Таким образом, и любая человеческая деятельность является либо организующей, либо дезорганизующей процесс. Любая деятельность, описанная А. А. Богдановым (научная, техническая, художественная и др.) дает эмпирический материал организационного опыта и может быть изучена с точки зрения теории организации. Значимость влияния теории организации А. А. Богданова на становление постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных сред необходимо переоценить [6], актуализировать и применять в современных исследованиях, особенно в социологии управления.

А. А. Богданов в статье «Авторитарное мышление» выдвигает гипотезу о том, что любая социальная организация эволюционирует при условии самоорганизации в прямой взаимосвязи с развитием субъектности, подчеркивая, что при авторитарных отношениях человек выступает и в роли субъекта, и в роли объекта. В данной терминологии субъект – это «организатор хозяйства группы» [7, с. 46], управляемые субъекты выступают в роли объекта манипулирования со стороны субъекта – организатора. Происходит данное разделение «в силу монистической тенденции, в силу стремления представлять все в одних и тех же формах, происходит мысленное разложение человека на организатора и исполнителя, на активное и пассивное начало...» [7, с. 47]. Это в прошлом. По мнению А. А. Богданова, новый XX в. порождает качественно новый тип отношений между людьми, названный им «синтетическим», который состоит в том, что «трудовая система организована, но без разделения организаторов и исполнителей». «Они сообща обсуждают и решают свои дела и сообща выполняют решения; каждый является организатором, когда участвует своим мнением и голосом по выработке общей воли, исполнителем, когда участвует своими действиями в осуществлении этой воли. Таким образом, и деятельность организаторская, и деятельность исполнительская в равной мере принадлежат данной личности; а в своем целом, во всей полноте та и другая реализуются только в жизни всей группы» [7, с. 49].

Современник А. А. Богданова один из основоположников российской социологии Н. И. Кареев писал, что объективисты и субъективисты в социологии спорят из-за точки зрения на общество и о том, «как нужно относиться к человеческой личности, этому первичному элементу общества» [8, с. 64]. С этой точки зрения А. А. Богданов снимает противоречие новаторским эволюционным тектологическим подходом. По сути, А. А. Богданов с позиции социологии управления заложил теоретическую основу для исследования процес-

сов эволюции субъект-объектных в субъект-субъектные отношения. При подробном изучении его трудов с позиции тектологии/организационной науки можно сделать вывод, что в терминологическом аспекте субъект управления и актор являются равными элементами в условиях «синтетических отношений» в процессах организации и управления.

В концепциях психологов С. Л. Рубинштейна [9] и А. Н. Леонтьева [10] согласно деятельностному подходу субъект осуществляет один из типов активности, который определяет его отношение к происходящему в действительности и специфику его поведения. Управление является одним из видов деятельности, в полной мере отражающей свойства личности. Важнейшей формой управляющей деятельности, как отмечают вышеуказанные психологи, является речь: «Будучи средством выражения, речь является вместе с тем и средством воздействия. Функция воздействия в человеческой речи одна из первичных, наиболее основных ее функций. Человек говорит для того, чтобы воздействовать, если не непосредственно на поведение, то на мысль или чувства, на сознание других людей. Речь имеет социальное предназначение, она средство общения, и эту функцию она выполняет в первую очередь, поскольку она служит средством воздействия. И эта функция воздействия в речи человека специфична» [11, с. 459].

Субъект, актор, субъект управления, дискурсант, обладая средством выражения (речь), реализуют функцию воздействия на управляемых субъектов в процессе общения, таким образом, с позиции психологии возможно равноценное применение сравниваемых терминов при исследовании речевого воздействия человека на других людей.

Философия акцентирует мысль о том, что полилог является необходимым условием бытия человека. Древнегреческий философ Платон определяет диалог формой общения в поиске истины, в диалоге субъектов используется вопросно-ответная методология, наиболее приближенная к форме живого разговора даже при явном неравенстве участников [12]. С позиции классической социологии управления в платоновских диалогах есть ведущий персонаж, управляющий ходом беседы, задающий вопросы, который можно определить субъектом управления, и оппоненты, являющиеся управляемыми субъектами, по принципу иерархического способа управления. Во времена Платона было отмечено, что управление является не деятельностью, а «искусством учителя», который способен дать совет и сформулировать правила руководства людьми. Один из выводов, который можно сделать на основе дескриптивного подхода с позиции философии Платона, это вывод о том, что необходимо разграничивать использование терминов «субъект управления» и «управляемый субъект» при исследовании речевого воздействия человека на других людей.

В XX в. один из основоположников постпозитивизма Майкл Полани обосновывает и развивает философию Платона о речевой деятельности ученого как «искусства» с позиции неклассической научной рациональности, в которой субъект неразрывно связан с объемом и качеством личностного знания. В работе «Личностное знание: на пути к посткритической философии» в контексте неклассической научной рациональности М. Полани описывал, что мотивы и вера человека в науку, личная заинтересованность и ответственность ученого составляют основу познавательной и научной деятельности людей, выдвигая основной тезис о том, что науку способен делать человек, обладающий мастерством, которому невозможно научиться по учебникам, а только через общение [13]. Согласно М. Полани, объективно существующее знание становится личностным лишь «в контексте ситуативной вовлеченности» [13, с. 304].

76 К вопросу об использовании терминов «субъект», «актор», «дискурсант» в контексте социологического исследования...
On the Issue of Using the Terms "subject", "actor", "discoursant" in the Context of a Sociological Research of Digital...

Социология акторов была сформулирована во Франции во второй половине XX в. при осмыслении рабочих волнений и студенческих бунтов через парадигму коллективного действия. «Актор» дословно обозначает «деятель». В политике и социологии актор есть «субъект политики (индивид, общественная группа, институт и т. п.); социальный субъект социокультурной практики» [14]. Если рассматривать полилог внутри сообщества в формате социокультурной практики, то термин «субъект управления» является синонимом «актора», что делает их равными в применении.

В конце 1960-х гг. А. Этциони развивает в своих работах основные положения концепции активного общества, ядром которого служат общественные объединения и отдельные граждане, обозначенные социальными акторами, имеющие опыт социальной мобилизации и совершающие коллективные действия, а иные социальные институты, в том числе и государство, способно реагировать на их воздействие [15, р. 504]. Э. Гидденс дает понятие субъекта, равное актору, основываясь на гипотезе, что общество субъектов рефлексивно по своей природе, обосновывая, что индивиды «не только сознательно отслеживают ход своей деятельности, ожидают, что другие поступают аналогично, но что они также рутинно отслеживают физические и социальные контексты, в которых находятся» [16, р. 5]. Постулат неосознаваемых условий и непреднамеренных последствий действий субъекта заимствован Э. Гидденсом у Р. Мертона с дополнением, что в действиях любого человека проявляется «рефлексивный мониторинг действия» социума. Позднее А. Турен определяет актора как действующего субъекта, который движим не только из-за ситуации, но участвует в ее возникновении. «Свойство человеческих систем в том, что они не только способны адаптироваться гомеостатическим образом, но и в том, что они порождают и изменяют собственные действия» [17, с. 8–9]. А. Турен указывает, что его «понятие актора или субъекта действия работает на всех уровнях социальной реальности, хотя для него исключительно важным является именно социетальный уровень, где основным действующим субъектом становится социальное движение» [18, с. 55].

Отличие субъекта и актора А. Турен и его последователи описывают, исходя из постулата, что «быть субъектом означает хотеть стать актором», т. е. изменять свою среду, а не оставаться в полной зависимости от нее. При сравнении терминов по А. Турену можно сделать вывод о пассивной позиции субъекта по отношению к среде, в то время как актор есть активно изменяющий среду элемент.

Различие между субъектом управления и актором с точки зрения социологии связано с позициями индивидов в социальной структуре общества. Примером поиска аналогичного различия служит анализ актор-ориентированной концепции французского социолога XX в. М. Крозье [19, с. 85]. Для понимания термина «актор социокультурной деятельности» необходимо также рассмотреть теорию морфогенеза М. Арчер, в которой констатировано, что действие и структура общества зависят от культуры, которая создает предпосылки и условия совершения трансформационного воздействия на социум вплоть до индивида. М. Арчер выступает с критикой теории структуризации Э. Гидденса, подхватывает идеи А. Этциони и развивает до теории морфогенеза эмерджентных свойств социокультурных систем. Понятие «эмерджентность» в данном контексте есть проявление активности системы на текущую ситуацию вплоть до ее переструктурирования в случае необходимости. Три типа эмерджентных свойств у М. Арчер основаны на взаимодействиях акторов: структурные с их ста-

тусами, ролями, социальной стратификацией; ресурсно-властные с их навязыванием взаимодействий через образцы, такие как традиции, ценности, знания, убеждения и т. д., и «агентивные», созданные синтезом свойств и ресурсов культуры. По теории морфогенеза у «агентивного» актора есть проявление социальной и личностной идентичности человека. Актор мотивирован к коллективной деятельности внутри социальных структур, но его действия исходят из личностных установок и интенций [20]. В этом существенное отличие термина «актор» в трудах М. Арчер по сравнению с классиками социологии Р. Мертоном, Э. Гидденсом, так как действия субъекта обусловлены культурой общества и социокультурными взаимодействиями людей и сообществ [21], что приводит в свою очередь к структурным и культурным трансформациям от индивида в частности до общества в целом.

В период публикаций теории М. Арчер в конце XX в. П. Штомпка – специалист по социологии повседневности, указывает на существенную роль субъектной деятельности при социальных изменениях [22, 23]. Он делает акцент на «дуализме» субъекта действия: «нет бесструктурных агентов и нет безагентных структур» [23, с. 272], при этом под «действием» определяет воплощение потенции и намерений субъектов, что перекликается с личностными установками и интенциями в теории М. Арчер. Согласно тезисам П. Штомпки, культура «коллективного агентства» формирует среду, в которой происходит институциональная трансформация, адаптация индивидов и социальных групп к неизбежным изменениям в условиях жизни. Жизнедеятельность среды в свою очередь поддерживается активностью «агентов изменений» [24, с. 6–7; 25, с. 8–9].

Научные дискуссии по поводу различий между субъектом и актором завершились в начале 1980-х гг., когда М. Каллоном, Б. Латуром и Дж. Ло разрабатываются основы акторно-сетевой теории (АСТ), являющейся скорее своеобразной онтологической парадигмой, чем теорией. В парадигме АСТ делается попытка отказаться в том числе от таких понятий, как «сфера», «структура» и «система». Понимание АСТ затруднено еще и неверностью толкования терминов при переводе латуровского термина «актор» (фр. *acteur*, англ. *actor*) в англо-саксонской трактовке «человека действующего», на «АСТ-актора», который может быть субъектом, объектом (идеей, текстом и т. п.), с обязательным свойством источника действия, которое предполагает «создание различия» [26, с. 121]. Сущность латуровского актора проявляется через действие.

Исходя из АСТ, можно связать идентификацию актора по критериям, которым должно соответствовать действие, им произведенное. Латуровская попытка избавить научную терминологию от субъективистских и объективистских позиций в социологии ставит задачу исследования реальности взаимодействий субъектов и объектов в многослойном, многоуровневом сетевом пространстве, зависящем от актора, который в свою очередь зависит от элементов сети.

Определения субъекта, равного актору в парадигме АСТ, для социологии управления становится невозможным, так как встает неразрешимая задача сложности сетевых взаимоотношений субъекта и объекта при условии их «неразличимости». При этом необходимо констатировать, что современная деятельность людей усложнилась множеством связанных сетью индивидов как элементов организационного процесса, составляющих предмет исследования социологии управления.

По мнению российского философа В. Е. Лепского, основополагающим акцентом для управления становится научная парадигма «субъект – метасубъект», в которой «метасубъект»

есть «саморазвивающаяся полисубъектная среда» [27]. Ссылаясь на утверждение В. А. Лекторского о том, что в неклассической научной рациональности «Я» формируется при взаимодействии индивида с другими людьми и вне этого как субъект не существует [28], В. Е. Лепский констатирует исчезновение субъектности: «Субъект существует не только в телесной оболочке, но и в виде различных текстов – файлов (файловое Я), причем современному человеку все чаще приходится общаться с файловым воплощением субъектов. Фактически субъект представим как некая система дискурсов. Основываясь на идеях М. М. Бахтина и Р. Харре, можно предполагать потенциальные возможности исчезновения Я (субъектности) в результате массовых коммуникативных взаимодействий, в которых индивидуальное сознание неспособно интегрировать их в виде единства Я... При этом основой сборки субъекта как целого становится его включенность в метасубъекта, которым становится саморазвивающаяся среда, которая может содержать механизмы поддержки сборки субъектов, в нее включенных» [28, с. 175].

По В. Е. Лепскому, принципиально изменяется подход к управлению при возможности разделения на три типа рефлексивной активности: рефлексивного управления, рефлексивного программирования и применения парадигмы «субъект – полисубъектная среда» [27]. Самоорганизующаяся система становится «самонаблюдаемой», где процесс управления превращается в процессы саморегулирования и саморазвития при организации деятельности и взаимодействия субъектов, которые проявляют различные формы активности и результатов деятельности, таких как обмен информацией, формирование знания, нормы, средства, форма сотрудничества и т. д.

С начала XXI в. теоретики и исследователи социологии науки и техники вновь использовали и ввели новацию в терминологию субъекта управления через понятие «актора» (действующего индивида) в поле научных обсуждений по сравнению с классической социологической трактовкой (основанной на работах Эмиля Дюркгейма). В работах Дюркгейма субъект позиционирован социальным элементом, на который оказывает воздействие управляющая структура, т. е. аналог социальному «автомату», выполняющему действия по заданной программе, поведение которого обусловлено возрастной, гендерной, конфессиональной и прочей принадлежностью. В настоящее время в социологии управления при рассмотрении субъекта самоорганизующегося сообщества на уровне элемента организации применение термина «актор», заменяющего «субъект», приводит к аналогичной лингвистической путанице и подмене понятий вплоть до потери смысла применяемого термина.

При этом серьезная постановка проблемы потери субъектности, сделанная согласно В. Е. Лепскому, приводит к усложнению постановки задачи социологического исследования, которая возникает из-за ситуации слияния субъекта, объекта и исследователя в самоорганизующемся сообществе, участники которого ведут на постоянной основе цифровой полилог в условиях управления естественно-интеллектуальными системами, и особенно в условиях применения естественно-искусственного интеллекта. Ресурс цифрового пространства и цифрового следа, оставленного после каждого полилога, дает возможность новых исследований базовых категорий субъекта и бытия, особенно в состоянии бессубъектности.

Обратим внимание на различие в терминологии понятий «дискуссанта» и «дискурсанта» и поясним наш выбор термина «дискурсант» для дальнейших социологических исследований цифрового полилога.

Дискуссант (Diskutant) является участником дискуссии, что делает пригодным термин к применению в цифровых дискуссионных средах в качестве определения субъекта управления и управляемого субъекта, но не позволяет применить его в полисубъектной полилогической среде, которую характеризует условие самоорганизации не только процесса дискуссии с выступлениями по докладам, но и при высказывании аргументов в процессе обсуждений, выдвижении предложений, коммуникативного сотрудничества и т. д.

С середины XX в. дискурс является предметом изучения философии, лингвистики, психологии и социологии. Термин дискурс (discours) определяется через понятие «речи» (parole), отличающейся от «языка» (langue). Нас интересует употребление термина «дискурс», расширенное до понятия «высказывание и процесс», который исследуется:

- как эквивалент письменного текста, фиксирующего некие феномены научного, социального, культурного плана в интерактивном аспекте;
- объект социологического исследования через теорию организаций;
- система условий, порождающих бесконечное количество высказываний участником дискурса, исходя из его определенной социальной, идеологической, экономической позиции.

При использовании термина «дискурс» встречаются элементарные понятия, такие как «речь» (parole) и «высказывание» (énoncé) как единица речи, «текст» (texte) и «высказывание» как процесс (énonciation). Участник дискурса, совершающий речь как набор высказываний и как процесс, которая может быть преобразована в текст, определяется дискурсантом.

Дискурсант, по мнению семиотика и философа Р. Барта, есть участник некоего исторического события, которое он сам способен описать как нарративист, преследующий цель с помощью контента передать аудитории личные знания по обсуждаемой теме и убедить аудиторию в правильности его знаний [29, с. 432].

В. А. Канке, опираясь на личные знания в философии науки и концептуальную трансдукцию как метод, который возможно применять в социологии, отмечает, что целью языковой коммуникации в дискурсе является совершенствование теорий дискурсантов, заходящих в дискурс с личной теорией, а выходящих с усовершенствованной теорией, благодаря обсуждению теорий всех дискурсантов. Данное определение частично может быть применено к исследовательской задаче, представленной в его учебнике «Теория обучения и воспитания» [30].

По мнению Е. В. Добреньковой, социологическая категория дискурса в целом тесно связана с социальной стратификацией, классовой структурой, социализацией и коммуникацией, социальным и научным взаимодействием, так как является социальным процессом речевых высказываний, включающих текст, который дает конкретный материальный объект для изучения. Академические формы дискурса представлены полемикой, аргументацией, диалогом, дебатами, дискуссией и др. Дискурс, пишет в итоге Е. В. Добренькова, проявлен на различных уровнях от беседы или спора двух лиц до полилога между группами в коротком или длительном периоде времени, в пространственном протяжении. Затрагивая дискурс в институциональном контексте, социолог указывает на негласные правила поведения дискурсантов [31].

Филолог М. С. Рыжков позиционирует интернет-дискурс как коммуникативный континуум, представленный совокупностью текстов, обусловленных амбивалентностью сферы общения, при исследовании которого необходимо учитывать коммуникативный диапазон

виртуальной языковой личности названной «интернет-дискурсант» [32]. М. С. Рыжков определяет диалог и чат-полилог формами взаимодействия между дискурсантами [33]. Данное определение дискурсанта также частично может быть применено к исследовательской задаче, поставленной в статье.

Гипотеза исследования. С позиции классической социологии управления в исследовании терминов «субъект управления» и «актор» являются синонимами. Задача социологического исследования выявления и фиксации особенностей полисубъекта цифрового полилога (самоорганизующегося дискусирующего сообщества), состоящего из равных активных/деятельностных дискурсантов в заданной предметной области, является новацией. Мы предположили, что термин «субъект» сохраняет актуальность в целом, но с точки зрения социологии управления вопрос применения терминов «субъект» и «актор», «субъект управления» и «управляемый субъект» в цифровом полилоге является недостаточно отрефлексированным, что открывает возможности для новых путей постановки задач социологического исследования и новых подходов к их решению, где возможно введение термина «дискурсант», заменяющего термины «субъект» и «актор». Данная гипотеза, в случае ее подтверждения, позволит получить возможность проведения расширенного эмпирического исследования выявления и фиксации особенностей дискурсанта как элемента полисубъекта цифрового полилога.

Учитывая дескриптивный подход, качественный и количественный анализ терминов, а также сложность поставленной нами задачи фиксации специфики дискурсанта цифрового полилога, необходимо подчеркнуть, что проведенное для данной статьи аналитическое контент-исследование носило обзорный характер и рассматривалось в формате предварительного, намечающего последующие шаги для полноценного социологического исследования. Количественный анализ предполагал изучение поисковых запросов в системе «Яндекс Вордстат» за 2 года к вышеописанным терминам в количестве 11 слов, а также проведение работы с источниками, реферирование и рефлексии научных текстов контент-анализом, исследование методом апперцепирования применимости выбранных терминов.

Результаты количественного анализа поисковых запросов по терминам «субъект», «актор» и других распределились следующим образом (рис. 1–6).

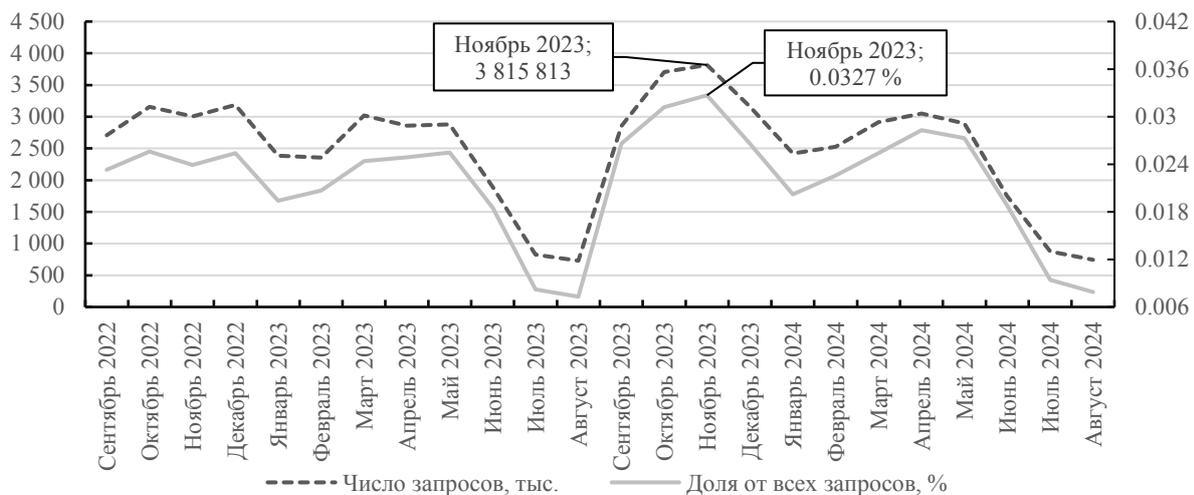

Рис. 1. Динамика поисковых запросов «Яндекс Вордстат» термина «субъект»
Fig. 1. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term “subject”

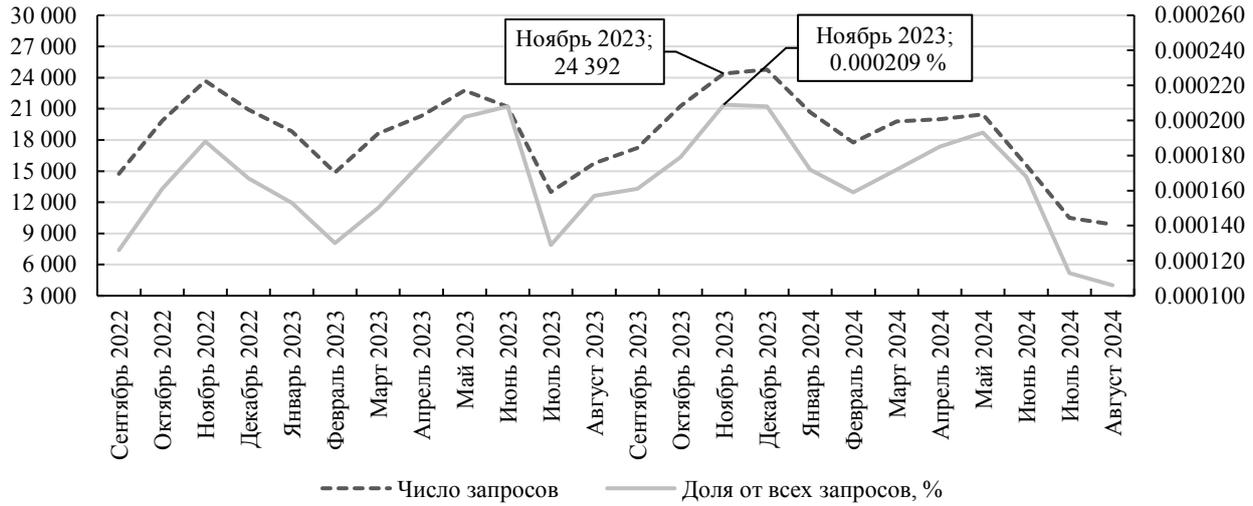

Рис. 2. Динамика поисковых запросов «Яндекс Вордстат» термина «актор»
Fig. 2. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term "actor"

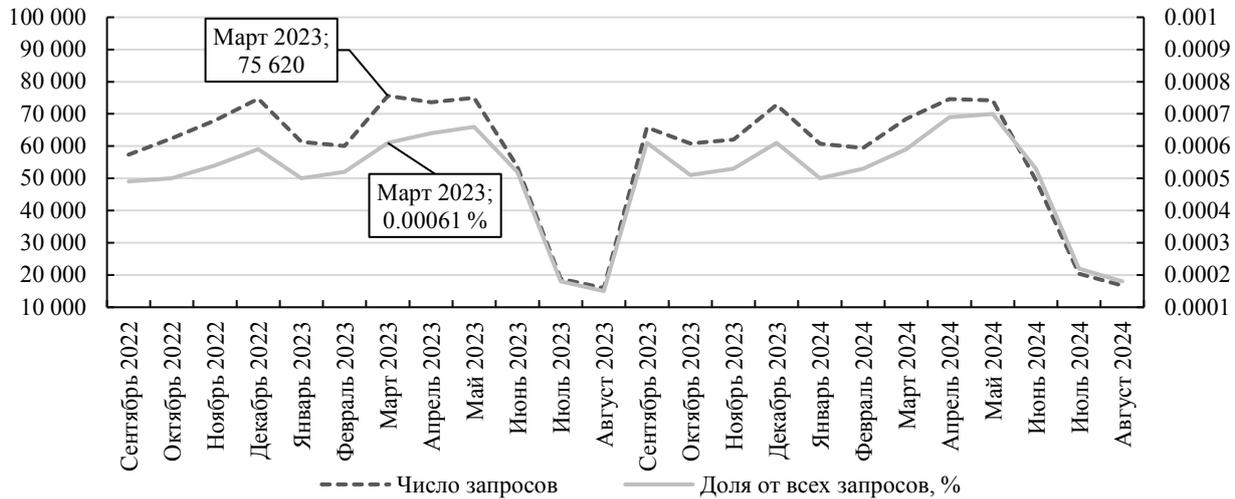

Рис. 3. Динамика поисковых запросов Яндекс Вордстат термина «субъект управления»
Fig. 3. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term "subject of management"

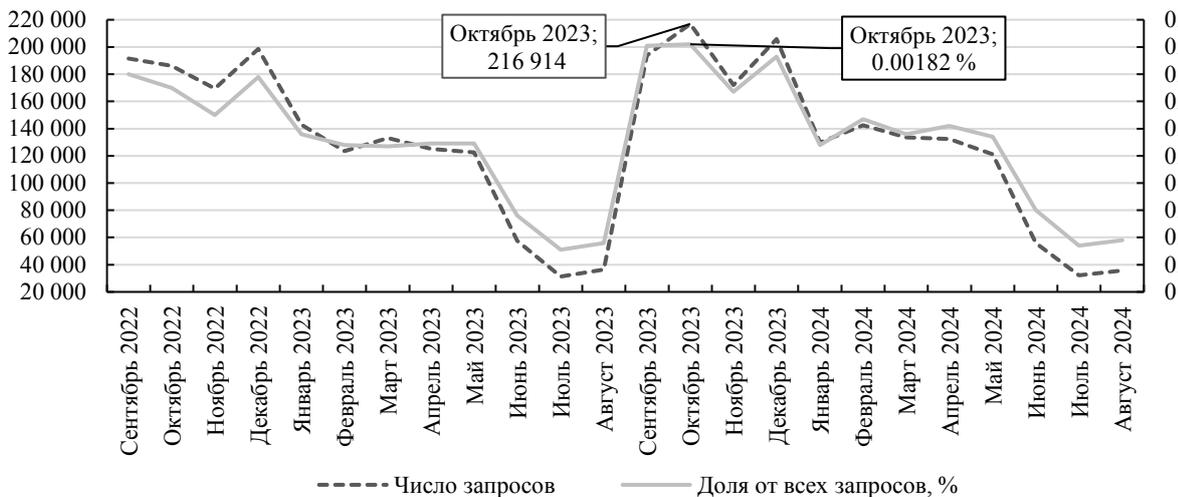

Рис. 4. Динамика поисковых запросов «Яндекс Вордстат» термина "subject"
Fig. 4. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term "subject"

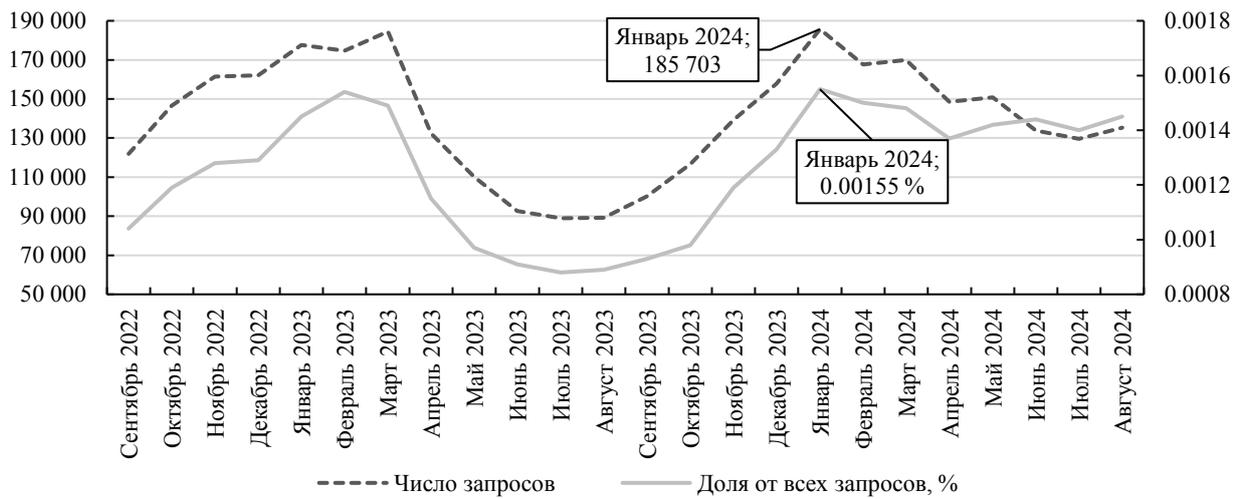

Рис. 5. Динамика поисковых запросов «Яндекс Вордстат» термина «actor»
Fig. 5. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term “actor”

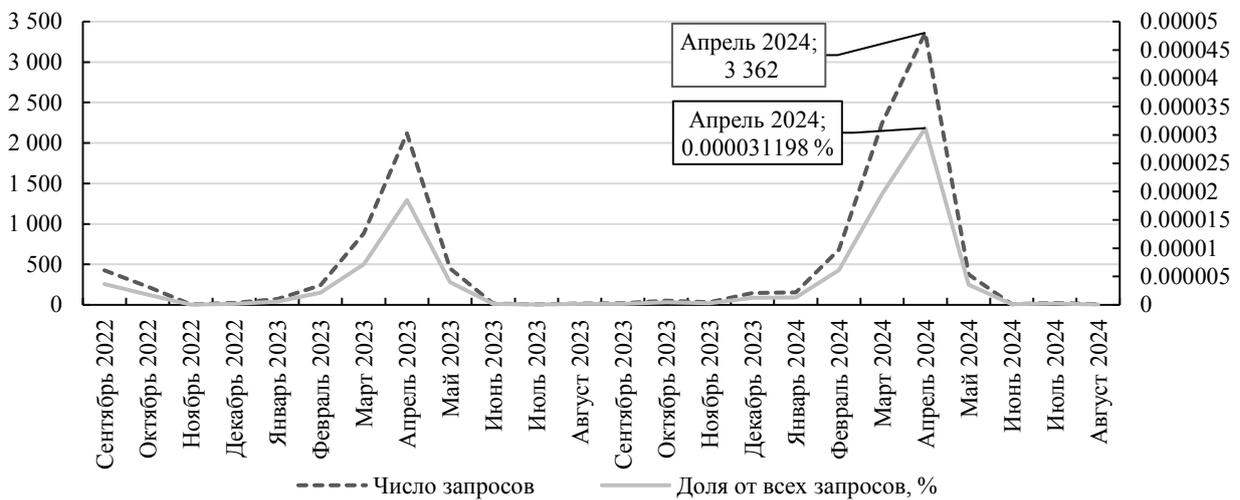

Рис. 6. Динамика поисковых запросов «Яндекс Вордстат» термина «дискурсант»
Fig. 6. Dynamics of Yandex Wordstat search queries for the term “discoursant”

Среднее ежемесячное число поисковых запросов по терминам представлено в таблице.

Среднее ежемесячное число поисковых запросов по данным «Яндекс Вордстат»
(сентябрь 2022 г. – август 2024 г.)

Термин	Среднее число запросов в месяц
субъект	2 488 912
актор	18 624
субъект управления	57609
актор управления	8
субъект социального управления	2587
актор социального управления	0
дискурсант	50
дискурсант	483
subject	128 768
actor	140 856
subject of management	98

Наибольшее количество ежемесячных поисковых запросов составляют термины «субъект», «subject», что суммарно составляет 2 617 679, это подчеркивает транс- и междисциплинарный характер использования данного термина. Количество ежемесячных поисковых запросов термина «актор», «actor» суммарно составляет 159 480, что указывает, с одной стороны, на распространенность термина, с другой – на специализацию в применении. Среднее число ежемесячных запросов к термину «субъект управления» составляет 57 609, в то время как запросов к «subject of management» – 98, что фактически демонстрирует отсутствие применения данного термина.

Относительно вопроса о применении в социологическом исследовании субъекта управления цифровым полилогом рассмотрены термины «дискуссант» и «дискурсант», которые демонстрируют отсутствие их применения, из чего можно сделать вывод о новизне их применения для данной исследовательской задачи.

Заключение. В порядке подведения итога об использовании терминов «субъект управления» и «дискурсант» в контексте социологического исследования цифрового полилога можно отметить следующее.

В терминологическом аспекте психологии субъект управления – тот, кто в процессе речи воздействует и управляет другими индивидами. В терминологическом аспекте философии познания субъект управления цифрового полилога – тот, кто в процессе познавательной деятельности через общение воздействует и управляет знаниями других индивидов в контексте ситуативной вовлеченности в процесс дискуссии. Со времен античности и древних восточных философских доктрин учитель и ученик излагали идеи в форме диалога в процессе научения «мыслить» и понимания. Формирование диалоговой формы общения между учителем и учеником, воспитателем и воспитанником при равноправном взаимодействии являются основой субъект-субъектных отношений. Личностное и профессиональное развитие человека стало возможным при объект-субъектной трансформации индивида, на которого влияют и которым управляют, в личность, которая сама управляет ситуацией и обстоятельствами собственной жизни, свободно адаптируется к изменяющимся социокультурными и научно-технологическими условиям действительности.

Современный информационно-технологический и цифровой период в педагогике характерен тем, что основа субъект-субъектных отношений в общении изменилась, превратившись из одномерной в многомерную, полисубъектную и интерактивную. Современный субъект в цифровой период затруднительно описать с помощью традиционной терминологии через теорию ролей или статусов из-за наличия у него достаточной степени свободы выбора в процессе получения знаний и их применения в последующей деятельности. Цифровизация внесла изменения в образовательную среду и изменила субъекта управления и управляемого субъекта с положения «ученика и учителя» в «полисубъектов» социального управления в множественном информационном пространстве с деятельностным, коммуникативным и рефлексивным видами активности. В терминологическом аспекте педагогики субъекты социального управления в условиях равной доступности к знаниям сотрудничают и координируют процесс обучения в роли интерактивного «полисубъекта».

Терминологический аспект на основе «Тектологии» А. А. Богданова предопределил субъекта управления и управляемых субъектов элементами организации со свойствами «по-

ли субъекта». Управленческая деятельность индивидов самоорганизующегося сообщества означает деятельность множества субъектов управления, соединенных для достижения некоторой цели, способных сотрудничать, координировать и регулировать собственные и коллективные целесообразные действия с позиции субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в классической научной рациональности.

В социологии управления анализ субъекта управления акцентируется с постановкой задачи исследования не на индивиде как личности, а на субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях, на соотнесении индивида к определенной группе, связанной некой общностью для реализации потребностей, решения проблем, достижения результатов и так далее по отношению к иным социальным элементам, группам, структурам или системам. В результате у индивида возникает социальное свойство индивидуальной или коллективной субъектности, что порождает «социальный субъект и формы организации социальных субъектов (общности, структуры разного типа), которые создаются его активностью» [34, с. 13].

Как показало исследование, в соответствии с гипотезой, рассматривая субъект управления самоорганизующимся сообществом с позиции индивида, действующего в текущей ситуации, использующего накопленный опыт и различные формы поведения, проявляющего личностные черты, сформированные синтезом культур, ведущего на постоянной основе диалог с другими участниками, возможно применение термина «полисубъект» к цифровому диалогу. С точки зрения социологии управления в XXI в. термин «субъект», расширенный в трактовке до полисубъекта в цифровой среде, дает возможность поиска новых путей постановки задач исследования и новых подходов к их решению, в том числе позволяет использование иного термина. Например, при исследовании полисубъекта в процессе организации научного семинара для дискуссий по предметной теме в цифровой среде возможно применение термина «дискурсант» к участнику обсуждения. Дискурсант, излагая мнение, утверждение с аргументом, руководствуется мировоззрением, исходя из индивидуального типа мышления и логики, позволяет вернуть индивиду единую позицию субъекта управления и управляемого субъекта самоорганизующегося сообщества, действующего сообразно личным предпочтениям для удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей.

Социологическое исследование, направленное на изучение процесса организации совместной деятельности дискурсантов в цифровой среде, необходимо и актуально при разработке и принятии социально значимых и реализуемых управленческих решений. Указанные решения требуют исходных условий, предполагающих опору не только на модели рационального и нормативно-ориентированного действий субъектов, но и на модели, отражающей совместный рефлексивный и креативный результат действия полисубъекта. Это свидетельствует об актуальности поставленной исследовательской задачи.

Мы считаем, что дальнейшее исследование, опирающееся на полученные нами предварительные результаты, могло бы быть посвящено более глубокому погружению в отдельные аспекты выделенных нами в постановке исследовательской задачи выявления и фиксации особенностей дискурсантов современных цифровых самоорганизующихся сообществ с позиции социологии управления. При изучении процесса взаимодействия дискурсантов в самоорганизующемся сообществе следующей задачей исследования становится оценка направленности высказываний в сторону конструктивного или деструктивного процесса, а

также уровня конвенциональности участников для последующей институциональной трансформации полисубъекта в метасубъект. Исследование эмерджентных свойств метасубъекта через историю дискуссий позволит выявить трансформационный потенциал социального индивидуального и коллективного действия, что даст материал для выявления детерминирующих связей, влияющих на активность индивидов и полисубъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4 (24). С. 95–104. DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6087.
2. Лепский В. Е. Рефлексивность в управлении социальными системами (философско-методологический анализ) // Философия науки и техники. 2021. Т. 26, № 2. С. 127–147. DOI: 10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147.
3. Лепский В. Е. Субъектная ориентация знаний в образовании // Народное образование. 2017. № 3-4 (1461). С. 7–14.
4. Лепский В. Е. Методологический и философский анализ развития проблематики управления. М.: ООО «Когито-Центр», 2019.
5. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1–2. М.: Экономика, 1989.
6. Лепский В. Е., Слепцов Э. С. Влияние работ А. А. Богданова на становление кибернетики первого, второго и третьего порядка // XIII Всероссийское совещание по проблемам управления ВСПУ-2019: сб. тр. / Ин-т проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН. М., 2019. С. 1554–1557. DOI: 10.25728/vspru.2019.1554.
7. Цой А. К. Субъект хозяйства и «Авторитарное мышление» А. А. Богданова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Социологические науки. 2008. № 12 (86). С. 44–51.
8. Кареев Н. И. Объективизм и субъективизм в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III, № 4. С. 61–85.
9. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–108.
10. Леонтьев А. Н. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1989. № 3. С. 11–21.
11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.
12. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн; сост. А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1986.
13. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1995.
14. Русский язык как государственный // СПбГУ. URL: <https://rus-gos.spbu.ru> (дата обращения: 10.07.2024).
15. Etzioni A. The active society. NY: Free Press, 1968.
16. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984.
17. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской; ред. пер. М. Н. Грецкого. М.: Научный мир, 1998.
18. Фомина В. Н. Ален Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской; ред. пер. М. Н. Грецкого. М.: Научный мир, 1998: рецензия // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 54–56.
19. Бахмарова В. Н. Социальный актор в концепции управления М. Крозье // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 85–88.
20. Арчер М. Реализм и морфогенез / пер. с англ. О. А. Оберемко, А. Ф. Филиппова // Социол. журнал. 1994. № 4. С. 50–68.

21. Archer M. S. Culture and agency. The Place of Culture in Social Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511557668>.
22. Sztompka P. Society in action. The theory of social becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.
23. Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова; пер. с англ. А. С. Дмитриева. М.: Аспект Пресс, 1996.
24. Штомпка П. Социальное изменение как травма / пер. с англ. А. Ю. Моисеевой, Н. В. Романовского // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 6–16.
25. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / пер. с англ. В. В. Репьева, Н. В. Романовского // Социол. исслед. 2001. № 2. С. 3–12.
26. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
27. Лепский В. Е. Становление субъектно-ориентированного подхода в контексте развития представлений о научной рациональности // Наука и социальная картина мира: к 80-летию академика В. С. Степина / под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 392–420.
28. Лепский В. Е. Проблема виртуального бессмертия в электронной культуре // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. № 3 (34). С. 170–184.
29. Барт Р. Системы моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
30. Канке В. А. Теория обучения и воспитания. М.: Юрайт, 2024.
31. Добренкова Е. В. Дискурс как коммуникативное событие и речевое общение // Коммунология. 2013. Т. 1, № 1. С. 93–99.
32. Рыжков М. С. О соотношении понятий «коммуникативный диапазон» и «речевая стратегия» виртуальной языковой личности // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VIII Междунар. науч. конф., Ульяновск, 13–17 мая 2008 г. / Ульяновск. гос. ун-т. Ульяновск, 2008. С. 80–81.
33. Рыжков М. С. Речевые стратегии участников синхронного интернет-дискурса (на материале русско- и англоязычных чатов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЕГУ им. А. И. Бунина, Воронеж, 2010.
34. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1995.

Информация об авторах.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творческого развития взрослого человека, воспитание эстетического вкуса, свобода личности в медиапространстве, экзистенциальные вопросы.

Чурина Елена Николаевна – аспирантка, старший преподаватель кафедры управления социально-экономическими системами Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Лермонтовский пр., д. 44, литера А, Санкт-Петербург, 190020, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, теория организаций, научные дискуссии, экспертность.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.09.2024; принята после рецензирования 13.11.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Merzlyakov, A.A. (2018), "The Problem of Subjectivity in the Sociology of Management", *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 95–104. DOI 10.19181/snsp.2018.6.4.6087.
2. Lepsky, V.E. (2021), "Reflexivity in social systems control (philosophical and methodological analysis)", *Philosophy of Science and Technology*, vol. 26, no. 2, pp. 127–147. DOI 10.21146/2413-9084-2021-26-2-127-147.
3. Lepskiy, V.E. (2017), "The subjective orientation of knowledge in education", *Public education*, no. 3-4 (1461), pp. 7–14.
4. Lepskiy, V.E. (2019), *Metodologicheskii i filosofskii analiz razvitiya problematiki upravleniya* [Methodological and philosophical analysis of the development of management issues], ООО "Kogito-Tsentr", Moscow, RUS.
5. Bogdanov, A.A. (1989), *Tektologiya. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka* [Tectology. General organizational science], in 2nd books, book 1–2, Ekonomika, Moscow, RUS.
6. Lepskiy, V.E. and Sleptsov E.S. (2019), "The influence of A. A. Bogdanov's works on the development of first, second and third order cybernetics", *XIII All-Russia Control Conf. (VSPU-2019)*, Moscow, RUS, 17–20 June 2019, pp. 1554–1557. DOI: 10.25728/vspu.2019.1554.
7. Tsoy, A.K. (2008), "Subject of economy and "authoritarian thinking" by A. A. Bogdanov", *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, no. 12 (86), pp. 44–51.
8. Kareev, N.I. (2000), "Objectivism and Subjectivism in Sociology", *The J. of Sociology and Social Anthropology*, vol. III, no. 4, pp. 61–85.
9. Rubinstein, S.L. (1986), "The principle of creative amateur activity (Towards the philosophical foundations of modern pedagogy)", *Voprosy Psichologii*, no. 4, pp. 101–108.
10. Leontiev, A.N. (1989), "Personality: man in the world and the world in man", *Voprosy Psichologii*, no. 3, pp. 11–21.
11. Rubinstein, S.L. (2002), *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General Psychology], Piter, SPb., RUS.
12. Platon (1986), *Dialogues*, Transl. by Sheinman-Topshteyn, S.Ya., Losev, A.F. (ed.), Mysl, Moscow, USSR.
13. Polanyi, M. (1995), *Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy*, Lektorsky, V.A. and Arshinov, V.A. (eds.), Transl. by Gnedovsky, M.B., Smirnova, N.M. and Starostin, B.A., Progress, Moscow, RUS.
14. "Russian language as a state language", *SPbSU*, available at: <https://rus-gos.spbu.ru> (accessed 10.07.2024).
15. Etzioni, A. (1968), *The active society*, Free Press, NY, USA.
16. Giddens, A. (1984), *The constitution of society. Outline of the theory of structuration*, Polity Press, Cambridge, UK.
17. Touraine, A. (1998), *Le Retour de l'acteur. Essai de Sociologie*, Transl. by Samarskaya, E.A., Gretskey, M.N. (ed.), Nauchnyi mir, Moscow, RUS.
18. Fomina, V.N. (2002), "Review A Alain Touraine". *Le Retour de l'acteur. Essai de Sociologie*, Trans. by Samarskaya, E.A., Gretskey, M.N. (ed.), Nauchnyi mir, Moscow, RUS", *Sociological Review*, vol. 2, no. 3, pp. 54–56.
19. Bahmarova, V.N. (2012), "Social actor in M. Crozier's concept of management", *Theory and practice of social development*, no. 1, pp. 85–88.
20. Archer, M. (1994), "Realism and Morphogenesis", Transl. by Oberemko, O.A. and Filippov, A.F., *Sociological J.*, no. 4, pp. 50–68.
21. Archer, M.S. (1996), *Culture and agency. The Place of Culture in Social Theory*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511557668>.
22. Sztompka, P. (1991), *Society in action. The theory of social becoming*, Polity Press, Cambridge, UK.

23. Sztompka, P. (1996), *Sociology of social change*, in Yadov. V.A. (ed.), Transl. by Dmitriev, A.S., Aspect Press, Moscow, RUS.

24. Sztompka, P. (2001), "Social change as trauma", Transl. by Moiseyeva, A.Yu. and Romanovskii, N.V., *Sociological Studies*, no. 1, pp. 6–16.

25. Sztompka, P. (2001), "Cultural trauma in post-communist society", Transl. by Repyev, V.V. and Romanovskii, N.V., *Sociological Studies*, no. 2, pp. 3–12.

26. Latour, B. (2014), *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*, in Gavrilenko, S. (ed.), Transl. by Polonskaya, I., HSE Publishing House, Moscow, RUS.

27. Lepskiy, V.E. (2014), "Formation of the subject-oriented approach in the context of the development of ideas about scientific rationality", *Nauka i sotsial'naya kartina mira: k 80-letiyu akademika V. S. Stepina* [Science and the social picture of the world: On the 80th anniversary of Academician V. S. Stepin], in Arshinov, V.I. and Kasavin, I.T. (eds.), Alfa-M, Moscow, RUS, pp. 392–420.

28. Lepskiy, V.E. (2018), "Problem of virtual immortality in electronic culture", *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, no. 3 (34), pp. 170–184.

29. Barthes, R. (2003), *Le Système de la Mode. Essais de Sémiologie de la Culture*, Transl. by Zenkin, S.N., Izd-vo im. Sabashnikovykh, Moscow, RUS.

30. Kanke, V.A. (2024), *Teoriya obucheniya i vospitaniya: uchebnik i praktikum* [Theory of training and education: textbook and workshop], Yurait, Moscow, RUS.

31. Dobrenkova, E.V. (2013), "Discourse as a communicative experience and verbal communication", *Communicology*, vol. 1, no. 1, pp. 93–99.

32. Ryzhkov, M.S. (2008), "On the relationship between the concepts of "communicative range" and "speech strategy" of a virtual linguistic personality", *Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects*, Proc. of the VIII Int. Sci. Conf., Ulyanovsk, RUS, May 13–17 2008, RUS, pp. 80–81.

33. Ryzhkov, M.S. (2010), "Speech strategies of participants in synchronous Internet discourse (based on Russian- and English-language chats)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, YelSU, Voronozh, RUS.

34. Yadov, V.A. (1995), *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods], Publishing house "Samara Univ.", Samara, RUS.

Information about the authors.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy, 2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 170 scientific publications. Area of expertise: psychology and pedagogy of creative development of an adult, education of aesthetic taste, personal freedom in the media space, existential issues.

Elena N. Churina – Postgraduate, Senior Lecturer at the Department of Management of Socio-Economic Systems, Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, 44 Lermontovskiy ave., St Petersburg 190103, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: sociology of management, organisation theory, scientific discussions, expertise.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 13.09.2024; adopted after review 13.11.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья
УДК 316.35
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-90-102>

Доступная среда для молодых инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ

Ольга Алексеевна Новожилова

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов
Петродворцового района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия,
splinter91@mail.ru*

Введение. Статья посвящена возможностям и барьерам окружающей среды, исследованию факторов и условий, влияющих на формирование доступной среды для молодых людей с инвалидностью. Предлагается взглянуть на создание доступной среды не только как на устранение физических барьеров, но и с точки зрения ее возможностей для включения инвалидов в общественную жизнь. Цель статьи – оценка возможностей окружающей среды и выявление уровней взаимодействия со средой для молодых людей с инвалидностью. Научная новизна исследования заключается в том, что среда не ограничивается тремя-четырьмя уровнями, когда мы говорим о людях с инвалидностью. Среда многогранная и многоуровневая.

Методология и источники. В соответствии с экологической теорией социального психолога У. Бронфенбрэннера, среда делится на микро-, мезо- и макроуровни. Однако это только вертикальное деление. Среда воспринимается индивидами гораздо шире. Эмпирическая часть работы представлена качественной методологией, проведено полуструктурированное интервью (N = 18) с молодыми людьми, имеющими нарушение зрения и опорно-двигательного аппарата. Полную картину исследования дополнили экспертные интервью (N = 3) с представителями общественных организаций.

Результаты и обсуждение. В результате исследования были определены горизонтальные уровни среды, а именно физическая среда и ее барьеры, медиапространство, социальное взаимодействие, а также вертикальные уровни, к которым относятся семья, образование, трудоустройство. Некоторые уровни можно разделить на подуровни, в каждом из которых существуют определенные барьеры среды. Взаимодействие молодых инвалидов со средой на каждом из этих подуровней будет различным.

Заключение. Доступная среда – это возможность молодого человека с инвалидностью не только выйти за пределы своего жилища, но и быть полноценным членом общества, активным участником социальных отношений; возможность проявлять себя, быть услышанным; а также возможность осознать свою идентичность и самореализоваться.

Ключевые слова: доступная среда, молодые инвалиды, люди с инвалидностью, уровни среды, барьеры среды

Для цитирования: Новожилова О. А. Доступная среда для молодых инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 90–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-90-102.

© Новожилова О. А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Accessible Environment for Young People with Disabilities in St Petersburg: Sociological Analysis

Olga A. Novozhilova

*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia,
Center for Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children
of the Petrodvortsovy District of St Petersburg, St Petersburg, Russia,
splinter91@mail.ru*

Introduction. The article is devoted to the opportunities and barriers of the environment. It is proposed to look at the creation of an “accessible environment” not only as the elimination of physical barriers, but also from the point of view of its possibilities for the inclusion of people with disabilities in public life. The purpose of the article is to assess the possibilities of the environment and identify the levels of interaction with the environment for young people with disabilities. The scientific novelty of the study is there are many levels of the environment when we talk about people with disabilities.

Methodology and sources. Based on the ecological theory of the social psychologist W. Bronfenbrenner, the levels of the environment are divided into micro, meso, and macro levels. However, this is only a vertical division of levels. The environment is perceived by individuals much more broadly. The empirical part of the work is represented by a qualitative methodology, a semi-structured interview (N = 18) was conducted with young people with visual impairment and musculoskeletal disorders. The full picture of the study was complemented by expert interviews (N = 3) with representatives of public organizations

Results and discussion. There are horizontal levels of the environment, namely the physical environment, media space, and social interaction. As well as vertical levels, which include family, education, employment. Some levels have sub-levels, in each of which there are certain environmental barriers. The interaction of young people with disabilities with the environment at each of these sublevels will be different.

Conclusion. An accessible environment is an opportunity for a young person with disabilities not only to go beyond their home, but also to be a full-fledged member of society, an active participant in social relations; the opportunity to express oneself, to be heard; as well as the opportunity to realize your identity and self-realization.

Keywords: accessible environment, young people with disabilities, people with disabilities, levels of the environment, environmental barriers

For citation: Novozhilova, O.A. (2025), “Accessible Environment for Young People with Disabilities in St Petersburg: Sociological Analysis”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 90–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-90–102 (Russia).

Введение. Окружающая среда является таким пространством, которое во многом способствует независимой жизни инвалидов, это означает, что люди с инвалидностью могут быть более свободны в социальной, политической, культурной и других сферах общественной жизни. Однако существующая среда часто не учитывает интересы и потребности инвалидов. Социальная специфика инвалидности заключается в правовых, экономических, коммуникативных, психологических и прочих барьерах, которые не позволяют людям с различными ограничениями здоровья активно включиться в жизнь общества и полноценно участвовать в ней.

Сегодня, по мнению многих авторов, инвалидность понимается как результат взаимодействия между людьми с нарушениями здоровья и средовыми барьерами, которые мешают полному и эффективному участию людей с ограниченными возможностями в жизни общества наравне с другими [1, с. 206]. Доступная окружающая среда играет большую роль в качестве жизни инвалидов, особенно молодых. В России насчитывается больше 11 млн людей с инвалидностью, в Санкт-Петербурге – более 550 тыс. [2], т. е. данная социальная группа довольно многочисленна. Это означает, что проблема создания доступной среды для людей с инвалидностью является достаточно актуальной. Потенциал инвалидов как активных участников общественной жизни не раскрыт: в силу физических барьеров они не могут участвовать в культурной и социальной жизни общества, из-за барьеров на уровне трудоустройства молодые инвалиды не могут быть полноценными участниками экономики.

Вопросами концептуализации инвалидности и создания доступной среды занимались такие исследователи, как Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов, Э. К. Наберушкина, С. Д. Филлипс, К. Хартблей. Концепт мобильного гражданства (*mobile citizenship*), сформулированный и обоснованный в работе профессора антропологии С. Д. Филипс «Инвалидность и мобильное гражданство в постсоветской Украине» [3], получил продолжение в исследовании Э. К. Наберушкиной «Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города» [1]. Она отмечает, что мобильное гражданство инвалидов обусловлено как существующими практиками социального отношения к людям с ограниченными возможностями, так и особенностями организации городского пространства с точки зрения возможностей передвижения в нем [1]. Этнографические исследования американского антрополога К. Хартблей связаны с анализом особенностей инвалидности в России, с ее «телесностью». Она показывает, как инвалидность репрезентирует отношение власти и дискриминацию. В работах Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова особый акцент делается на анализе положения инвалидов в социальной структуре, инвалидность конструируется через концепт качества жизни, делается акцент на социально незащищенном положении инвалидов в обществе, дается определение доступной среды, в котором основой является независимая жизнь человека с инвалидностью [4].

Первоначально понятие доступности окружающей среды сводилось к устранению физических барьеров. Об этом говорят заголовки и содержание нормативных документов, в которых доступная среда создается для инвалидов и маломобильных групп населения. Само понятие доступности при этом определяется как «характеристика зданий, сооружений и используемых на них информационных средств, обеспечивающая возможность воспользоваться ими маломобильными группами населения» [5]. При этом есть некое противоречие: государство делегирует вопросы формирования безбарьерной среды ведомству социальной защиты, в то время как данные вопросы должны решаться комплексно, в том числе с комитетами по строительству и благоустройству.

В статье анализируются возможности окружающей среды и выявление уровней взаимодействия со средой для молодых людей с инвалидностью. Группа молодых инвалидов характеризуется большей социальной активностью, большей самостоятельностью и является более неоднородной в сравнении с другими людьми с инвалидностью. Многие из молодых инвалидов оценивают себя на равных с обычной молодежью, они открыты для взаи-

модействия, участвуют в молодежных мероприятиях, раскрывают свои таланты. А некоторые стесняются статуса инвалидности, например при поступлении в вуз. Поступают на общих основаниях, чтобы доказать себе и другим, что они такие же, как все. Есть и обратная ситуация, когда они переоценивают свои возможности, что в результате ведет к нарушению прав других социальных групп [6, с. 73]. Возрастные границы этой социальной группы – от 18 до 40 лет, соответственно, сюда входят и те, кто только начинает свой жизненный путь, поиск себя, и те, кто уже имеет достаточный жизненный опыт. Неоднородна эта социальная группа и по статусу инвалидности: в зависимости от тяжести заболевания и жизненных ограничений выделяют I, II, III группы. Наличие каждой из них существенным образом влияет на социальный статус и поведение в обществе. Например, инвалидность по общему заболеванию II или III группы внешне может никак не проявляться, поэтому люди с такими группами стараются не идентифицировать себя в качестве инвалидов. Таким образом, эта социально-возрастная группа является разнородной, что позволяет определить объект исследования как достаточно интересный и сложный для анализа.

Методология и источники. Для анализа взаимодействия молодых инвалидов со средой был взят средовой подход в социологии. Он позволяет проанализировать взаимодействие человека и окружающих его сред, дает понимание взаимовлияния среды на человека и человека на среду его жизнедеятельности. Данный подход насчитывает большое количество теорий, однако для данной статьи основной теоретической базой выступила экологическая теория социального психолога У. Бронфенбреннера. Этот американский социальный психолог выделяет четыре группы факторов, влияющих на социализацию человека. К ним относятся микросреда (то, что окружает человека с самого рождения), мезосистема (складывающиеся взаимоотношения между разными жизненными областями, определяющими и существенно влияющими на действенность воспитания), экзосистема – общественные институты, органы власти, административные учреждения, макросистема – нормы культуры и субкультуры, мировоззренческие и идеологические позиции, господствующие в обществе [7]. Однако можно ли ограничиться данной типологией в реальной жизни? Как будет происходить взаимодействие со средой человека с инвалидностью на этих уровнях? С какими барьерами он будет сталкиваться? Для анализа барьеров физической среды была использована теория социальной иерархии В. И. Ильина. Российский социолог говорит о том, что физическое пространство включается в социальную практику и приобретает форму социальной иерархии, т. е. участки территории ранжируются по той или иной социальной шкале. В своей теории он использует категории «центр» и «периферия», с помощью которых автор статьи анализирует уровни физической среды.

Цель исследования – определение характера взаимодействия молодых инвалидов со средой на разных уровнях, барьеров и возможностей окружающей среды, роли молодых инвалидов в устранении барьеров среды, понимания их социальной позиции в решении вопросов доступности. Для достижения этой цели было проведено полуструктурированное интервью с инвалидами, имеющими нарушения опорно-двигательного аппарата, передвигающимися на кресле-коляске, и инвалидами по зрению в возрасте от 18 до 40 лет (N = 18). География исследования – Санкт-Петербург (общественные, спортивные организации и организации социального обслуживания). Период проведения интервью: ноябрь–декабрь

2023 – январь 2024 г. Этот метод позволил выявить индивидуальные проблемы, с которыми ежедневно сталкиваются люди с инвалидностью, субъективную и эмоциональную оценку процесса формирования безбарьерной среды. Благодаря интервью мы узнали конкретные кейсы и ситуации, которые не удалось бы выявить с помощью количественных методов.

В дополнение к интервью с молодыми инвалидами было проведено экспертное интервью (N = 3). Экспертами выступили Юлия Я., руководитель общественной организации «На коляске без барьеров», Елена Б., руководитель Федерации спортивных танцев на колясках, а также Светлана Б., общественная активистка и редактор группы «Колясочники Питера».

Результаты и обсуждение. Типология, сформулированная У. Бронфенбреннером, встречается и на практике. Человек с инвалидностью взаимодействует в первую очередь с семьей (микросреда), это самый главный уровень, здесь закладываются основы социальной идентичности молодого человека с инвалидностью, то, в какой степени инвалидность будет определяющим критерием для построения социальных связей. Следующим уровнем, по Бронфенбреннеру, является образование и трудоустройство, затем общественные институты. Таким образом, по степени близости к индивиду можно охарактеризовать эти уровни как вертикальные. Каковы же взаимоотношения молодых инвалидов со средой на этих уровнях?

Начнем с микросреды, а именно семьи и ближайшего окружения молодого инвалида. Довольно распространенным явлением в семьях с детьми-инвалидами является гиперопека. Е. Э. Носенко-Штейн пишет, что стремление уберечь ребенка-инвалида от внешнего мира, не позволяя совершать какие-либо самостоятельные действия, связано с медицинской моделью инвалидности и восприятием такого ребенка как больного [8]. Это обычно приводит к восприятию индивидом себя как больного и последующим взаимоотношениям с миром через эту призму. Однако встречаются и обратные ситуации. Так, наша информант Александра говорит о том, что в детстве мама обращалась с ней на равных, как и с другими братьями и сестрами, давала разные задания.

«Просто меня мама воспитала самостоятельно изначально. У нас же есть эта специфика, что детей с инвалидностью воспитывают в гиперопеке, у меня такого не было. Нас было 5 детей, родных и двоюродных. Я делала все наравне. Я в принципе и грядки полола, и посуда мыла», – Александра, колясочница. Однако здесь же в интервью Александра говорит о том, что она не привыкла получать помощь со стороны, поэтому часто негативно реагирует, когда окружающие хотят ей помочь.

Трудоустройство можно рассматривать как мезоуровень по Бронфенбреннеру. На этом уровне человек выстраивает социальное взаимодействие с работодателем, коллегами, рабочим местом. Автор разделяет тезис П. В. Романова о том, что в отношении трудоустройства инвалидов политика государства сводится к квотированию рабочих мест учреждениями и организациями и штрафным санкциям, если таковые отсутствуют [9]. Действительно, на практике эти меры не работают, и инвалиды по-прежнему сталкиваются с проблемами на рынке труда. Так, один из информантов сказал, что после обучения в медицинском колледже на массажиста довольно долго сталкивался с проблемами трудоустройства.

«Вы знаете, причину не называют. Я прихожу на собеседование, и мне говорят: “Мы подумаем там, мы вам перезвоним”. Ну, естественно, никаких действий в плане перезвонить, естественно, не происходит. Ну, я понимаю, что просто не хотят сталкиваться с

людьми с инвалидностью. Потому что задают вопросы, например, как вести документацию, как вы будете добираться. Я-то все объясняю, что документацию я могу вести. Да, я не смогу вести в бумажном виде, но я смогу это делать в электронном виде при помощи ноутбука, даже ноутбук у меня есть свой», – Анастасия, инвалид по зрению.

Для людей с инвалидностью трудоустройство является не только способом обеспечить себя, но и найти достойное место в жизни, почувствовать себя нужным обществу. Однако на пути к трудоустройству возникают многочисленные барьеры, в числе которых российские авторы одной из первых выделяют проблему средовых барьеров, а именно неподходящую инфраструктуру населенных пунктов, непригодность транспорта, отсутствие универсального дизайна помещений и путей передвижения [10]. Поэтому стабильную работу, по данным Росстата [2], имеют меньше трети – 26,33 % от общего количества инвалидов трудоспособного возраста. В данном случае доступная среда рассматривается как предпосылка к трудоустройству и как средство для включения инвалидов в социальную жизнь.

Однако среда не ограничена этими уровнями, которые, по нашему мнению, можно назвать вертикальными, поскольку выстроена своего рода вертикаль от нижнего, ближайшего (микроуровня) к верхнему, дальнему (макроуровню). Соответственно, можно обозначить и горизонтальные уровни: физическая среда и барьеры, медиапространство, отражающее восприятие инвалидности в обществе, социальное взаимодействие. По-другому их можно назвать кросс-уровни, т. е. такие, которые пронизывают социальную жизнь инвалида. Рассмотрим каждый из них.

Так, физическое пространство достаточно иерархизировано. Для анализа этого уровня используется теория социальной иерархии В. И. Ильина, с помощью которой можно разграничить уровни физического пространства на «центр» и «периферию», где сам «центр» внутри относительно доступен для маломобильных групп населения, а периферическое пространство менее доступно в результате его «ненужности». Мы можем наблюдать на примере Санкт-Петербурга данное ранжирование, где центральные районы более доступны по сравнению со «спальными», а в каждом районе административные центры более доступны по сравнению с придомовыми территориями и периферическими улицами. Кроме того, можно ранжировать физическое пространство на микро-, мезо- и макроуровни, где микроуровень – это жилище молодого человека с инвалидностью, мезоуровень – промежуточный между жилищем и «центром» и макроуровень – сам «центр». В данном случае под неким «центром» мы понимаем конечную цель визита человека с инвалидностью, место, где собираются индивиды с целью социального взаимодействия. В интервью информанты отмечали, что поездка куда-то не может быть спонтанной, нужно за два-три дня продумывать маршрут.

«Импровизация – не наш конек. И когда мы встречаемся, обычно все стараются... Скажи, какое место, где бы тебе было удобно. То есть там должен быть пандус или нет, или как лестница. И очень сильно ограничивает это выбор, конечно», – Ксения, колясочница.

«Питер вообще не предусмотрен для людей с инвалидностью. Я однажды гуляла во-круг Сенной два часа, чтобы найти место, где покушать, все было со ступеньками. То есть это старый фонд, никто его трогать не будет, потому что достояние города, истории и так далее», – Александра, колясочница.

«Водители не знают, как обращаться с аппаратами, некоторые не хотят доставать, типа забирайся так, некоторые предлагают не скинуть аппарат, а затащить тебя так», – Александра, колясочница.

Важно в интервью с молодыми инвалидами было узнать, что они предпринимают, когда сталкиваются с проблемами, препятствиями и барьерами. Ведь в беседе о доступной среде практически все отмечали проблемы, говорили о том, что в городе нет доступной среды. При этом выяснилось, что очень мало людей обращаются куда-либо с жалобами или инициативой что-то исправить. Чаще всего при столкновении с препятствием предпринимается тактика возмущения, терпения, ухода, но не заявления о себе и своей проблеме.

«Честно нет, не обращалась. Единственное, обратились как-то в службу поддержки в автобусе. Ехала с коляской, нам там кондуктор сказал, заплатите за коляску. Мы оставили жалобу», – Алина, колясочница.

«Нет, никуда обращаться не буду [...] Это нужно собирать документы, куда-то звонить, нет», – Александра, колясочница.

«Моя мама [никуда не обращается] считает и так нормально, зачем что-то менять», – Анастасия колясочница.

Однако среди информантов были и те, кто принимал активное участие в жизни города и создании благоприятной окружающей среды.

«Мы постоянно обращаемся, постоянно звоним, что-то делаем, что-то приходится долго ждать. Вот у нас у почты пандус поставили [после обращения]», – Надежда, колясочница.

«Я сама обратилась, мне, когда не открывают пандус или приезжают мимо меня, я запоминаю на автобусе вот эти номера, которые, как они правильно называют. И звоню, оставляю жалобу», – Анастасия, колясочница.

Из интервью с руководителем общественной организации «На коляске без барьеров» можно сделать вывод о том, что необходимо проявлять активность и заявлять о том, где и как можно столкнуться с препятствием. Это улучшает качество окружающей среды, дает возможность лучше реагировать на проблемы, расставлять приоритеты при планировании и выделении средств администрациям районов для организации городского пространства.

«Я живу в Приморском районе. В моем районе для меня и моей дочери все доступно, все места, где проходит наш маршрут», – Юлия Я., руководитель ОО «На коляске без барьеров».

Того же мнения придерживается и Светлана Б., общественная активистка и руководитель группы «Колясочники Питера». На своем примере она рассказала о том, как нужно взаимодействовать с органами власти, о том, как она в своем районе наводит порядок по устранению физических барьеров. *«Конечно, – отмечает она, – нужно запастись терпением. Доходило до абсурда – пешеходную дорожку я добивалась 5 лет. Но в итоге сделала».*

В целом, анализируя результаты интервью, можно сделать вывод о том, что качество жизни молодых людей с инвалидностью во многом зависит не только от возможностей среды, но и от самих людей, от их инициативы, активного участия в своей жизни, в решении своих проблем. Постепенно улучшается доступная среда в Санкт-Петербурге, возможности маломобильных групп населения становятся шире, мест, которые можно посетить, стано-

вится больше. Информанты отмечали, что по сравнению с предыдущими годами сейчас намного больше доступных объектов, да и администрация откликается на сообщения и жалобы быстрее. Качественно своей жизни довольны большинство информантов.

«Сегодня все можно заказать на дом, если куда-то поехать, вызываю такси, в целом полностью самостоятелен», – Иван, инвалид 1-й группы по зрению.

«Своей жизнью довольна, общественной – нет. Потому что “доступная среда” не всегда является таковой», – Анастасия, колясочница.

«Что касается качества жизни, то я в принципе всем довольна. Конечно, это если все будет расширяться. Ну конечно, это будет только плюс, это будет очень хорошо, я считаю, но я не могу сказать, что вот вообще все плохо», – Анастасия, инвалид 1-й группы по зрению.

Таким образом, доступность окружающей среды играет важную роль в качестве жизни молодых инвалидов. Результат проведенного интервью показал, что физические барьеры препятствуют полноценной жизни молодого человека с инвалидностью, влияют не только на возможность получить образование, трудоустроиться, но и на возможность общаться с друзьями, гулять по городу, участвовать в культурной жизни. Сегодня доступная среда у обывателя связана в основном с пандусами. Однако, по словам М. Никонова, члена ОО «На коляске без барьеров», доступная среда «не начинается с пандуса, она им заканчивается».

Следующий горизонтальный уровень – социальное взаимодействие, которое является одной из проблем, затронутых в исследовании.

«Часто пытаются помочь, но это непрошенная помощь. А когда непрошенная помощь, сами понимаете. Например, когда я перехожу пешеходный переход, зачастую пытаются брать меня за ручки коляски и переводить. Это как толкнуть меня в спину, без моего спроса», – Александра, колясочница.

Административные работники, отвечающие за сопровождение инвалидов, не ознакомлены в полной мере с правилами предоставления помощи инвалидам, что в конечном итоге доставляет дискомфорт последним, создает дополнительные препятствия не только на физическом уровне, но и на уровне социального взаимодействия. Так, например, инвалиды сталкиваются с отказом в помощи со стороны различных служб, которые эту помощь обязаны предоставлять. *«Бывают такие диспетчеры, к сожалению, которые прям вот настырные. Видимо, это тоже человеческий фактор. Даже слушать не хотят, не пускают. Я объясняю, что я коляску беру, что меня уже сопровождали. В другой раз я звоню, девушка берет, говорит, да, все, вам помогут»*, – Анастасия, колясочница.

Здесь уместно вспомнить о некоторых правилах общения с людьми с инвалидностью в целом. Важно, чтобы правила оказания помощи знали не только организации, работающие с инвалидами, но и простые граждане. Исходя из озвученных информантами проблем, автором были разработаны некоторые рекомендации.

Во-первых, для оказания своевременной помощи инвалидам и иным маломобильным гражданам желательно организовать получение информации о дополнительных потребностях ожидаемого посетителя, например использовать специального помощника. В интервью один из респондентов отметил, что желательно на объектах социальной инфраструктуры иметь человека, своего рода консультанта, для того чтобы он мог оказать своевременную

помощь. С одной стороны, это требование нарушает логику доступности и универсального дизайна – человеку с инвалидностью приходится обращаться за помощью вместо того, чтобы самостоятельно себя обслужить. С другой стороны, гораздо комфортнее обратиться к человеку, в чьи обязанности входит помощь, чем обращаться к незнакомым людям, а бывают ситуации, когда помочь просто некому.

Во-вторых, необходимо донести до сотрудников организации, что сначала нужно предложить помощь и дождаться ответа от человека с инвалидностью. При отказе от помощи не надо продолжать настаивать на ней. В случае согласия принять помощь, нужно поинтересоваться, как лучше помочь. Это важный момент, поскольку человек с инвалидностью может расценить помощь как подчеркивание своей беспомощности или оказание «медвежьей услуги», как уже было отмечено в интервью с Александрой.

В-третьих, важно соблюдать этические моменты. Кроме элементарных правил вежливости, следует помнить, что говорить нужно обычным голосом, если только это не слабослышащий, и простым языком в случае общения с инвалидом с нарушениями умственного развития. Кроме того, при разговоре с инвалидом, который пользуется помощью сопровождающего, иного помощника или специалиста, например сурдопереводчика, надо обращаться непосредственно к инвалиду, а не к сопровождающему или помощнику; при общении с человеком, передвигающимся на кресле-коляске, стоит расположиться так, чтобы лица собеседников были на одном уровне. Нежелательно концентрировать внимание на заболевании или травме, важно помнить, что это точно такой же человек, как и все остальные. Так, Анастасия, инвалид по зрению, рассказала о том, что окружающие люди часто выказывают недовольство относительно того, что ее собака-проводник без намордника. *«Приходится объяснять, что собака обучена поднимать предметы, если у меня что-то упадет, поэтому она без намордника»*, – говорит Анастасия.

Кроме перечисленного, важно осуществлять более активные действия по созданию в обществе позитивного образа инвалида и соответствующего отношения к проблемам обеспечения им равных возможностей для участия в жизни общества. Интервью с инвалидами показало, что человеческий фактор в сфере доступности среды имеет большое значение. Так, водители «доступных» автобусов не умеют/не хотят доставать аппарель. Должностные лица не умеют/не хотят добросовестно выполнять свои обязанности по обеспечению доступности. Частным организациям проще заплатить штраф, чем думать о мобильности человека с инвалидностью. Простые граждане не умеют/не знают, как себя вести с инвалидом, сторонятся, боятся и негативно реагируют на инвалида, а те, кто готов оказать помощь, зачастую не знают, как это сделать правильно. Поэтому создание в обществе позитивного образа инвалида и соответствующего отношения к проблемам обеспечения им равных возможностей является важным направлением в решении вопроса доступности среды.

Заключение. Любое социальное взаимодействие приводит к изменению существования в социальной среде всех участников. Взаимодействие со средой – это двойственный процесс одновременного сигнализирования и истолкования, питаемый запасами знания сторон взаимодействия, к которым в нашем исследовании относятся молодые инвалиды – с одной стороны, и окружающая среда – с другой. Взаимодействуя с окружающей средой, индивиды изменяются сами под воздействием среды и изменяют саму среду. Все опрошен-

ные отмечали улучшение состояния доступной среды сейчас по сравнению с 10-летним периодом в прошлом.

Подводя итог, отметим, что среда многогранная и многоуровневая: к вертикальным относятся семья, образование, трудоустройство (или микро-, мезо- и макроуровни по Бронфенбреннеру), к горизонтальным – физическая среда, медиапространство, социальное взаимодействие (или кросс-уровни). Некоторые уровни можно разделить на подуровни. Так, на уровне трудоустройства можно рассматривать взаимодействие с работодателем, рабочим местом, коллегами, на каждом из этих подуровней взаимодействие будет различным. На уровне физических барьеров такими подуровнями будут жилище инвалида, улица, центр города. Таким образом, среда сама по себе является многогранной и многоуровневой, и молодые люди с инвалидностью осуществляют свое взаимодействие со средой на различных уровнях по-разному.

Как было отмечено автором, молодые инвалиды – это социальная группа, которая в силу своих социально-возрастных характеристик обладает определенными особенностями. С одной стороны, молодым людям с инвалидностью свойственна идентичность молодежи, связанная со стремлением найти свое место в мире, амбициями и желанием быть полезными обществу. Период молодости определяется максимализмом, открывающимися возможностями мира, взрослой жизни. По мере того, как происходят физические и биологические изменения организма, социальное и психологическое развитие индивида также меняется. На этом этапе жизни люди будут чувствовать себя более комфортно, взаимодействуя с подобными себе группами людей. Объединение или избегание определенных групп помогает молодому человеку в определении своей идентичности. Кроме того, люди меняют свой внешний вид, чтобы по-новому определить свою личность. С другой стороны, таких людей в большей мере ограничивают возможности здоровья, а также барьеры окружающей среды. Потребности молодых людей с ограниченными физическими возможностями делают их немного менее функциональными в определенных видах деятельности и профессиях.

В процессе взаимодействия со средой молодые люди с инвалидностью сталкиваются с определенными барьерами на разных уровнях. Эти проблемы можно ранжировать. Самая главная проблема – проблема физических барьеров среды. Физическая среда является средством социального включения или исключения в зависимости от возможностей. Возможности физической среды трактуются в контекстах ее универсальности для всех социальных групп, включая маломобильные группы населения. Многие колясочники просто не могут выйти из дома, а следовательно, нормального взаимодействия со средой не получится или оно будет затруднено. На втором месте по значимости является проблема трудоустройства. Занятость также представлена несколькими уровнями. Это путь до рабочего места, само рабочее место, взаимодействие с коллегами (горизонтальный уровень), взаимодействие с начальником. На каждом из этих уровней инвалиды могут столкнуться с различными барьерами среды. Как показало исследование, к основным трудностям, с которыми сталкиваются инвалиды в трудовой среде, относятся недостаток опыта и образования, трудности в связи с состоянием здоровья и нежелание работодателя принимать на работу человека, имеющего ограничения. Также мы обозначили проблему получения медицинских услуг и лекарств как одну из актуальных, следующей по важности идет проблема транспорта. Все эти

препятствия встречаются молодого человека с инвалидностью ежедневно, что не может не сказаться на качестве его жизни.

На основании проведенного исследования следует отметить, что физическая среда остается первым и самым важным барьером, который мешает полноценному функционированию человека с инвалидностью в городской среде, не дает жить ему независимой жизнью. Так, есть молодые инвалиды, которым мешают физические барьеры среды, а есть те, кто, несмотря на них, ведет активный образ жизни. Здесь мы приходим к выводу, что среда формирует социальную идентичность молодых людей с инвалидностью. Проведенное исследование показало, что, несмотря на общепринятое наделение понятия «инвалид» отрицательными характеристиками («больной», «хромой», «калека»), среди молодых людей с инвалидностью преобладает формирование положительной социальной идентичности. Окружающая среда формирует идентичность молодого человека с инвалидностью. Она может характеризоваться многообразием социальных связей того социума, в котором он проходит социализацию. К сожалению, в российском обществе преобладают негативные явления, не способствующие полноценной социализации инвалида, что отрицательно сказывается на их социальной идентичности. Одним из таких негативных факторов является обедненная окружающая среда, с которой молодой человек с инвалидностью в процессе социализации взаимодействует на разных уровнях.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что понятие «доступная среда» имеет более широкий смысл, чем просто устранение барьеров и установка пандусов, как принято считать. В широком смысле доступная среда – это такое социальное взаимодействие, при котором достигается удовлетворение потребностей всех взаимодействующих на всех уровнях взаимодействия. В узком смысле доступная среда – это такая организация окружающего пространства, которая способствует полноценному включению всех индивидов в социум, в том числе людей с инвалидностью. Такая организация социального пространства дает возможность человеку с инвалидностью не только выйти за рамки своего жилища, но и быть полноценным членом общества, активным участником социальных отношений; проявлять себя, быть услышанным; а также дает возможность осознать свою идентичность и самореализоваться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наберушкина Э. К. Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / СГТУ им. Гагарина Ю. А. Саратов, 2013.
2. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 13.08.2024).
3. Phillips S. D. Disability and mobile citizenship in postsocialist Ukraine. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2010.
4. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социол. исслед. 2010. № 9. С. 50–58.
5. СП 59.13330.2020: Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения // Тифлоцентр «Вертикаль». URL: <https://tiflocentre.ru/documents/sp59-13330-2020.php> (дата обращения: 13.08.2024).
6. Новожилова О. А. Анализ правозащитной модели инвалидности на примере трудоустройства молодых инвалидов // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч., Пермь, 7–8 дек. 2021 г. / ПГНИУ. Пермь, 2021. С. 70–74.

7. Bronfenbrenner U. *The Ecology of Human Development*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1979.
8. Носенко-Штейн Е. Э. «Губительная гиперопека»: репрезентация воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья в женских устных историях // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, Кострома, 5–8 октября 2023 г. / КГУ. Кострома, 2023. С. 491–494.
9. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности. Проблемы доступной среды и возможности занятости // Социол. исслед. 2005. № 2. С. 44–55.
10. Шабунова А. А., Фахрадова Л. Н. Актуальные проблемы трудоустройства инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 126–142. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.7.

Информация об авторе.

Новожилова Ольга Алексеевна – аспирантка кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; заведующая организационно-методическим отделением Центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Петродворцового района Санкт-Петербурга, Дворцовый пр., д. 40Б, Санкт-Петербург, г. Ломоносов, 198412, Россия. Автор 12 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология инвалидности, доступная среда, социальная политика в отношении людей с инвалидностью, реабилитационная среда инвалидов.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.08.2024; принята после рецензирования 13.09.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Naberushkina, E.K. (2013), "Mobile citizenship of disabled people in the social space of the city", Abstract of Dr. Sci. (Sociology) dissertation, SSTU, Saratov, RUS.
2. "The status of persons with disabilities", *Federal State Statistics Service*, available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (accessed 13.08.2024).
3. Phillips, S.D. (2010), *Disability and Mobile Citizenship in Postsocialist Ukraine*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
4. Romanov, P.V. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2010), "Disabled persons and society: twenty years later", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 50–58.
5. "SP 59.13330.2020: Accessibility of buildings and structures for people with limited mobility", *Tiflocentre "Vertical"*, available at: <https://tiflocentre.ru/documents/sp59-13330-2020.php> (accessed 13.08.2024).
6. Novozhilova, O.A. (2021), "Analysis of the human rights model of disability on the example of employment of young disabled people", *Actual problems of human potential development in modern society, Proc. of the VIII All-Rus. sci.-practical. conf. with int. part.*, Perm, RUS, 7–8 Dec. 2021, pp. 70–74.
7. Bronfenbrenner, U. (1979), *The Ecology of Human Development*, Harvard Univ. Press, Cambridge, UK.
8. Nosenko-Shtein, E.E. (2023), "Destructive Overprotection": Representation of Raising a Child with Disabilities in Women's Oral Histories", *Family, Feminine, Everyday in the Historical and Anthropological Dimension, Proc. of the XVI Int. sci. conf. RAIZHI and IEA RAS*, Kostroma, RUS, 5–8 Oct. 2023, pp. 491–494.
9. Romanov, P.V. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2005), "Policies of disability: issues of accessible environment and employment", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 44–55.
10. Shabunova, A.A. and Fakhradova, L.N. (2016), "Pressing issues of disability employment", *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 6 (48), pp. 126–142. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.7.

Information about the author.

Olga A. Novozhilova – Postgraduate at the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Head of the Organizational and Methodological Department, Center for Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children of the Petrodvortsov District of St Petersburg, 40B Dvortsovy ave., St Petersburg, Lomonosov 198412, Russia. The author of 12 scientific publications. Area of expertise: sociology of disability, accessible environment, social policy in relation to people with disabilities, rehabilitation environment of people with disabilities.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.08.2024; adopted after review 13.09.2024; published online 20.02.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.111; 811.161.1'28; 81
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-103-115>

Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах

Ирина Анатольевна Везнер¹, Инна Валерьевна Лисица²✉

^{1,2}Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

¹vezneru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1281-1236>

²✉foxinna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8899-9423>

Введение. Все большее значение при анализе дискурсивных явлений приобретает метод когнитивно-концептуального моделирования, который дает возможность выявить как универсальное, так и этнокультурное содержание концептосфер и охарактеризовать языковые средства их вербализации. Применение данного метода позволяет авторам статьи описать средства дискурсивной репрезентации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. В работе предпринята попытка выявить концептуально-значимые признаки конфигурации изучаемой концептосферы.

Методология и источники. Концептуально-значимые признаки и специфика их конфигурации исследуются как вербальная объективация социального взаимодействия, обусловленная рядом культурологических факторов, что определяет актуальность исследования. В качестве языкового материала для сравнительного анализа привлекаются англоязычные антитеррористические памятки, буклеты, постеры и руководства специализированных вебсайтов; русскоязычные антитеррористические памятки, руководства, инструкции, размещенные в образовательных учреждениях и общественном транспорте г. Новосибирска. В качестве методов исследования используются информационно-смысловой анализ текста, когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы, жанрово-дискурсивный и сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ выявил следующие базовые универсальные концепты, объективирующие концептосферу «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах: «субъект, противодействующий террористической деятельности», «предполагаемый субъект террористической деятельности», «предполагаемые действия и меры по предупреждению теракта», «предполагаемые действия заложников», «предполагаемые действия после теракта». В англоязычной лингвокультуре преобладают тексты, которые можно отнести к сильнопревентивным жанрам антитеррористического дискурса. В русскоязычной лингвокультуре в антитеррористических памятках в основном воспроизводятся ситуации позднего этапа совершения теракта, они характеризуются совместной вербализацией концептов «вертикальная интеграция» и «централизация».

© Везнер И. А., Лисица И. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что рассматриваемые антитеррористические материалы обладают рядом различных культурно-обусловленных концептуальных признаков, базирующихся на оппозициях «сильная превентивность – слабая превентивность», «горизонтально интегрированное сообщество – вертикально интегрированное сообщество» и «децентрализация – централизация».

Ключевые слова: национально-культурная специфика, жанрово-дискурсивный анализ, вербализация, концептосфера «антитеррористические меры», концептуально-значимые признаки

Для цитирования: Везнер И. А., Лисица И. В. Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 103–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-103-115.

Original paper

The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the “Anti-Terrorism Measures” Concept Sphere in English and Russian Linguocultures

Irina A. Vezner¹, Inna V. Lisitsa²

^{1,2}*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

¹*vezneru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1281-1236>*

²*foxinna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8899-9423>*

Introduction. The method of cognitive-conceptual modeling is becoming increasingly important in analysing discursive phenomena and it allows to identify both universal and ethnocultural content of concept spheres as well as to characterize the linguistic means of their verbalization. The application of this method allows the authors of the paper to describe the means of discursive representation of the concept sphere ‘anti-terrorism measures’ in English and Russian linguocultures. The paper attempts to identify conceptually significant features of the configuration of the concept sphere under analysis.

Methodology and sources. Conceptually significant features and the specifics of their configuration are examined as the verbal objectification of social interaction, influenced by a range of cultural factors. The linguistic material comprises handouts, guides, and manuals from websites, as well as anti-terrorism guides, manuals, and instructions placed in educational institutions and public transport in Novosibirsk. The authors employed such methods as information and semantic text analysis, cognitive-comparative modelling of the concept sphere, genre-discursive and comparative analyses.

Results and discussion. The analysis identified the following fundamental concepts that objectify the concept sphere “anti-terrorism measures”: “a subject countering terrorist activity”, “a probable subject of terrorist activity”, “prescribed actions and measures to prevent a terrorist attack”, “probable actions of hostages”, “probable actions after a terrorist attack”. In the English linguoculture, the texts that can be attributed to strongly preventive genres of anti-terrorist discourse prevail. In Russian linguoculture, anti-terrorist materials mainly present the situations at a later stage of a terrorist attack; they are characterized by joint verbalization of the concepts ‘vertical integration’ and ‘centralization’.

Conclusion. The research results indicate that the examined anti-terrorism materials possess a number of culturally determined conceptual features based on the following oppositions: “highly preventive – weakly preventive”, “horizontally integrated community – vertically integrated community”, and “decentralization – centralization”.

Keywords: national and cultural specifics, genre-discursive analysis, verbalization, concept sphere “anti-terrorism measures”, conceptually significant features

For citation: Vezner, I.A. and Lisitsa, I.V. (2025), “The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the “Anti-Terrorism Measures” Concept Sphere in English and Russian Linguocultures”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 103–115. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-103-115 (Russia).

Введение. В современной лингвистике проблемы соотношения мыслительных и языковых структур все больше привлекают внимание исследователей. Это диктуется необходимостью постановки новых теоретических проблем в области концептологии, жанроведения и теории дискурса. В этой связи приоритетной становится когнитивно-дискурсивная исследовательская парадигма, в рамках которой можно встретить такие термины, как «дискурсивное конструирование», «концептуальный анализ», «дискурсивный мониторинг», «прототипическое моделирование» и др.

Вербализация концептосфер протекает в процессе речевой коммуникации, которая объективирует социальное взаимодействие. В этом отношении представляется актуальным рассматривать коммуникативно-речевую категорию как вербальную объективацию социального взаимодействия определенного вида [1, с. 232].

Таким образом, становится возможным получить наиболее полное представление о сходствах и различиях картин мира представителей различных лингвокультурных социумов и способов их корреляции для успешной межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Следует отметить, что концептосфера «антитеррористические меры» в аспекте вербализации не являлась предметом отдельного лингвистического исследования, ее рассмотрение, как правило, носит факультативный характер, что, на наш взгляд, является неоправданным и диктует необходимость ее более глубокого изучения.

Вместе с тем исследование антитеррористического дискурса имеет перспективу как в монолингвокультурном, так и в полилингвокультурном аспектах [2], поскольку он относится к числу речевых произведений, в которых находят отражение концепты, характеризующиеся высокой степенью значимости в концептуальной картине мира общества [3, с. 27].

В настоящей статье предпринимается попытка описать средства дискурсивной репрезентации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах, а также выявить концептуально-значимые признаки и их конфигурации. Объектом исследования является дискурсивная вербализация концептосферы «антитеррористические меры». Предмет исследования – ее жанрово-дискурсивная национально-культурная специфика, обнаруживаемая в русскоязычных и англоязычных дискурсивных практиках.

Методология и источники. Методами исследования послужили информационно-смысловой анализ текста, когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы, жанрово-дискурсивный и сопоставительный анализ. В качестве материала исследования использовались русскоязычные антитеррористические памятки, руководства, инструкции, а также англоязычные памятки (handouts), буклеты (leaflets) и руководства (guides).

Антитеррористический дискурс неоднократно становился объектом внимания исследователей и ранее рассматривался в различных аспектах: политологическом, социологиче-

ском, психологическом, образовательном, диахроническом, в рамках теории приближения для легитимизации интервенционистских превентивных мер против внешней угрозы, типологии дискурса и межкультурных отношений.

Социологи отмечают тесную связь рассматриваемого типа дискурса с состоянием общества. Так, например, по мнению В. И. Долгий, сам факт появления антитеррористического дискурса можно трактовать как качественный индикатор состояния общества, в котором находят отражение «распределение социальных иерархий, характер коммуникаций между индивидами, а также направленность стратегии власти, которая позволяет поддерживать баланс общественных интересов» [4, с. 197].

В. В. Кафтан в своей статье размышляет об особенностях формирования, распространения, переформатирования антитеррористического дискурса. Исследователь показал возможность формирования антитеррористического дискурса, представляющего собой «совокупность деструктивных высказываний, использующих терроризм как средство управления общественным сознанием, в целях создания особой “террористической” картины мира» [5, с. 122].

В социологических исследованиях также рассматривается специфика стратегии коммуникации силовых структур отдельных стран в борьбе с терроризмом [6].

Политологи предпринимают попытки решить ряд проблем, связанных с необходимостью разработки дополнительных действий в контртеррористической политике, чтобы обратить вспять рост террористической деятельности; дать оценку основным недостаткам нынешних политических инициатив; разработать политические рекомендации в рамках теории борьбы с терроризмом с учетом новых данных о лицах, совершивших террористические акты [7].

В современных исследованиях ученые связывают антитеррористическую превентивность с возрастающей ролью взаимодействия государства с местными локальными сообществами [8, 9].

В научной литературе встречаются лишь отдельные наблюдения над воплощением концепта «терроризм». Отмечается характерная для современной американской лингвокультуры высокочастотная контекстуальная контактность между реализациями концептов «patriotism» и «terrorism». Так, Т. А. Пашутина объясняет причину устойчивой тесной контекстуальной контактности реализации этих концептов историко-культурными причинами [10, с. 9], что демонстрирует ее дискурсивную обусловленность при понимании дискурса как текста, взятого вместе с внетекстовой действительностью (в данном случае – с событиями истории).

Мы полагаем, что концептосфера «антитеррористические меры» может быть описана в терминах ядерно-периферийной полевой структуры, включающей в себя универсальный, этнокультурный и индивидуальный компоненты, которые в свою очередь состоят из соответствующих концептов. По мере отдаления от ядра, состоящего из универсальных концептов, степень модификации когнитивно-коммуникативного пространства текста, обусловленная этнокультурной и индивидуальной спецификой лингвокультурного социума, возрастает. По мере отдаления от ядерной зоны признаки и их конфигурации видоизменяются под влиянием экстралингвистических факторов определенного лингвокультурного социума (исторических, социальных, политических и т. д.). Поэтому концептуально-значимые признаки

образуют различного рода когнитивные конфигурации (структуры): фреймы, сценарии, структуры микропарадигм разноуровневых средств, лексико-семантических групп и др.

Следует принять во внимание, что «формальный уровень концептосферы представлен совокупностью как статичных (фрейм), так и динамичных (сценарий) когнитивных структур, вербализуемых различными языковыми и речевыми (текстовыми) образованиями» [11, с. 10].

Результаты и обсуждение. В ходе анализа иллюстративного материала нами выделены следующие базовые универсальные концепты: «субъект, противодействующий террористической деятельности», «предполагаемый субъект террористической деятельности», «предполагаемые действия и меры по предупреждению теракта», «предполагаемые действия заложников», «предполагаемые действия после теракта».

Этнокультурный компонент концептосферы «антитеррористические меры», относящийся к ее ближайшей периферии, представлен следующими культурно-значимыми концептуальными признаками, связанными с указанными универсальными концептами (см. табл.).

Этнокультурные компоненты концептосферы «антитеррористические меры»
Ethnocultural Components of the 'Anti-Terrorism Measures' Concept Sphere

Универсальные базовые концепты	Культурно-значимые концептуальные признаки	
	Англоязычная лингвокультура	Русскоязычная лингвокультура
Субъект, противодействующий террористической деятельности	Горизонтально интегрированное сообщество (партнерские отношения), децентрализация, приватность	Вертикально интегрированное сообщество (иерархические отношения), централизация, неприватность
Предполагаемые действия и меры по предупреждению теракта	Превентивность (на ранних этапах), сильнопревентивные жанры, handouts, leaflets	Слабопревентивные жанры, антитеррористическая памятка, пассивное ожидание
Предполагаемый субъект террористической деятельности	Высококонтретизированные индикаторы субъекта террористической деятельности (детали внешности, поведения и т. д.)	Низкоконтретизированные/неопределенные индикаторы субъекта террористической деятельности (отсутствие деталей)
Предполагаемые действия заложников	Высокая степень активности	Низкая степень активности (пассивное ожидание помощи)
Предполагаемые действия после теракта	Забота о других, спокойствие, информирование, возвращение к повседневности	—

Следует отметить, что показатель степени значимости/незначимости концептуального признака как компонента базового концепта определяется: 1) регулярностью/частотностью его вербализации в инструктирующих антитеррористических документах; 2) степенью его разработанности (конкретизации): от высокой до низкой, вплоть до лакунарности признака (нулевой признак); 3) способностью взаимодействовать с концептуальными признаками других рангов и образовывать когнитивные структуры различных конфигураций в когнитивно-коммуникативном пространстве текста.

В связи с этим можно поставить вопрос: почему одни признаки являются релевантными/значимыми для одной лингвокультуры и не являются таковыми для другой?

Рассмотрим национально-культурную специфику вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в англоязычной лингвокультуре.

В ходе анализа иллюстративного материала нами установлено, что в англоязычном антитеррористическом дискурсе наряду с другими регулярно вербализуются такие концептуальные признаки, как «*комьюнити/сообщества*» и «*превентивность*», которые характеризуются Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры»... 107
The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the "Anti-Terrorism Measures" Concept Sphere...

регулярностью и высокой частотностью их вербализации, высокой степенью разработанности и значительным потенциалом образования контактных конфигураций признаков.

Е. А. Степанова отмечает, что в период правления Б. Обамы в США произошел сдвиг от концепции внешнеполитической «глобальной войны с терроризмом» к концепции «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ) – «countering violent extremism» (CVE), которая относится к внутривнутриполитическому плану [12]. Последняя предполагает в качестве ключевой стратегии повышенное внимание к мероприятиям на местном уровне (округов, районов и т. д.) с привлечением локальных сообществ и иных структур гражданского общества. Данная стратегия «опирается на годами складывавшуюся американскую модель “Community Oriented Policing”, изначально разработанную правоохранительной системой США в качестве ответа на насилие со стороны уличных (гангстерских) банд и наркокартелей» [12, с. 26].

В Великобритании в настоящее время также становится актуальной ранее недооцененная концепция предотвращения терроризма “Prevent” как коммуникационная составляющая антитеррористических мер, согласно которой гражданские институты и СМИ должны сами регулировать свою деятельность в интересах общества [6, с. 53].

В ходе анализа аналогичных жанров русскоязычного антитеррористического дискурса нами установлено, что в них регулярно вербализуются такие концептуальные признаки, как «вертикальная интеграция», «централизация», что объясняется сложившимися в России традициями, формами и стратегиями антитеррористической коммуникации.

Сравнивая антитеррористические стратегии США и России, Е. А. Степанова приходит к выводу о том, что они «отличаются степенью (де)централизации и ролью органов местного самоуправления, муниципальной полиции и иных общественных структур. ...антитеррористическая деятельность в России организована по принципу жесткой иерархии (вертикальной интеграции и централизации) и осуществляется преимущественно усилиями государственных органов и подконтрольных ему структур» [12, с. 27–28].

С. И. Везнер, исследуя русскоязычные инструктирующие антитеррористические жанры, также отмечает, что коммуникативная цель российской антитеррористической памятки заключается в том, чтобы познакомить население с позицией государства в отношении правил поведения граждан в следующих предполагаемых ситуациях, связанных с терактом: 1) при обнаружении подозрительного предмета или лица; 2) нахождение в качестве заложника; 3) при действиях спецслужб по ликвидации террористов. Данная цель задает коммуникативный вектор модификации исходной концептуальной конфигурации – из отношения «государство – общество» в отношении «спаситель – жертва».

При такой конфигурации государство выступает в роли сильноактивного субъекта, обладающего, помимо власти, всей полнотой компетенций, связанных с действиями в условиях предполагаемого теракта, в то время как «общество» выступает в роли слабоактивного/пассивного субъекта, который не обладает в полной мере знаниями о правилах поведения в таких условиях и которому предписано лишь соблюдать разработанные государством и его структурами меры по противодействию террористическим угрозам [2, с. 28].

Таким образом, можно констатировать, что культурно-значимыми концептуальными признаками для русскоязычных антитеррористических материалов являются «вертикально интегрированное сообщество» (иерархические отношения), «централизация» (ведущая роль государственных структур), а также низкая степень проявления активности общества.

На основании изложенного, мы полагаем, что базовые когнитивные структуры, вербализуемые в англоязычном и русскоязычном антитеррористическом дискурсах, существенно отличаются с точки зрения конфигурации концептуально-значимых признаков. И, как уже было показано выше, предпосылками различных конфигураций являются культурно-исторические, политические, социальные и другие факторы.

Обратимся к примерам, иллюстрирующим изложенные нами положения, и проанализируем языковые средства вербализации наиболее значимых культурных признаков. Так, признак «горизонтально интегрированное сообщество» регулярно репрезентируется в различных жанрах инструктирующих антитеррористических документов, предназначенных для широкого распространения, например в таких, как руководство (*guide*), буклет (*leaflet*), памятка (*handout*), постер (иллюстрированная инструкция) (*poster*).

Во всех этих материалах, включая заголовки и разделы, достаточно частотно используется лексема *communit(y)ies*. Высокая степень разработанности концептуально значимого признака *community* находит свое воплощение в использовании различных синонимических контекстуальных лексем и структур: *by working closely, local and national agencies, partners, including our communities, work closely with*.

Отметим, что в коммуникативном поле «community» представлены различные аспекты взаимодействия в условиях террористической угрозы: *участник (индивидуальный и коллективный), ролевые отношения, партнерские отношения, помощь, совместная деятельность, поддержка уязвимых представителей, совместная осведомленность*.

Далее приводятся фрагменты из документов, иллюстрирующие совместную реализацию концептов «communities» и «prevention».

(1) Effective local authorities should work with their local partners to protect the public, prevent crime and promote strong, integrated communities [13] // Действующие органы местной власти должны взаимодействовать с организациями-партнерами с целью защиты населения, профилактики правонарушений и содействия развитию сплоченного, интегрированного общества (здесь и далее перевод наш – И. В., И. Л.).

(2) The one-day SPCP program engages local law enforcement and community leaders in a dialogue to identify issues and solve problems collaboratively [14] // Однодневная программа SPCP предоставляет возможность руководителям местных правоохранительных органов и общественным лидерам выявлять существующие проблемы и совместно вырабатывать способы их решения.

Ключевые средства вербализации данных концептов представлены такими лексемами, как *role, regular responsibilities, encourage, support, address, working, maintain*; глаголами: *share (the strategy with colleagues), sharing (with colleagues), concerns* и другими, с помощью которых репрезентируются субсферы: «распределение ролей», «совместная деятельность, взаимодействие членов различных сообществ», «поддержка членов сообществ».

Наблюдения показывают, что национально-культурная специфика конфигурации концептов «communities» и «prevent» в англоязычном антитеррористическом дискурсе проявляется в наличии дополнительного концептуального признака «коллективная осведомленность», средствами вербализации которого являются достаточно частотные лексемы *awareness, understanding* и другие средства зрительного восприятия и ментальной деятельности.

Обратимся к примеру:

(3) Promote awareness of the PREVENT strategy within your organisation and partners. Ensure colleagues and partners are aware of how to report any potentially relevant information or concerns. Promote an understanding amongst colleagues and partners of how to identify indicators of terrorism [15] // Рассказывайте о стратегии PREVENT в вашей организации. Убедитесь, что Ваши коллеги знают, кому и куда следует передавать любую потенциально значимую информацию или сообщать о своих опасениях. Информировуйте коллег о том, как распознать признаки терроризма.

Таким образом, можно заключить, что высокая значимость для англоязычного сообщества признака «предполагаемые действия и меры по предупреждению теракта» подтверждается его регулярной репрезентацией равноуровневыми средствами во всех упомянутых ранее документах.

Меры превентивности в англоязычном сообществе предусматривают распространение печатной продукции, относящейся к сильнопревентивным жанрам (handouts, leaflets, booklets, posters, series of Best Practices for ... (например, Safe Mail Handling), создание антитеррористических просветительских сайтов и приложений для смартфонов.

Перейдем к анализу национально-культурной специфики вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в русскоязычной лингвокультуре.

По нашим наблюдениям, национально-культурной спецификой вербализации концептосферы «антитеррористические меры» в русскоязычном антитеррористическом дискурсе является совместная вербализация концептов «*вертикальная интеграция*» и «*централизация*».

Согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ, общество делится на две категории: с одной стороны – «органы государственной власти, органы местного самоуправления или международные организации», с другой стороны – «население». Террористический акт в языковой картине мира закона по-разному воздействует на население и органы власти. Население подвергается устрашению, а органы власти подвергаются «воздействию на принятие ими решений». Это отражено в определении террористического акта: «*Террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях*» [16].

Антитеррористическая деятельность органов власти в законе трактуется как основная, а антитеррористическая деятельность физических и юридических лиц – как добавочная: «*Противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц*» [16].

Как видно из приведенной формулировки из закона, антитеррористическая деятельность физических и юридических лиц носит второстепенный характер, что на языковом уровне репрезентируется использованием союза *а также*, выражающего добавочное действие. Здесь данный союз, являясь средством совместной вербализации концептов «*вертикальная интеграция*» и «*централизация*», употребляется при присоединении однородного

члена предложения (*физических и юридических лиц*), который, являясь добавочным, отграничивается от другого или от ряда других однородных членов (*органов государственной власти и органов местного самоуправления*).

Таким образом, можно утверждать, что в русскоязычной языковой картине мира уже в самом тексте федерального закона роли субъектов, противодействующих терроризму, представлены неравномерно: в «центре» и «вверху» (поскольку принимают решение) находятся «органы власти», а «внизу» и «на периферии» – «физические и юридические лица», «население».

Если мы обратимся к антитеррористическим памяткам, то увидим, что в них воспроизводятся в основном ситуации позднего этапа совершения теракта, в которых как раз и проявляется совместная вербализация концептов «вертикальная интеграция» и «централизация». Это ситуации обнаружения подозрительного предмета (похожего на взрывное устройство), ситуация взрыва, ситуации захвата в заложники и освобождения заложников.

Показательным примером может служить текст с названием «Памятка антитеррористической безопасности». В этой памятке, адресатом которой являются пассажиры общественного транспорта, предлагается *«сообщать ... сотрудникам правоохранительных органов, служб безопасности или администрации объекта»* и *«действовать согласно рекомендациям администрации»*¹.

Рассмотрим памятки, размещенные на специальных стендах в метро г. Новосибирска. В данных документах также воспроизводятся ситуации исключительно позднего этапа совершения теракта. Эта особенность просматривается во взаимодействии заголовка и подзаголовка.

Уже сам заголовок «Антитеррористическая безопасность на воздушном и водном транспорте» создает для адресата ожидание масштабного описания. Подзаголовок же «в случае аварии в результате теракта» верифицирует созданное ожидание не как превентивные меры в ситуации теракта, а теракта как свершившегося факта. Кроме того, в основном тексте памятки дается непревентивная инструкция поведения в самолете и на водном транспорте во время теракта:

(4) *«В момент удара напрягитесь и подготовьтесь к значительной перегрузке»*².

В примере 5 наблюдается взаимодействие выделенного цветом и размером заголовка «Антитеррористическая безопасность в общественных местах»³ с выделенным цветом и взятым в рамочку высказыванием:

(5) *«При взрыве или начале стрельбы немедленно падайте на землю, лучше под прикрытие. Для большей безопасности прикройте голову руками»*.

Таким образом, из примеров видно, что безопасность людей связана с их поведением в процессе совершения теракта (при взрыве или начале стрельбы).

В памятках данной серии наблюдается вербализация конфигурации взаимодействующих концептов «вертикальная интеграция» и «централизация». Централизация вербализуется в конструкции *«Немедленно обратитесь в правоохранительные органы и или службу»*

¹ «Памятка антитеррористической безопасности» (документ размещен в маршрутных такси г. Новосибирска).

² «Антитеррористическая безопасность на воздушном и водном транспорте» (документ размещен на специальных стендах на станциях метро г. Новосибирска).

³ «Антитеррористическая безопасность в общественных местах» (документ размещен на специальных стендах на станциях метро г. Новосибирска).

безопасности». Вертикальная интеграция вербализуется в конструкции «Следуйте указаниям и четко их выполняйте».

Слабопревентивная поведенческая стратегия реализуется в отдельном разделе стенда «Алгоритм действий при теракте» с заголовками, указывающими на поздний этап теракта: «При обнаружении предмета, похожего на взрывоопасный», «Если вдруг произошел взрыв», «Если вас взяли в заложники», «Если захватили ваш самолет (автобус, трамвай, троллейбус, поезд), «При перестрелке».

В памятке «Профилактика терроризма»¹ детально расписываются правила поведения при обнаружении взрывного устройства и при захвате в заложники. Значимым является предложение, имеющее статус основного положения:

(6) *«К террористическому акту невозможно подготовиться заранее, его можно попытаться предотвратить или минимизировать его последствия. Помните: ваша цель – остаться в живых».*

В данной памятке концепт «централизация» на языковом уровне поддерживается рядом языковых средств: ограничительной частицей *только*, словом *специалистами*, аббревиациями *МВД, ФСБ, МЧС* и аттрактивным предложением *Внимание!!!* с аномальным количеством восклицательных знаков:

(7) *«Внимание!!! Обезвреживание взрывоопасного предмета на месте его обнаружения производится только специалистами МВД, ФСБ, МЧС».*

В разделе памятки «Если вы оказались в заложниках» совместная вербализация концептов «вертикальная интеграция» и «централизация» на языковом уровне контекстуально поддерживается использованием императивов:

(8) *«Помните, что спецслужбы уже предпринимают профессиональные меры для вашего освобождения, ... старайтесь не предпринимать самостоятельных попыток к освобождению. ...Во время освобождения ложитесь на пол лицом вниз, голову закройте руками и не двигайтесь».*

Такие типы текстов направлены на пояснение того, что делать людям, когда они уже оказались в заложниках или когда обнаружили взрывное устройство. Поэтому данные жанры мы относим к слабопревентивным, поскольку в них описываются необходимые действия в условиях позднего этапа или уже свершившегося теракта. Это характерно для многих проанализированных нами русскоязычных памяток.

Таким образом, можно утверждать, что национально-культурная специфика концептов и вербализация их конфигураций оказывает влияние на типологию жанров и дискурса.

Заключение. В ходе проведенного исследования нами были выявлены два вида концептуальных конфигураций: в англоязычной лингвокультуре – «community – prevent», в русскоязычной – «вертикальная интеграция – централизация». Исследование показало, что возникающие в результате совместной вербализации национально-специфичные концептуальные конфигурации обладают устойчивостью и, оказывая влияние на типологию жанров и дискурса, расширяют разнообразие жанрово-дискурсивных палитр лингвокультур, нюансируя тесную взаимосвязь мыслительных и языковых структур.

¹ «Профилактика терроризма» (документ размещен на специальных стендах на станциях метро г. Новосибирска).
112 Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры»...
The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the "Anti-Terrorism Measures" Concept Sphere...

Под контактной конфигурацией в контексте наших размышлений понимается взаимодействие концептуальных признаков на основе избирательности, имеющей этнокультурную природу. На наш взгляд, этнокультурная природа современного антитеррористического дискурса обусловлена, с одной стороны, господствующими идеологическими концепциями, с другой – концептуальным наследием, ранее сложившимся в аналогичной ситуации в социуме.

В англоязычной лингвокультуре преобладают тексты, в которых воспроизводятся ситуации, в основном связанные с предотвращением теракта. Это руководства, буклеты и памятки, социально локализованные и одновременно адресованные широкому слою общества. Данный тип текстов материала исследования мы относим к сильнопревентивным жанрам антитеррористического дискурса.

В русскоязычной лингвокультуре в настоящее время к такому типу дискурса, на наш взгляд, относятся высказывания, адресованные отдельным слоям общества: тексты просветительских лекций для школьников и студентов, сценарии фильмов для молодежи, религиозных общин и пр. В материал данного исследования вошли антитеррористические тексты, размещенные в общественных местах г. Новосибирска. Содержание изученных памятков позволяет отнести их к слабопревентивным жанрам антитеррористического дискурса.

Отметим, что в ходе проведенного исследования была подтверждена продуктивность использования таких методов, как информационно-смысловой анализ текста, когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы, жанрово-дискурсивный анализ и сопоставительный анализ, которые позволяют не только выявлять лингвокультурные сущности, но и объяснять их дискурсивные особенности.

На наш взгляд, углубленное изучение национально-культурной специфики вербализации концептов позволит внести вклад в теорию трансвербализации [3], что в свою очередь будет способствовать повышению качества деятельности переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мехонина Е. Н. О понятии коммуникативно-речевой категории и методике ее описания // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 8 апр. 2013 г. / ПГНИУ. Пермь, 2013. С. 231–237.

2. Везнер С. И. Антитеррористический дискурс: специфика воспроизведения концептуального отношения «государство – общество» (на примере речевого жанра «антитеррористическая памятка») // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология): сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 28–29 нояб. 2022 г. / ПГУ. Пенза, 2022. С. 26–29.

3. Везнер И. А. Трансвербализация инокультурных профессиональных концептосфер: методологический аспект // Образование в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза 26–27 нояб. 2017 г. / ПГТУ. Пенза, 2017. С. 27–32.

4. Долгий В. И. Антитеррористический дискурс: обусловленность характером общества // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 6 (21). С. 196–203.

5. Кафтан В. В. Теоретические основания конструирования и репрезентации антитеррористического дискурса в современных социально-политических практиках // Политическая наука. 2018. № 4. С. 107–123. DOI: 10.31249/poln/2018.04.06.

6. Базаркина Д. Ю. Борьба с терроризмом в Великобритании (коммуникационный аспект) // Современная Европа. 2015. № 1 (61). С. 45–55. DOI: 10.15211/soveurope120154555.

7. Beyer C., Bauer M. Effectively countering terrorism: the challenges of prevention, preparedness and response. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2009. DOI: <https://doi.org/10.2307/jj.18654763>.

Национально-культурная специфика вербализации концептосферы «антитеррористические меры»... 113
The National and Cultural Specifics of the Verbalization of the “Anti-Terrorism Measures” Concept Sphere...

8. Skoczylis J. J. The local prevention of terrorism in strategy and practice. Strategy and practice in the fight against terrorism. NY: Palgrave Macmillan, 2015.

9. Melhuish F., Heath-Kelly Ch. Fighting terrorism at the local level: the European Union, radicalisation prevention and the negotiation of subsidiarity // European Security. 2022. Vol. 31, iss. 2. P. 313–333. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2021.2009458>.

10. Пашутина Т. А. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / БелГУ. Белгород, 2009.

11. Семенова Н. В. Когнитивный аспект представления подтекстовой информации в переводе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / БашГУ. Уфа, 2000.

12. Степанова Е. А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. 2017. № 1 (52). С. 13–54. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-13-54.

13. Prevent Duty Guidance: for England and Wales // Gov.uk, 2015. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/prevent-duty-guidance/revised-prevent-duty-guidance-for-england-and-wales> (дата обращения: 02.02.2024).

14. Building Trust. Through Police and Community Partnerships // U.S. Department of Justice Community Relations Service. URL: <https://www.justice.gov/file/1129646-0/dl?inline> (дата обращения: 02.02.2024).

15. Working in partnership under one strategy // Hastings Online. URL: https://www.hastings.gov.uk/content/my_community/safer_hastings/pdfs/preventbooklet (дата обращения: 02.02.2024).

16. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 N 35-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 02.02.2024).

Информация об авторах.

Везнер Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук (2004), доцент (2011), доцент кафедры лингвистики и теории перевода Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Автор более 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория трансвербализации, прототипическое моделирование жанра и дискурс-анализ, переводческая лингводидактика.

Лисица Инна Валерьевна – кандидат филологических наук (2009), доцент (2023), заведующий кафедрой лингвистики и теории перевода Новосибирского государственного педагогического университета, ул. Вилюйская, д. 28, Новосибирск, 630126, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, дискурсивный анализ, теория перевода, дидактика перевода.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.08.2024; принята после рецензирования 19.09.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Mekhonina, E.N. (2013), "The structure of the communicative speech category", *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the XX century: methods, problems, ideas], Perm, RUS, 8 April 2013, pp. 231–237.

2. Vezner, S.I. (2022), "Anti-terrorist discourse: the specifics of reproducing the conceptual relationship "state - society" (based on the speech genre "anti-terrorist manual")", *State, Law, Society: Problems of Interaction (Political Science, Legal Sciences, History, Religious Studies, Sociology)*, Penza, RUS, 28–29 Nov. 2022, pp. 26–29.

3. Vezner, I.A. (2017), "Transverbalization of branch law related concepts: methodological aspects", *Образование в XXI веке: проблемы и перспективы* [Education in the XXI century: problems and prospects], Penza, RUS, pp. 27–32.

4. Dolgiy, V.I. (2011), "Antiterrorist Discourse as a Function of the Character of Society", *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (21), pp. 196–203.

5. Kaftan, V.V. (2018), "Theoretical foundations of creation and representation of counterterrorism discourse in modern social and political practice", *Political Science (RU)*, no. 4, pp. 107–123. DOI: 10.31249/poln/2018.04.06.

6. Bazarkina, D.Yu. (2015), "Counter-terrorist struggle in Great Britain (Main tendencies and the communication aspect)", *Contemporary Europe*, no. 1 (61), pp. 45–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120154555>.

7. Beyer, C. and Bauer, M. (2009), *Effectively countering terrorism: the challenges of prevention, preparedness and response*, Liverpool Univ. Press, Liverpool, UK.

8. Skoczylis, J.J. (2015), *The local prevention of terrorism in strategy and practice. Strategy and practice in the fight against terrorism*, Palgrave Macmillan, NY, USA.

9. Melhuish, F. and Heath-Kelly, Ch. (2022), "Fighting terrorism at the local level: the European Union, radicalisation prevention and the negotiation of subsidiarity", *European Security*, vol. 31, iss. 2, pp. 313–333. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2021.2009458>.

10. Pashutina, T.A. (2009), "The key concepts of American culture "PRIVACY" and "PATRIOTISM" and the peculiarities of their linguistic representation in various types of discourse", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Belgorod State Univ., Belgorod, RUS.

11. Semenova, N.V. (2000), "The cognitive aspect of the presentation of subtext information in translation", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Bashkir State Univ., Ufa, RUS.

12. Stepanova, E.A. (2017), "Russia and the United States in the fight against terrorism (comparative threats and approaches, Syria, Afghanistan, countering violent extremism)", *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (52), pp. 13–54. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-13-54.

13. "Prevent Duty Guidance: for England and Wales", *Gov.uk*, 2015, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/prevent-duty-guidance/revised-prevent-duty-guidance-for-england-and-wales> (accessed 02.02.2024).

14. "Building Trust. Through Police and Community Partnerships", *U.S. Department of Justice Community Relations Service*, available at: <https://www.justice.gov/file/1129646-0/dl?inline> (accessed 02.02.2024).

15. "Working in partnership under one strategy", *Hastings Online*, available at: https://www.hastings.gov.uk/content/my_community/safer_hastings/pdfs/preventbooklet (accessed 02.02.2024).

16. "Federal Law "On Counteracting Terrorism" dated 06.03.2006 N 35-FZ (latest revision)", *ConsultantPlus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (accessed 02.02.2024).

Information about the authors.

Irina A. Vezner – Can. Sci. (Philology, 2004), Docent (2011), Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation Theory, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of over 60 scientific publications. Area of expertise: theory of transverbalization, prototypical modeling of genre and discourse analysis, translation linguistics.

Inna V. Lisitsa – Can. Sci. (Philology, 2009), Docent (2023), Head of the Department of Linguistics and Translation Theory, Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuiskaya str., Novosibirsk 630126, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, discourse analysis, translation theory, translation didactics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 12.08.2024; adopted after review 19.09.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'42:821

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-116-126>

Жанровая гибридизация как авторская стратегия в романе М. Пессл “Night film”

Екатерина Борисовна Коломейцева

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
tillyriddle@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>*

Введение. Современная литература строится по принципам игры, смешения высокого и низкого и также смешения жанров, поэтому она требует исследовательского внимания. Новая метамодернистская парадигма делает возможным объединение в себе тенденций модерна и постмодерна, изменение жанровых стратегий авторов. Исследования современных произведений позволяют дополнить данные стилистики и жанрологии, поскольку именно в них наблюдаются гибриды жанров, так называемые «зоны жанровой неопределенности».

Методология и источники. В статье в качестве примера «жанроида» – произведения на стыке жанров – рассматривается роман М. Пессл “Night Film”, представляющий образец новейшей интеллектуальной прозы. Целью статьи было выявление авторской стратегии гибридизации жанров и средств реализации, задач этой стратегии, для чего использовался метод лингвистического анализа, сопоставительный метод. Источниками научных данных послужили статьи из научных журналов, монографии и диссертации российских и зарубежных ученых-лингвистов и литературоведов.

Результаты и обсуждение. Автор романа с помощью стратегии смешения жанров добивается эффекта глубины и кинематографичности повествования, вовлекает читателя в интерактивное взаимодействие с текстом и включает текст в метамодернистскую концепцию «новой искренности». Жанровая стратегия М. Пессл включает в себя использование жанровых клише триллера, детектива и романа ужасов (при этом срывает эффект обманутого ожидания). Иронический модус повествования, смена повествовательной перспективы, использование различных стилистических средств и визуальное выдвигание помогают создавать когнитивную эмпатию читателя.

Заключение. В тексте наблюдается стратегия жанровой гибридизации, множественная перспектива повествования с приемом «текст в тексте», эффект ненадежного повествователя, поликодовые текстовые фрагменты, что и создает новую метамодернистскую литературу с ее усложненной структурой и текстовой кинематографичностью. Таким образом, смешивая в себе черты постмодернистской и модернистской литературы, метамодернистский жанроид становится совершенно новым явлением, требующим дальнейшего изучения.

Ключевые слова: жанровая гибридизация, триллер, ужасы, жанроид

Для цитирования: Коломейцева Е. Б. Жанровая гибридизация как авторская стратегия в романе М. Пессл “Night film” // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 116–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-116-126.

© Коломейцева Е. Б., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Genres Hybridisation as an Author's Strategy in "Night Film" Novel by M. Pessl

Ekaterina B. Kolomeytseva

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
tillyriddle@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0224-2965>*

Introduction. Contemporary literature is built on the principles of playing, mixing high and low, and also mixing genres, therefore it requires research attention. The new meta-modernist paradigm makes it possible to combine the tendencies of modernism and postmodernism, change genre strategies of authors. Studies of contemporary fiction allow supplementing the data of stylistics and genrology, since hybrids of genres, the so-called "zones of genre uncertainty", are observed mostly there.

Methodology and sources. In the article, as an example of a "genroid" – a work at the junction of genres – is considered a novel by M. Pessl "Night Film", which is an example of the latest intellectual prose. The purpose of the article was to identify the author's strategy of hybridization of genres and means of implementation, the goals of this strategy, for which the method of linguistic analysis and comparative method were used. The sources of scientific data were articles from scientific journals, monographs and dissertations of Russian and foreign linguists and literary scholars.

Results and discussion. The author of the novel achieves an effect of depth and cinematography of narration with the help of genre mixing strategy. It involves reader in interaction connection with the text and includes the text in a metamodernist concept of "new sincerity". M. Pessl's genre strategy includes the use of genre clichés of thriller, detective and horror novel (the effect of deceived expectations is triggered). The ironic mode of narration, change of narrative perspective, use of various stylistic means and visual prominence help to create cognitive empathy of the reader.

Conclusion. The text exhibits the strategy of genre hybridization, multiple perspective of narration with the "text within the text" technique, the effect of an unreliable narrator, polycode text fragments, which creates a new metamodernist literature with its complex structure and textual cinematography. Thus, by mixing features of postmodernist and modernist literature, the metamodernist genre becomes a completely new phenomenon that requires further study.

Keywords: genre hybridization, thriller, horror, genreoid

For citation: Kolomeytseva, E.B. (2025), "Genres Hybridisation as an Author's Strategy in "Night Film" Novel by M. Pessl", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 116–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-116-126 (Russia).

Введение. Проблема определения жанров в современной литературе ставится более остро, чем раньше. Новая культурная и литературная парадигма, пришедшая на смену постмодерну и постмодернизму в литературе, потребовала смены жанровых и нарративных стратегий. Исследователи примерно определяют данную парадигму как метамодернистскую, объединяющую в себе тенденции частично модерна и частично постмодерна [1]. В рамках этой новой парадигмы формульная жанровая литература усложняется и уже становится неотличима от литературы элитарной. В связи с этим М. А. Черняк пишет: «...Становится очевидной необходимость взгляда на новейшую литературу как на своего

рода мультилитературу, т. е. как на сумму равноправных, хотя и разноориентированных по своему характеру, а также разнокачественных по уровню исполнения литератур» [2, с. 4]. Это говорит о том, что литература усложняется в исполнении, использует более богатую палитру стилистических средств и часто задействует более чем один жанр. Таким образом, актуальной задачей современного исследователя-лингвиста и филолога становится определение и описание мультижанровых стратегий новейшей литературы. Образцом такой литературы является роман М. Pessl “Night Film” [3], который критики определяют как триллер, однако далее будет рассмотрено, что автор использует некоторые стратегии выдвигания (термин И. В. Арнольд) для создания мультижанровой структуры романа. Новизна исследования заключается как в использованном новейшем литературном материале для анализа, так и в том, что до настоящего времени не проводилось описания стратегий жанровой гибридизации авторов новейшей метамодернистской литературы.

Жанр триллера был исследован в работах таких русских и зарубежных ученых, как Т. В. Дьякова, И. Г. Жогова, Е. В. Кузина, Т. А. Шошина, Н. А. Белялова, М. В. Норец, М. Rubin, J. Patterson и др. Несмотря на наличие некоторого числа исследований по теме даже сами ученые признают трудности с определением предмета исследования в литературе или кино. Так, М. Rubin пишет, что «ярлык “триллер” встречается широко, но это именование весьма проблематично» (перевод автора статьи), а далее приходит к выводу, что триллер – это метажанр [4, р. 18–20]. Т. В. Дьякова называет триллер произведением, которое провоцирует внезапный прилив эмоций, возбуждение и тревогу [5, с. 32]. И. Г. Жогова и Е. В. Кузина считают триллер поджанром детектива [6, с. 361], а Мартин Рубин частично смешивает жанры хоррора и триллера [4, р. 4–5]. Как нам кажется, такой разброс определений также связан с жанровой гибридизацией в современной художественной литературе, которая проявляет себя наиболее ярко в триллерах и романах ужасов.

О гибридизации как художественном приеме в речи персонажей писал М. М. Бахтин в работе «Слово в романе» [7], а вслед за ним В. Д. Зиневич ставил гибридизацию жанров в ряд стилистических приемов автора [8, с. 835]. К. Ф. Седов, писавший о данном явлении, определяет произведение, стоящее на стыке нескольких жанров, как «жанроид» [9, с. 19]. Эта точка зрения подтверждается несколько в другом аспекте и В. А. Андреевой, которая указывает на наличие «зон жанровой неопределенности», ссылаясь на параметры фактуальности и фикциональности [10, с. 69]. Представляется верным, что современная художественная литература дает богатый жанроидами материал для исследования. Цель статьи – рассмотреть авторскую стратегию по гибридизации жанров в романе “Night Film” и средства ее реализации. Задачами статьи являются: а) предварительное выделение ключевых жанровых клише в романе; б) описание стилистических средств данных жанров; в) описание авторских стратегий использования арсенала жанровых средств; г) анализ функционального потенциала жанроида.

Исследования метамодернизма в литературе предпринимались в основном в русле литературоведения, можно сослаться на работы J. T. Nealon, M. K. Holland, I. Hassan, M. A. Черняк, А. В. Жучковой и др. Более редки лингвистические исследования на подобную тему, это, например, статьи З. М. Чемодуровой, П. Е. Спиваковского. В связи с этим можно сказать, что тема лингвистического анализа новейшей литературы достаточно актуальна.

Методология и источники. При подготовке статьи был использован метод анализа литературы по теме, при анализе произведения – индуктивный метод. Для выявления авторских стратегий построения данного художественного текста был применен метод лингвистического анализа языковых средств, использованных в тексте, сопоставительный метод (сопоставление жанровых структур триллера, детектива и хоррора). Источниками научных данных послужили статьи из научных журналов, монографии и диссертации российских и зарубежных ученых-лингвистов и литературоведов. Понятие «жанроида», используемое в работе как концепт, взято вслед за К. Ф. Седовым, а основные стилистические средства в романах постмодернизма были описаны в работах З. М. Чемодуровой. В качестве материала исследования выбран роман М. Pessl “Night Film” [3], поскольку он достаточно репрезентативен в качестве образца новейшей англоязычной интеллектуальной прозы.

Результаты и обсуждение. Перед тем как приступить к анализу, определим примерно те жанры, к которым по первому впечатлению можно отнести роман. Сюжет посвящен журналистскому расследованию деятельности известного режиссера фильмов ужасов и гибели его дочери при неясных обстоятельствах. Интрига отсылает одновременно к детективу, триллеру и роману ужасов. Следовательно, чтобы приступить к выделению признаков данных жанров в произведении, остановимся более подробно на их характерных стилистических приемах. Как указывают специалисты, для триллера характерны следующие приемы: семантические повторы с семантикой смерти, опасности и страха; широкое применение тропеических средств (например, анималистических образов); использование деталей, создающих атмосферу саспенса (особого тревожного напряжения) [11, с. 54], а также синтаксическая компрессия и избыточность, использование кинематических речений и соматизмов [6, с. 363]. Заметим, что арсенал стилистических средств хоррор-литературы во многом совпадает с арсеналом триллеров: это и соматизмы, и кинематические речения, и тропы, среди которых особо можно выделить метафоры и олицетворения, и особый синтаксис с повторами и компрессией, а также использование эмотивов [12, с. 44]. Отличия хоррора и триллера видятся в основном в принципах развертывания сюжета и в доминирующей эмоции. Для триллера, по мнению Т. В. Дьяковой, характерно перемещение действия между настоящим и будущим и наличие неожиданной концовки, переворачивающей сюжет [5, с. 33–34]. В хорроре доминирует атмосфера ужаса, страха, действие развивается более стремительно, тогда как в триллере присутствует медленное развертывание сюжета и доминирует атмосфера тревоги, напряжения. Можно сказать, что для триллера саспенс является главенствующим приемом, а хоррор использует его как промежуточный прием, ведя читателя к большему накалу эмоций. В этом смысле в жанре детектива также есть некоторые из перечисленных стилистических средств (например, саспенс в некоторых сценах), но цель автора по воздействию на читателя отличается. Обязательна интеллектуальная загадка, по мнению Е. А. Варлаковой [13, с. 3]. В детективе также широко используются тропеические средства, кинематические речения, терминологическая лексика (в частности, юридическая терминология).

Уже на этапе рассмотрения стилистических языковых особенностей реализации жанровых канонов трех выделенных жанров мы видим некоторую их схожесть, на которой удалось сыграть автору романа “Night Film”. Практически детективный сюжет расследования прерывается микротемами – описаниями трудных ситуаций, в которые попадают

герои, либо ситуациями, типичными для романов ужаса, а также частыми псевдодокументальными вставками: копиями газетных статей по темам романа, скрин-копиями веб-страниц, якобы настоящих. Усложнение структуры происходит также за счет паратекстовых и интертекстовых вставок. Это медиаматериалы к роману: буктрейлер, интервью с профессором Бекманом о творчестве Кордовы, синопсис курса о фильмах Кордовы. Интертекст представлен отрывком из стихотворения Т. С. Элиота «Любовная песнь Альфреда Б. Пруфрока», который в ткани повествования занимает значительную роль, открывая поведенческие мотивы героев: Эшли Кордовы, ее отца и Хоппера.

Рассмотрим, как в рамках некоторых сложных синтаксических отрезков, которые мы вслед за М. Я. Дымарским назовем сложным синтаксическим целым [14, с. 137–138], реализуется эффект обманутого ожидания, когда читатель настраивается на определенное восприятие сложного синтаксического целого (далее ССЦ) по канонам жанра, но сюжет развивается по-другому. И. В. Арнольд и Т. И. Леонтьева рассматривают обманутое ожидание как эффект нарушения стилистического контекста и создания непредсказуемости при установке на читательское восприятие [15, с. 61; 16, с. 91]. Данный эффект может встречаться на любом языковом и текстовом уровне: от фонетического до уровня ССЦ и целого текста, он не является тропом, но строится с их помощью. С. Б. Донгак указывает, что обманутое ожидание связано с нарушением стереотипов как социальных, так и мыслительных, поведенческих и языковых [17, с. 112]. В случае с романом М. Pessl читательские ожидания основаны на жанровых клише, своеобразном жанровом опыте чтения, а эффект обманутого ожидания возникает на уровнях ССЦ и всего текста. Рассмотрим подробнее отрывки из романа “Night Film”, где возникает такой эффект. Первая сцена романа уже настраивает на восприятие происходящего в ключе романа ужасов. В три часа ночи в парке герой видит одинокую девушку:

«A woman was standing in front of a lamppost, her face in shadow, her red coat catching the light behind her, making a vivid red slice in the night.

A young woman out here alone? Was she crazy?

I turned back, faintly irritated by the girl’s naivety – or recklessness, whatever it was that brought her out here. Women of Manhattan, magnificent as they were, they forgot sometimes they weren’t immortal. They could throw themselves like confetti into a fun-filled Friday night, with no thought as to what crack they fell into by Saturday.

The track straightened north, rain needling my face, the branches hanging low, forming a crude tunnel overhead. I veered past rows of benches and the curved bridge, mud splattering my shins.

The woman – whoever she was – appeared to have disappeared» [3, p. 4].

Девушка то появляется, то исчезает на пути героя, а сравнения и лексика отрывка отсылают к готическим романам или романам ужасов: like a mysterious guest, looming unseen in the corners of the dark, a faceless form cut out of the dark. Девушку характеризуют глаголы flicker, disappear, vanish. Герой напуган: «I suddenly had the feeling that as I passed she’d turn and I’d see her face was not young as I’d assumed. The ravaged face of an old woman would stare back at me with hollowed eyes, a mouth like an ax gash in a tree»; «She was going to reach out, seize my arm, and her grip would be strong as a man’s, ice cold» [3, p. 5]. Скрупулезное

перечисление действий журналиста, сравнения *ice-cold*, лексические единицы *dark, darkness*, глаголы с семантикой исчезновения и навязчивого взгляда (*she was glancing, staring, looking*) создают ощущение саспенса и ожидания страшной развязки, которая не происходит. Герой благополучно минует странную женщину и садится в поезд метро.

В тексте романа несколько таких отрывков. Как пример можно привести отрывки, посвященные «*killing curse*» – смертельному проклятию Эшли, когда герои считают, что погибшая девушка воспользовалась черной магией, для того чтобы им навредить: странными оккультными статуэтками, кругами из золы и т. п. Рассказ о связи Кордовы-старшего с группой сатанистов в его поместье и подтверждение рассказа героиней Марлоу Хьюз создает необходимое напряжение. По этой причине приезд журналиста в поместье Кордовы уже сопровождается своеобразным восприятием происходящего и усугубляется по мере продвижения вглубь поместья, встречи с таинственными людьми в черных капюшонах и намеками на маньяков. Герой искренне уверен в реальности преступлений, которые происходят на съемках фильмов ужасов Кордовы:

«I lifted the lid. It was piled with papers. I went through them, pulling out an issue of *Time* dated July 31, 1978, “The Test-Tube Baby” on the cover. Under that was a stack of student term papers, graded with handwritten comments. Marcie, you make a very nice argument that the Dark Ages were a natural rotation of history, but you need to go deeper. When I saw what was underneath that, I froze. Neatly folded in the corner was a boy’s plaid button-down shirt. I picked it up, feeling a wave of revulsion as the shriveled rigid sleeves unfolded in front of me, as if they had a fragile will of their own.

The front of the shirt was stiff, covered in deep brown stains. It looked harrowingly real, a real souvenir from a real murder. The fabric itself seemed beaten, as if residue of unimaginable violence had soaked and dried into the fabric» [3, p. 504].

Тем не менее автор опять не подтверждает впечатления: пятна на ткани оказываются газировкой, а таинственные сатанисты в капюшонах – группой фанатов фильма. То же происходит еще в нескольких сценах книги. Такая авторская стратегия мотивирует читателя на самостоятельный поиск ответа на вопросы и выбор точки зрения на происходящее, подразумевающий ответы: а) в фантастическом; б) в реальном ключе, что соответствует концепции Ц. Тодорова. Последний выделял четыре категории близкого по жанру нарратива: необычное (реальное объяснение происходящего), фантастически-необычное (возможны как реальное, так и сверхъестественное объяснение), необычное (чудо воспринимается героями как данность), а также фантастически-необычное (смешение двух категорий, где важен элемент сомнения в чудесном) [18, с. 15–30]. Дезориентация читателя создает ощущение нереальности и смены перспективы, а также удачно показывает события глазами героя.

Еще одним приемом автора становится описание от лица ненадежного рассказчика. Герой по имени Хоппер все время говорит неправду, поэтому узнать точнее о его связи с погибшей трудно, а сцены в особняке Кордовы описаны так, как будто они происходят во сне, что может объясняться сильным отравлением героя галлюциногенами. Таким образом, постоянная эскалация эмоционального состояния читателя достигается различными тропическими средствами, смысловыми повторами и эффектами ненадежного рассказчика и обманутого ожидания, когда жанровые клише ужасов не находят логичного завершения и могут объяс-

няться бытовыми причинами. Присутствует и саспенс, характерный для психологического триллера: неуловимость режиссера Кордовы становится для героя навязчивой идеей, разрушающей его отношения с окружающими и ставящей под угрозу его репутацию и жизнь. Расследование превращается в детектив с погоней и поиском улик, так что повествование переходит частично в жанр детектива, что подтверждается лексикой: *private investigation, tapescript of a telephone call, to dig illegally for information, trespass laws, police report* и др. Сравнение Макгретта и Норы с детективами Берншейном и Вудвортом из романа «Вся королевская рать» также создает атмосферу детектива, однако герои не находят никаких подтверждающих преступление улики. Здесь снова срабатывает эффект обманутого ожидания.

Жанровая принадлежность романа триллерам также сомнительна: мы не находим ни однозначной концовки, ни финальной схватки, а атмосфера тревоги к концу исчезает, уступая место поиску, что характерно уже для приключенческого романа или «авантюрного романа испытания», как его описал в применении к греческому роману М. М. Бахтин [19]. Перед героем в конце стоит задача встретиться лицом к лицу с Кордовой и узнать правду о гибели его дочери, но вероятность встречи обусловлена умениями и умом героя. На череду испытаний, которые ему выпадут на этом пути, намекает интертекст, постоянно встречающаяся в расследовании строчка из Т. С. Эллиота «do I dare?», становящаяся семиотическим знаком: если герой вырвется из мешанских представлений, если отбросит все связи, то у него получится найти режиссера Кордову.

Проходя через череду формульных трансформаций, роман предстает то триллером, то романом ужасов, то детективом, то авантюрным романом. Автор мастерски выстраивает повествование, используя эффекты ненадежного рассказчика и обманутого ожидания. Применяется арсенал стилистических средств, характерных для триллера (саспенс, тропы-метафоры, сравнения), романа ужасов (олицетворения, сравнения, лексика с коннотациями ночи, смерти, проклятия, кинематические речения), детектива (терминологическая лексика), авантюрного романа (установка на поиск сокровища, правды, динамика сюжета).

Есть в романе и намеки на мифологические сюжеты: травля Макгретта собаками напоминает сюжет об Артемиде и Актеоне. Макгретт узнал много запретного о дочери Кордовы, за что подвергся преследованию. Сын Кордовы в результате несчастного случая остался без пальца, он же осуществляет план наблюдения и своего рода мести журналисту, что связывает его с сюжетом отмщения Ореста. Таким образом, роман вписан в традицию современного осмысления тех или иных архетипических сюжетов.

Все вышеописанные жанровые трансформации и переосмысление мифологических сюжетов можно трактовать как некий иронический модус повествования, поскольку все каноны жанров подверглись авторскому переосмыслению, что наблюдается в парадигмах пост- и метамодерна. Согласно З. М. Чемодуровой, такого рода игра с жанровыми и мифологическими структурами создает биспациальный мир и игровую модальность постмодернистского художественного текста, превращая чтение такого рода литературы в серьезную работу читателя [20, с. 71]. Тем не менее есть особенности данного текста, превращающие его в феномен метамодерна. Это: а) стратегия создания множественной повествовательной перспективы (в данном произведении не через смену нарратора, а через показ жизненных ситуаций различных героев, а также через прием “*mise en abyme*”, плюс смену

жанровых стратегий); б) стратегия множественного использования эмотивных стилистических средств (эмотивно окрашенная лексика, сравнения, гиперболы и т. п.); в) стратегия визуального выдвигания (использование автором в тексте интерактивных материалов, ссылок с сайтов и видеофрагментов). Такие средства, по мнению З. М. Чемодуровой, продуцируют когнитивную эмпатию читателя и создают характерную для метамодернистского дискурса «новую искренность» [21, с. 84].

Заключение. Применяя метод лингвистического анализа текста романа “Night Film” М. Pessl, мы приходим к выводу, что автор пользуется эффектом обманутого ожидания и эффектом ненадежности рассказчика как средствами создания выразительности и динамики в произведении. Функционально данный эффект выдвигания становится стилистическим приемом, позволяющим манипулировать читательским вниманием. Исходя из этого, усложняется структура романа. Таким образом, его можно однозначно отнести к жанроидам. Стратегия автора по жанровой гибридизации включает в себя полуиронический модус повествования за счет намеренной игры с формульными клише жанров, эффект обманутого ожидания читателя (когда не сбавываются ожидания от жанровой формулы), создание множественной перспективы повествования за счет приема *mise en abyme*, эффект ненадежности повествователя и др. Кроме того, автор пользуется псевдодокументальными вставками, усложняя структуру романа (газетные статьи, веб-сайты, медиаматериалы к книге). Описанные приемы построения повествования создают литературную кинематографичность (термин, используемый И. А. Мартыановой и О. А. Асеевой [22, с. 137; 23, с. 8]), вписывают роман в парадигму метамодернистских произведений, которые характеризуются возрождением интереса к мифу, психологическим переживаниям героев, характеризуемыми как «новая искренность», и полижанровой усложненной, иногда эргодической, структурой произведения [24]. Таким образом, намеренная авторская жанровая гибридизация, наряду с другими особенностями, может служить еще одной отличительной чертой метамодернистской литературы, в которой синергетически взаимодействуют модернистские свойства (ненадежный повествователь, депрессивные настроения героя и др.) и постмодернистская ирония, смена повествователя, усложненная структура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Timmer N. Do you feel it too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millenium. Amsterdam; NY: Rodopi, 2010.
2. Черняк М. А. Массовая литература конца XX – начала XIX века: технология или поэтика? // Филологический класс. 2008. № 20. С. 4–11.
3. Pessl M. Night Film. NY: Random House, 2013.
4. Rubin M. Thrillers. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999.
5. Дьякова Т. В. Характеристика жанра «триллер» и его поджанры // Lingua Mobilis. 2013. № 5 (44). С. 32–36.
6. Жогова И. Г., Кузина Е. В. Языковые средства создания атмосферы напряжения в произведениях жанра триллер (на примере романов Дж. Гришема и М. Стюарт) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 361–363.
7. Бахтин М. М. Слово в романе. 2020. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bahtin/slov_rom.php (дата обращения: 21.06.2024).

8. Зиневич В. Д. Гибридизация жанров в терминологической системе М. М. Бахтина // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 марта 2021 г. // БГУ. Минск, 2021. С. 833–837.
9. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров. Повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
10. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. Т. 9, № 46. С. 61–71.
11. Языковые средства создания саспенса в произведениях жанра «триллер» и способы их актуализации (на материале романов англоязычных авторов) / И. Г. Жогова, Е. В. Кузина, Л. Г. Медведева, Е. Ю. Надеждина // Язык и культура. 2018. № 43. С. 46–57. DOI: 10.17223/19996195/43/3.
12. Пашков С. М. Языковое моделирование эмоциональной доминанты страха в неоготическом романе: дис. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2017.
13. Варлакова Е. А. Текстотипологические характеристики англоязычного детектива XX века: дис. ... канд. филол. наук / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2012.
14. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд, испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
15. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: учеб. пособие. Л.: Просвещение, 1981.
16. Леонтьева Т. И. Способы создания эффекта обманутого ожидания в литературном произведении // Труды ДВГТУ. 2007. № 146. С. 91–94.
17. Донгак С. Б. Обманутое ожидание как стилистическая проблема (к постановке вопроса) // Речевое общение. 2000. Вып. 3 (11). С. 110–117.
18. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.
19. Бахтин М. М. Греческий роман // Формы времени и хронотопа в романе. URL: <https://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop1.html> (дата обращения: 22.06.2024).
20. Чемодурова З. М. Игровой потенциал концовок постмодернистских художественных текстов // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5 (47). С. 71–73. DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.169.
21. Chemourova Z. M. The Affective Turn in Metamodernist Fiction and 'New Sincerity' // Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics. 2024. Vol. 23, № 2. P. 84–97. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.7.
22. Мартыанова И. А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестн. ЧГПУ. Филологические науки. 2017. № 1. 136–141.
23. Асеева О. А. Феномен литературной кинематографичности в современном литературном процессе // Вестн. УлГТУ. Гуманитарные науки. 2010. № 3. С. 8–11.
24. Сербинская В. На пути к литературе метамодернизма // METAMODERN. 25.03.2017. URL: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (дата обращения: 16.06.2024).

Информация об авторе.

Коломейцева Екатерина Борисовна – кандидат филологических наук (2016), доцент кафедры интенсивного обучения русскому языку как иностранному института русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокреативные методы преподавания, современная английская художественная литература.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.08.2024; принята после рецензирования 19.09.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Timmer, N. (2010), *Do you feel it too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millenium*, Rodopi, Amsterdam, NY, USA.
2. Chernjak, M.A. (2008), "Mass literature in the late 20th – early 21st century: technology or poetry?", *Philological Class*, no. 20, pp. 4–11.
3. Pessl, M. (2013), *Night Film*, Random House, NY, USA.
4. Rubin, M. (1999), *Thrillers*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
5. D'yakova, T.V. (2013), "Characteristics of "Thriller" Genre and its Subgenres", *Lingua Mobilis*, no. 5 (44), pp. 32–36.
6. Zhogova, I.G. and Kuzina, Ye.V. (2014), "The linguistic means of creating suspense in a thriller novel (with regards to novels by G. Grisham and M. Stewart)", *The world of science, culture and education*, no. 6 (49), pp. 361–363.
7. Bakhtin, M.M. (2020), "Word in Novel", available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/bakhtin/slov_rom.php (accessed 21.06.2024).
8. Zinevich, V.D. (2021), "Hybridization of genres in the terminological system of M.M. Bakhtin", *Foreign Languages: Innovations, Perspectives of Research and Teaching, Proc. of the IV Int. Scientific and Practical Conf.*, Minsk, BLR, 26–27 March 2021, pp. 833–837.
9. Sedov, K.F. (2007), "Man in the Genre Space of Modern Communication", *Antologiya rechevykh zhanrov. Povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres. Everyday Communication], Labirint, Moscow, RUS, pp. 7–38.
10. Andreeva, V.A. (2007), "Literary Narrative: Text and Discourse", *Izvestia: Herzen Univ. J. of Humanities & Sciences*, vol. 9, no. 46, pp. 61–71.
11. Zhogova, I.G., Kuzina, E.V., Medvedeva, L.G. and Nadezhkina, E.Y. (2018), "Linguistic means of creating suspense in thriller novels and means of their actualization (based on the works by American and British authors)", *Language and Culture*, no. 43, pp. 46–57. DOI: 10.17223/19996195/43/3.
12. Pashkov, S.M. (2017), "Language Modeling of motional Dominant of Fear in Neo-Gothic Novel", Can. Sci. (Philology) Thesis, Herzen Univ., SPb., RUS.
13. Varlakova, E.A. (2012), "Textotypological characteristics of the English-language Detective Novel of the Twentieth Century", Can. Sci. (Philology) Thesis, Herzen Univ., SPb., RUS.
14. Dymarskii, M.Ya. (2001), *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyi tekst (na materiale russkoi prozy XIX–XX vv.)* [Problems of Text Formation and Fictional Text (based on Russian prose of the 19th–20th centuries)], 2nd ed., Editorial URSS, Moscow, RUS.
15. Arnol'd, I.V. (1981), *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka* [Stylistics of Modern English], Prosveshchenie, Leningrad, USSR.
16. Leont'eva, T.I. (2007), "Methods of Creating the Effect of Deceived Expectations in Fiction", *Trudy DVG TU* [Proceedings of DVG TU], no. 146, pp. 91–94.
17. Dongak, S.B. (2000), "Failed Expectation as a Stylistic Problem (towards the formulation of the question)", *Rechevoe obshchenie* [Speech communication], iss. 3 (11), pp. 110–117.
18. Todorov, T. (1997), *Introduction a la litterature fantastique*, Transl. by Narumov, B., Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.
19. Bakhtin, M.M. (2003), "Greek Novel", *Formy vremeni i khronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in the novel], available at: <https://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop1.html> (accessed 22.06.2024).
20. Chemodurova, Z.M. (2016), "The Ludic Potential of Endings in Postmodernist Fiction", *International Research J.*, no. 5 (47), pp. 71–73. DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.169.
21. Chemodurova, Z.M. (2024), "The Affective Turn in Metamodernist Fiction and 'New Sincerity'". *Science J. of Volgograd State Univ. Linguistics*, vol. 23, no. 2, pp. 84–97. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.7.

22. Martianova, I.A. (2017), "Cinematography of Literary Text (on the material of the contemporary Russian prose)", *Herald of CSPU*, no. 1, pp. 136–141.

23. Aseeva, O.A. (2010), "The Phenomenon of Literary Cinematography in the Contemporary Literary Process", *Bulletin of the Ulyanovsk State Technical Univ.*, no. 3, pp. 8–11.

24. Serbinskaya, V. (2017), "Towards to Metamodernism Literature", *METAMODERN*, 25.03.2017, available at: <https://metamodernizm.ru/literature-metamodernism/> (accessed 16.06.2024).

Information about the author.

Ekaterina B. Kolomeytseva – Can. Sci. (Philology, 2016), Associate Professor at the Department of Intensive Teaching of Russian as Foreign Language, Institute of Russian Language, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: linguo-creative teaching methods, modern English fiction.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.08.2024; adopted after review 19.09.2024; published online 20.02.2025.*

Оригинальная статья
УДК 811.111.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137>

Прагматика современного немецкоязычного медиадискурса

Ольга Владимировна Палехова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
palekhova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1165-9862>*

Введение. Статья посвящена комплексу проблем, связанных с манипулятивным воздействием на адресата в средствах массовой информации, где составляющая информирования всё чаще направлена на изменение общественного сознания с целью достижения информационного превосходства и, как следствие, получения политической выгоды. Научная новизна исследования заключается в изучении формирования новых фоновых знаний посредством апелляции к существующим стереотипам, влияющим на восприятие и интерпретацию фактов окружающей действительности. Актуальность этого исследования заключается в возрастающем интересе к проблемам речевого воздействия, к способам и языковым средствам реализации воздействия.

Методология и источники. Теоретико-методологическую базу составили исследования в области медиадискурса Т. Г. Добросклонской, Г. А. Копниной; в области политической лингвистики, в частности политического манипулирования и семиотики политического дискурса – Е. И. Шейгал, О. В. Мингалева, О. Л. Михалева. В качестве эмпирического материала исследования использованы политические статьи ведущих немецкоязычных журналов за 2020–2024 гг., а также статистические данные корпусов немецкого языка: DWDS и немецкого референциального корпуса DeReKo.

Результаты и обсуждение. В статье охарактеризованы основные речевые приемы и языковые средства создания и трансляции стереотипов, посредством которых в сознании массового адресата формируется картина мира и, как следствие, общественное мнение. Рассматриваются основные тактики речевого воздействия, подразумевающие эксплицитную или имплицитную оценку действительности с целью воздействия на эмоционально-оценочные установки массового адресата.

Заключение. В политических медиатекстах, в частности в немецкоязычных, активно используются тактики речевого воздействия: противопоставление, обвинение, оскорбление, угроза, демонизация, а также такие манипулятивные примы, как умолчание и/или искажение информации с целью формирования у массового адресата идеологизированных стереотипов и, как следствие, влияния на общественное сознание.

Ключевые слова: медиадискурс, речевое воздействие, стереотипы, «свой-чужой», искажение информации, массовый адресат

Для цитирования: Палехова О. В. Прагматика современного немецкоязычного медиадискурса // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137.

© Палехова О. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Pragmatics of Modern German-Language Media Discourse

Olga V. Palekhova

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
palekhova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1165-9862>*

Introduction. The article is devoted to a set of problems related to manipulative influence on the addressee in the mass media, in which the component of information is increasingly aimed at changing public consciousness in order to achieve information superiority and, as a result, to obtain political benefits. The scientific novelty of the research lies in the study of the formation of new background knowledge by appealing to existing stereotypes that affect the perception and interpretation of facts of the surrounding reality. The relevance of this study lies in the growing interest in the problems of speech influence, in the ways and linguistic means of implementing influence.

Methodology and sources. The theoretical and methodological basis of the research is formed by linguistic studies of media discourse by T.G. Dobrosklonskaya, G.A. Kopnina; studies of political linguistics, in particular political manipulation, and semiotics of political discourse by E.I. Sheigal, O.V. Mingaleva, O.L. Mikhaleva. The empirical material of the study is based on political articles of German-language journals for 2020–2024, as well as statistical data of German corpus: DWDS and the German reference corpus DeReKo.

Results and discussion. The article describes the main speech techniques and linguistic means of creating and broadcasting stereotypes, through which a picture of the world and, as a result, public opinion is formed in the minds of the mass addressee. The main tactics of speech influence are considered, implying an explicit or implicit assessment of reality in order to influence the emotional and evaluative attitudes of the mass addressee.

Conclusion. In political media texts, in particular in German-speaking ones, tactics of speech influence are actively used: opposition, accusation, offense, threat, demonization, as well as manipulative techniques such as omission and/or distortion of information in order to form ideologized stereotypes among the mass addressee and, as a result, influence public consciousness.

Keywords: media discourse, speech influence, stereotypes, “friend or foe”, distortion of information, mass addressee

For citation: Palekhova, O.V. (2025), “Pragmatics of Modern German-Language Media Discourse”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 127–137. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-127-137 (Russia).

Введение. В фокусе внимания многих современных исследований находится комплекс проблем, связанный с манипулятивным воздействием средств массовой информации на адресата [1–3], что обусловлено возрастающей ролью медиадискурса как важного инструмента политического информирования в разворачивающейся войне значений и смыслов [4]. В процессе освещения значимых мировых событий массмедиа интерпретируют их, имплицитно свою оценку посредством разнообразных языковых средств и речевых приемов, отсылая к уже существующим стереотипам. При этом в опоре на широко известные прецедентные феномены, трактуемые как эталоны национальной культуры [5, с. 148], массмедиа вносят в освещаемые события новые смыслы, формируя тем самым новые представления и создавая нередко новые стереотипы. Как следствие, адресат косвенно подводится к нужным адресанту выводам, т. е. подвергается манипулятивному воздействию. Именно иллюзия ад-

ресата о способности самостоятельно сформировать отношение к транслируемым в СМИ фактам действительности дефинируется как признак манипуляции, т. е. скрытого воздействия «на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [2; 6].

Методология и источники. Выбор в качестве материала политических статей обусловлен, во-первых, тесной взаимосвязью медиадискурса с политическим дискурсом, во-вторых, именно в политическом медиадискурсе сейчас особо остро разворачивается война значений и смыслов. Корпус примеров составили 28 политических статей ведущих немецкоязычных журналов «Spiegel», «Stern», «Cicero», «Tageschau.de», «Der Tagesspiegel», «Zeit», «Die Wiener Zeitung», «KronenZeitung» и «NZZ – Neue Züricher Zeitung», а также австрийский редакционный научно-политический блог «trk.at» за 2022–2024 гг. методом сплошной выборки. Для анализа собранного материала в совокупности лингвистического и прагматического аспектов использовались коммуникативно-прагматический и дискурс-анализ. Методологию исследования также составил контекстуально-интерпретационный метод с привлечением корпусного анализа отдельных эмоционально окрашенных лексических единиц.

Результаты и обсуждение. В результате анализа удалось выявить основные тактики речевого воздействия на массового адресата в немецкоязычных медиатекстах, заключающиеся в противопоставлении «чужих» «своим» посредством сгущения негативных смыслов и демонизации оппонента, а также активно используемые манипулятивные приемы искажения информации. Эти тактики подразумевают эксплицитную или имплицитную оценку, побуждающие адресата к эмоционально-оценочной реакции и, как следствие, выступающие универсальным способом воздействия.

Рассмотрим выявленные тактики речевого воздействия более подробно.

1. Тактика противопоставления. Тактика противопоставления предполагает подчеркивание мелиоративных оценок «мы-группы» и пейоративных оценок противопоставляемой «они-группы». В качестве наиболее успешной стратегии для реализации семантической оппозиции «мы–они» выступает коммуникативная стратегия «свой–чужой», в основе которой лежат многократное воспроизводимые «идеологизированные коннотации значений слов» [3, с. 70], закрепляемые в оценочные импликации «свой» → «хороший», «чужой» → «плохой» [4, с. 36]¹. Как подтверждают многочисленные статьи, последние несколько лет в немецкоязычных массмедиа «своим» (Германии, США, Евросоюзу, странам-членам НАТО, Израилю и Украине) на международном уровне противопоставляются «чужие»: Россия, Китай, Республика Беларусь, Северная Корея, Иран, Сирия. В качестве региональных «чужаков» выступают как европейские политики (Виктор Орбан, Александр Вучич, Роберт Фицо), так и немецкие политики (Сара Вагенкнехт, Алис Вайдель и др.) и политические партии (АдГ и ССВ – Союз Сары Вагенкнехт).

В приведенном далее примере немецкие массмедиа, освещая атаку дронов на американскую базу в Сирии, противопоставляют американцев и их локальных партнеров правительству Асада, обозначая его как «Asad-Regime» («режим Асада»). Семантическая оппозиция «свой–чужой» имплицитруется словом с отрицательной семантикой «режим» для обозначения политического оппонента. Согласно скетчевой выдаче корпуса DWDS лексема

¹ В социологии в рамках теории межгрупповых отношений наряду с семантической оппозицией «свой» – «чужой» используются также термины «ингруппа» («мы») и «аутгруппа» («не мы», «другие»).

«режим» чаще всего употребляется в немецких медиатекстах с прилагательными «авторитарный» (autoritär), «тоталитарный» (totalitär), «сирийский» (syrisch), «национал-социалистический» (nationalsozialistisch), «иранский» (iranisch), «репрессивный» (repressiv) и т. п. Для создания положительной оценки «своих» используются слова с положительной семантикой «партнер», «сотрудничают»:

(1) «... *Der Rest befindet sich weiter südlich in al-Tanf, wo die Amerikaner mit einem anderen lokalen Partner zusammenarbeiten, der Syrischen Freien Armee, einer in Opposition zum Assad-Regime stehenden arabischen Gruppierung*» [7]. – «Остальная часть находится южнее, в Аль-Танф, где американцы сотрудничают с локальным партнером, Свободной сирийской армией, арабской группировкой, противостоящей режиму Асада».

Как показывают примеры, для характеристики «чужих» в немецком медиадискурсе практически всегда используется пейоративная эмоционально-оценочная лексика. Образ «своего» либо просто упоминается («die Ampel-Regierung», «Israel», «Deutschland und andere europäische Länder»), либо совсем не вербализуется. Так, например, освещая подачу иска ЮАР в Международный суд ООН в Гааге против Израиля, немецкие СМИ делают акцент не на геноциде в секторе Газа, а на войне с Хамас¹, а также обосновывают действия «своего» «правом на самооборону» («das Recht auf Selbstverteidigung»). При этом для номинации «своего» используется нейтральное «представители Израиля», он ведет войну с «чужими» – «исламистской организацией». Как показал скетч-анализ корпуса немецкого языка, в качестве атрибутивных коллокатов лексемы «исламист» самыми частыми являются «militant» (воинствующий), «gewaltbereit» (предрасположенный к насилию), «radikal/radikalisiert» (радикальный/с радикальными убеждениями), «mutmaßlich» (предполагаемый, подозреваемый (о преступнике)) и другие лексемы с ярко выраженной отрицательной коннотацией, что способствует созданию демонизированного образа врага, а также имплицитно правомерность любых действий «своего»:

(2) «*Bei der Anhörung im Den Haager Friedenspalast vor etwa zwei Wochen hatte Israels Vertreter die Vorwürfe entschieden zurückgewiesen. „Israel ist im Krieg mit (der Islamistenorganisation) Hamas, aber nicht mit dem palästinensischen Volk“, hatte der Rechtsberater des israelischen Außenministeriums, Tal Becker, gesagt. Israel wies auch die Forderung nach einem Ende des Militäreinsatzes zurück. Damit würde dem Land das Recht auf Selbstverteidigung genommen, hieß es zur Begründung*» [8]. – «На слушаниях в Гаагском Дворце мира, состоявшихся примерно две недели назад, представитель Израиля решительно отверг все обвинения. Согласно заявлению юрисконсульта МИД Израиля Таль Беккера, “Израиль находится в состоянии войны с (исламистской организацией) Хамас, а не с палестинским народом”. Израиль также отверг призыв к прекращению военной операции. Это лишит страну права на самооборону, говорится в обосновании».

Таким образом, обозначив коллективного врага, массмедиа прямо или косвенно разграничивают весь мир на два лагеря, на «своих» и «чужих», на принадлежащих к кругу себе подобных и разделяющих взгляды и ценности или нет. По мнению Г. Лакоффа, такое деле-

¹ В работах некоторых исследователей политического дискурса данный феномен выделяется в отдельный прием – «смещение прагматического фокуса», предполагающий изменение точки зрения на обсуждаемую проблему посредством деформации и/или замены номинации.

ние на два лагеря не соответствует демократии, в основе которой лежит *разнообразие* мнений [9, p. 9].

2. Тактика угрозы. Тактика угрозы как один из эффективных способов воздействия на эмоциональное состояние адресата и убеждение его в опосредуемых оценках выражается в сгущении негативных смыслов, в нагнетании страха, идеологического напряжения, импликации неизбежности «выбора меньшего из двух зол» [10, с. 90]. Такая тактика реализуется при помощи таких лексико-стилистических маркеров оценочности, как метафора и сравнение, направленные на создание устойчивых стереотипов как об отдельных личностях, так и о странах. Посредством создания образа агрессивного, злобного врага, представляющего угрозу «нам», формируется нужное адресанту общественное мнение. В следующем примере австрийские СМИ, описывая действия Израиля в секторе Газа как «право на самооборону» и опосредуя оценочное мнение о «высшем приоритете освобождения заложников, взятых террористической организацией Хамас», также приводит утверждение, что «Хамас является и для ЕС большой опасностью»:

(3) «*Österreich erkenne Israels Recht auf Selbstverteidigung an und sehe es als oberste Priorität, die Geiseln zu befreien, die von der Terrororganisation Hamas entführt worden sind. (...) Die Hamas sei auch für die EU eine große Gefahr*» [11]. – «(Австрийский канцлер Карл Нехаммер заявил, что) Австрия признает право Израиля на самооборону и считает своим главным приоритетом освобождение заложников, захваченных террористической организацией Хамас. (...) Хамас также представляет большую опасность для ЕС».

В качестве примера сгущения негативных смыслов и нагнетания страха на региональном уровне могут служить многочисленные статьи об оппозиционных политических партиях, набирающих по предварительным опросам большое количество голосов. С целью повлиять на мнение потенциальных избирателей в Германии публикуется большое количество статей, в которых как представителей АдГ, так и новую партию ССВ «наделяют» набором определенных пейоративных признаков, совокупность которых актуализирует в сознании массового адресата вполне определенные стереотипы. Так, уже сами заголовки статей нередко содержат отрицательную оценку. Например: «Das Bündnis Sahra Wagenknecht ist eine Katastrophe für Deutschland» [12]. – «Союз Сары Вагенкнехт – катастрофа для Германии», «Karamba Diaby wertet Benehmen der AfD im Bundestag als «Nährboden für Gewalt»» [13]. – «Карамба Диаби¹ оценивает поведение АдГ в Бундестаге как питательную среду для насилия», «AfD-Rechtsextremist Höcke erneut für Nutzung einer SA-Parole verurteilt» [14]. – «Правый экстремист из АдГ Хёке снова осужден за использование нацистского лозунга²», а также многие другие заголовки политических статей.

Следует отметить, что немецкоязычные массмедиа при освещении событий за пределами страны нередко ссылаются на мнение своих политиков. В качестве примера может служить интервью с Олафом Шольцем, который «занял теперь неожиданно четкую позицию против праворадикальной национальной партии Марин Ле Пен» («hat sich nun ungewöhnlich deutlich gegen die rechtsnationale Partei von Marine Le Pen positioniert»):

¹ Депутат бундестага от социал-демократической партии, первый депутат африканского происхождения.

² Речь идет о запрещенном лозунге штурмового отряда (SA – Sturmabteilung): «Все для Германии» («Alles für Deutschland»).

(4) «... *Das ist die Lage unseres engsten Verbündeten, Freundes und Partners, ohne den das gemeinsame Europa, so wie wir es kennen, nicht mehr funktionieren würde*» [15]. – «Это положение (дел) нашего ближайшего союзника, друга и партнера, без которого наша единая Европа в том виде, в каком мы ее знаем, перестанет существовать».

Выражая оценку результатов первого тура выборов в парламент Франции, канцлер нагнетает страх, прогнозируя возможный конец единой Европы и имплицитно предпочтительность выбора меньшего из двух зол, т. е. партии Макрона. Далее проводится параллель с немецкими оппозиционными партиями, в которых Шольц видит опасность («In Deutschland sehe Scholz eine Gefahr durch die AfD» und auch die im selben Trüben fischende BSW»¹), поскольку эти партии «всегда могут находить новых врагов как внутри страны, так и за рубежом», и предупреждает, что это приведет к «разжиганию ненависти к друг другу»:

(5) «*Diese Gruppierungen könnten immer neue Feinde ausmachen im Inneren oder Äußeren. Wenn es einmal losgeht, findet man immer wieder neue, um den Hass untereinander zu schüren*» [15].

Как показывает приведенный фрагмент интервью, отрицательная оценка оппонентов, «других», реализуется в метафоричных сравнениях и фразеологических единицах, которые связаны с вполне определенными коннотациями. Так, например, «ловить рыбу в мутной воде» может декодироваться массовым адресатом как эталон недостойного человека, афериста, который пользуется сложной ситуацией в своих корыстных целях. Также эмоциональное фразеологическое сочетание «разжигать ненависть» создает образ агрессивного врага, представляющего угрозу всем «нам», что имплицитно побуждает к дистанцированию от тех, кто «не на нашей стороне».

Также нужно отметить употребление вполне определенных лексем. Например, таких, как «*schüren*». Согласно скетчевой выдаче корпуса DWDS этот глагол входит в самые частые коллокации только с негативными существительными: Ressentiment (затаенная обида; зависть), Hass (ненависть), Angst/Furcht (страх), Misstrauen (недоверие), Panik (паника), Neid/Sozialneid (зависть/недоброжелательность к другим группам населения, получающим социальную помощь – беженцам и иммигрантам), Hysterie (истерия) и многие другие существительные со схожей семантикой.

Таким образом, нагнетая страх, массмедиа имплицитно определяют определенное мнение, делая его мейнстримовым, во-первых, за счет постоянной трансляции, во-вторых, за счет осознанного отбора лингвистических единиц, направленных на формирование нужных адресанту представлений о тех или иных событиях.

3. Тактика демонизации. Для тактики демонизации характерно активное использование политических стереотипов, формирующих негативное отношение к определенным странам, лидерам, а также к этносу этих стран. Транслируя стереотипы, СМИ опосредуют нужное им отношение к актуальным общественно-политическим событиям, т. е. управляют и манипулируют массовым сознанием. Как показывают наши примеры, в качестве языковых маркеров тактики демонизации и ее крайнего проявления – тактики дегуманизации, выступают слова и словосочетания с ярко выраженной отрицательной семантикой. Например, Regime (режим), sein mörderisches Regime (его убийственный режим), blutrünstig (кровожадный),

¹ «В Германии Шольц видит опасность со стороны АдГ, а также со стороны ССВ, ловящей рыбку в той же мутной воде» (здесь и далее перевод О. В. Палеховой).

Wahlbetrug (фальсификация выборов), brutale Unterdrückung (жестокие репрессии) и многие другие дисфемизмы, маркирующие презрение, негативное отношение к определенному лицу или стране и тем самым оправдывая «применение санкций». В качестве примера дегуманизации может служить фрагмент статьи о землетрясении в Турции и Сирии в феврале 2023 г. с эмоционально-оценочным заголовком «*Zynisches Kalkül statt Mitgefühl: Erdoğan und Assad nutzen das Erdbeben zum Schlag gegen Feinde*»¹, начинающимся с утверждения «*Mitgefühl gehört zur menschlichen Natur*»², что, на наш взгляд, имплицитно отрицание человеческих качеств у оппонентов, приписывая им антиценности [16, с. 122]:

(6) «*Er nutzt das Disaster, um mit der Not seiner Gegner zu pokern. Hilfe für sie will er nur ins Land lassen, wenn dafür Sanktionen gegen sein mörderisches Regime gelockert werden*» [17]. – «Он использует катастрофу для скрытой борьбы со своими противниками, пользуясь их бедственным положением. Он допустит к ним помощь, если только санкции против его убийственного режима будут ослаблены».

Логика тактики демонизации заключается в дискредитации «чужих» посредством стереотипизации, навешивания ярлыков и активного использования слов с отрицательной семантикой. Следует отметить, что такая тактика тесно переплетается с тактикой обвинения, подразумевающей приписывание кому-либо вины за неблагоприятные намерения или действия, и тактикой оскорбления, целью которой является не столько намеренное унижение оппонента, сколько подрыв к нему доверия, имплицитно сомнения в его авторитете. Нередко для негативной оценки «чужих» используются дисфемизмы.

Так, в следующем примере в отношении Лукашенко в немецких массмедиа используются такие дисфемизмы, как: massive Repressionen (массовые репрессии), Inhaftierungen (аресты), Entführungen (похищения), Folter (пытки), Angst (страх):

(7) «*Massive Repressionen, Inhaftierungen, Entführungen, Folter und Angst sind an der Tagesordnung*», betonte sie. „Dies sind die Instrumente, mit denen sich das Lukaschenko-Regime an der Macht hält» [18]. – «Массовые репрессии, аресты, похищения, пытки и страх – в порядке вещей», – подчеркнула она (*представительница немецкого правительства (прим. автора)*). Это инструменты, с помощью которых режим Лукашенко удерживает власть».

В качестве маркера дегуманизации служит также использование в привязке с именем лексемы «режим»: «das Lukaschenko-Regime», «Asad-Regime» и т. д.

4. Манипулятивные приемы искажения информации. В современном медиадискурсе, оказывающем самое непосредственное влияние на формирование у массового адресата картины мира, информация нередко преобразовывается таким образом, чтобы адресат декодировал её именно так, как выгодно адресанту [4]. Процесс преобразования различного рода информации подразумевает разнообразны приемы ее подачи. К таким манипулятивным приемам относятся, например, искажение информации, сокрытие информации, избирательная ее подача [19, с. 204].

4.1. Замалчивание информации. Соккрытие определенных тем и утаивание истинной информации является обязательным маркером манипуляции [20, с. 53; 20], целью которой является формирование и/или сохранение сформированных ранее у массового адресата об-

¹ «Циничный расчет вместо сострадания: Эрдоган и Асад используют землетрясение для нанесения удара по врагам».

² Сострадание – это часть человеческой природы.

разов «своих» и «чужих». Таким образом, умалчивается негативная информация о «своих», как, например, в случае с Израилем. В немецкоязычных СМИ замалчиваются многотысячные жертвы среди мирных жителей сектора Газа, упоминается только то, что Международный суд призвал Израиль принять *большие меры для защиты палестинцев*»:

(8) «*Die Richter entschieden mit 15 zu 2 Stimmen, Israel nicht zum Ende des Militäreinsatzes im Gazastreifen zu verpflichten. Das höchste Gericht der Vereinten Nationen beauftragte Israel aber, mehr Schutzmaßnahmen für Palästinenser zu ergreifen*» [8]. – «Пятнадцатью голосами против двух судьи постановили не требовать от Израиля прекращения военной операции в секторе Газа. Но Верховный суд ООН *обязал Израиль усилить меры защиты палестинцев*».

4.2. Искажение информации. Искажение информации признается многими исследователями политического и медиадискурса сильнейшим приемом манипулятивного воздействия. Как правило, искажение информации заключается как в частичном освещении событий, так и в перевероте понятий, в том числе при помощи смещения акцентов или изменения контекста. Целенаправленное изменение смысла доносимых до массового адресата слов и понятий обусловлено стремлением исключить или, как минимум, завуалировать все негативные ассоциации со «своими», затушевать факты. В качестве примера служит фрагмент австрийской статьи, освещающей недавние дебаты в Европарламенте о выделении 50 миллиардов помощи Украине:

(9) «*Die Gelder für die Ukraine sollen helfen, den Staat aufrechtzuerhalten. Für Rüstungshilfen sind sie laut dem Kanzler nicht gedacht. ... Österreich bekenne sich zwar zur Solidarität mit dem Land, beteilige sich aber nicht an der Lieferung letaler Waffen.*» [11]. – «Средства, выделяемые Украине, *предназначены для поддержания государства*. По словам канцлера (Австрии (*прим. автора*)), *они не предназначены для военной помощи*. ... Хотя Австрия заявляет о своей солидарности со страной, *она не участвует в поставке летального оружия*».

Акцент на том, что «*Австрия не участвует в поставках летального оружия*», хотя голосовала за многомиллиардное финансирование, является ярким примером придания ложного смысла бесспорному факту помощи в первую очередь военной кампании Украины.

Примером смещения акцента и подчеркивания только выгодных формулировок может также служить фрагмент статьи, в которой Германия позиционирует себя «скорее как транзитная страна, через которую, например, танки и ракеты перевозятся к линии фронта», имплицитно свое якобы неучастие в военном конфликте:

(10) «*Experten schilderten gegenüber der deutschen Tageszeitung, dass sie zwar in erster Linie nicht davon ausgingen, dass Deutschland direkt an die Kriegsfront grenzen würde. Es würde eher ein Transitland werden, durch das etwa Panzer und Raketen Richtung Front transportiert würden*» [21]. – «Эксперты рассказали немецкой ежедневной газете, что они не исходят из того, что линия фронта будет проходить у границ Германии. *Она станет скорее транзитной страной, через которую к линии фронта будут перевозиться, например, танки и ракеты*».

Заключение. В результате анализа актуальных немецкоязычных журнальных и газетных статей мы установили, что прагматика политических медиатекстов заключается в сознательном воздействии на массового адресата с целью формирования у него нужных ценностных ориентиров, идеологизированных стереотипов и, как следствие, влияния на обще-

ственное мнение и сознание. Для манипулятивного воздействия современные немецкоязычные средства массовой информации используют такие тактики речевого воздействия, как тактика противопоставления, реализуемая посредством семантической оппозиции «свой–чужой», тактика угрозы, заключающая в сгущении негативных смыслов и нагнетании страха, и тактика демонизации (дегуманизации) идеологического противника через многократно повторяемое использование слов и словосочетаний с отрицательной семантикой, навешивание ярлыков и стереотипов. Успешному воздействию на массового адресата и формированию у него нужной адресанту картины мира способствуют такие манипулятивные приемы, как замалчивание и искажение информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ: Добросвет, 2020.
2. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 5-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2014.
3. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000.
4. Палехова О. В. Языковые средства и речевые приемы навязывания ложной информации (на примере немецкоязычных медиатекстов) // Язык. Коммуникация. Общество. 2023. № 2 (2). С. 34–43.
5. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. М.: ЯСК, 2020.
6. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006.
7. Rüesch A. Mit dem tödlichen Angriff auf amerikanische Truppen demonstrieren proiranische Milizen ihre Gefährlichkeit // NZZ. 30.01.2024. URL: <https://www.nzz.ch/international/iran-gegen-usa-angriff-auf-militaerbasis-stuerzt-biden-in-dilemma-ld.1776412> (дата обращения: 23.01.2024).
8. UN-Gericht entscheidet über Militäreinsatz in Gaza. // Cicero. 26.01.2024. URL: <https://www.cicero.de/aussenpolitik/internationaler-gerichtshof-in-den-haag-un-gericht-entscheidet-uber-militareinsatz-in-gaza> (дата обращения: 26.01.2024).
9. Lakoff G., Wehling E. Auf leisen Sohlen ins Gehirn: Politische Sprache und ihre heimliche Macht. Heidelberg: Carl-Auer Verlag, 2016.
10. Попова В. О., Балежина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2 (22). С. 88–94.
11. Im Kampf gegen Terror gibt es keine Neutralität // Kronen Zeitung. 29.01.2024. URL: <https://www.krone.at/3232081> (дата обращения: 29.01.2024).
12. Lange E. L. Das Bündnis Sahara Wagenknecht ist eine Katastrophe für Deutschland // Tkr, 31.10.2023, URL: <https://tkr.at/2023/10/31/das-buendnis-sahra-wagenknecht-ist-eine-katastrophe-fuer-deutschland/> (дата обращения: 04.07.2024).
13. Schmidt H. Karamba Diaby wertet Benehmen der AfD im Bundestag als «Nährboden für Gewalt» // Der Spiegel. 03.07.2024. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/karamba-diaby-spd-wertet-benehmen-der-afd-im-bundestag-als-naehrboden-fuer-gewalt-a-db72d0b3-8087-4813-bf9e-cb1906269793> (дата обращения: 04.07.2024).
14. AfD-Rechtsextremist Höcke erneut für Nutzung einer SA-Parole verurteilt // Der Spiegel. 01.07.2024. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-bjoern-hoেকে-erneut-fuer-nutzung-einer-sa-parole-verurteilt-a-dc6c3dba-ef63-4454-8658-0c4ee9890376> (дата обращения: 04.07.2024).

15. Scholz unterstützt Macron mit täglichen SMS // Der Spiegel. 03.07.2024. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/frankreich-wahl-olaf-scholz-unterstuetzt-emmanuel-macron-mit-taeglichen-sms-a-3094571d-1708-4b95-9213-4bf93ca1db5a> (дата обращения: 04.07.2024).

16. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 6. С. 121–128. DOI: 10.12737/16971.

17. Marschall Ch. Zynisches Kalkül statt Mitgefühl: Erdoğan und Assad nutzen das Erdbeben zum Schlag gegen Feinde // Tagesspiegel. 10.02.2023. URL: <https://www.tagesspiegel.de/internationales/erdbeben-als-chance-fur-diplomatie-uberwaltigendes-mitgefuehl-und-ein-blick-in-abgrunde-9325346.html> (дата обращения: 28.01.2024).

18. Lukaschenko weist Manipulationsvorwürfe zurück: USA verhängen neue Sanktionen gegen Belarus // Tagesspiegel. 09.08.2021. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/usa-verhaengen-neue-sanktionen-gegen-belarus-4759192.html> (дата обращения: 27.01.2024).

19. Сергеева Е. В. Тактика манипулятивной подачи информации в рекламном и политическом дискурсе // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. В. Аниськиной / Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2014. С. 203–208.

20. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2018.

21. Deutschland rüstet sich nun für Putin-Angriff // Kronen Zeitung. 27.01.2024. URL: https://www.krone.at/3229859?utm_source=direct&utm_medium=taboola_recirculation (дата обращения: 28.01.2024).

Информация об авторе.

Палехова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук (2021), доцент кафедры романо-германской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 42 научных публикаций. Сфера интересов: медиалингвистика, лингвопрагматика, лингвистика текста.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 12.08.2024; принята после рецензирования 19.09.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Dobrosklonskaya, T.G. (2020), *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media linguistics: theory, methods, directions], KDU, Dobrosvet, Moscow, RUS.

2. Koptina, G.A. (2014), *Rechevoe manipulirovanie* [Speech manipulation], 5th ed., reprint, Flinta: Nauka, Moscow, RUS.

3. Sheigal, E.I. (2000), *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse], Peremena, Moscow, Volgograd, RUS.

4. Palekhova, O.V. (2023), "Language tools and speech techniques for imposing false information (on the example of German-language media texts)", *Language. Communication. Society*, no. 2 (2), pp. 34–43.

5. Skrebtsova, T.G. (2020), *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika* [Discourse linguistics: structure, semantics, pragmatics], YaSK, Moscow, RUS.

6. Chernyavskaya, V.E. (2006), *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence], Flinta, Moscow, RUS.

7. Ruesch, A. (2024), "Mit dem tödlichen Angriff auf amerikanische Truppen demonstrieren proiranische Milizen ihre Gefährlichkeit", *NZZ*, 30.01.2024, available at: <https://www.nzz.ch/international/iran-gegen-usa-angriff-auf-militaerbasis-stuerzt-biden-in-dilemma-ld.1776412> (accessed 23.01.2024).

8. "UN-Gericht entscheidet über Militäreinsatz in Gaza" (2024), *Cicero*, 26.01.2024, available at: <https://www.cicero.de/aussenpolitik/internationaler-gerichtshof-in-den-haag-un-gericht-entscheidet-uber-militaereinsatz-in-gaza> (accessed 26.01.2024).

9. Lakoff, G. and Wehling, E. (2016), *Auf leisen Sohlen ins Gehirn: Politische Sprache und ihre heimliche Macht*, Carl-Auer Verlag, Heidelberg, GER.

10. Popova, V.O. and Balezina, E.A. (2015), "Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness", *Perm Univ. Herald. Philosophy. Psychology. Sociology*, iss. 2 (22), pp. 88–94.

11. "Im Kampf gegen Terror gibt es keine Neutralität" (2024), *Kronen Zeitung*, 29.01.2024, available at: <https://www.krone.at/3232081> (accessed 29.01.2024).

12. Lange, E.L. (2023), "Das Bündnis Sahara Wagenknecht ist eine Katastrophe für Deutschland", *Tkp*, 31.10.2023, available at: <https://tkp.at/2023/10/31/das-buendnis-sahra-wagenknecht-ist-eine-katastrophe-fuer-deutschland/> (accessed 04.07.2024).

13. Schmidt, H. (2024), "Karamba Diaby wertet Benehmen der AfD im Bundestag als "Nährboden für Gewalt"", *Der Spiegel*, 03.07.2024, available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/karamba-diaby-spd-wertet-benehmen-der-afd-im-bundestag-als-naehrboden-fuer-gewalt-a-db72d0b3-8087-4813-bf9e-cb1906269793> (accessed 04.07.2024).

14. "AfD-Rechtsextremist Höcke erneut für Nutzung einer SA-Parole verurteilt" (2024), *Der Spiegel*, 01.07.2024, available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/afd-bjoern-hoecke-erneut-fuer-nutzung-einer-sa-parole-verurteilt-a-dc6c3dba-ef63-4454-8658-0c4ee9890376> (accessed 04.07.2024).

15. "Scholz unterstützt Macron mit täglichen SMS" (2024), *Spiegel*, 03.07.2024, available at: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/frankreich-wahl-olaf-scholz-unterstuetzt-emmanuel-macron-mit-taeglichen-sms-a-3094571d-1708-4b95-9213-4bf93ca1db5a> (accessed 04.07.2024).

16. Morozova, E.V. (2015), "Dehumanization as a technology of formation of the image of the other/stranger in politics", *Central Russian J. of Social Sciences*, vol. 10, iss. 6, pp. 121–128. DOI: 10.12737/16971.

17. Marschall, Ch. (2023), "Zynisches Kalkül statt Mitgefühl: Erdoğan und Assad nutzen das Erdbeben zum Schlag gegen Feinde", *Tagesspiegel*, 10.02.2023, available at: <https://www.tagesspiegel.de/internationales/erdbeben-als-chance-fur-diplomatie-uberwaltigendes-mitgefuehl-und-ein-blick-in-abgrunde-9325346.html> (accessed 28.01.2024).

18. "Lukaschenko weist Manipulationsvorwürfe zurück: USA verhängen neue Sanktionen gegen Belarus" (2021), *Tagesspiegel*, 09.08.2021, available at: <https://www.tagesspiegel.de/politik/usa-verhangen-neue-sanktionen-gegen-belarus-4759192.html> (accessed 27.01.2024).

19. Sergeeva, E.V. (2014), "Tactics of manipulative presentation of information in advertising and political discourse", *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in the information space], in Anis'kina, N.V. (ed.), YSPU, Yaroslavl', RUS, pp. 203–208.

20. Kara-Murza, S.G. (2018), *Manipulyatsiya soznanie* [Manipulation of consciousness], Moscow, Rodina, RUS.

21. "Deutschland rüstet sich nun für Putin-Angriff" (2024), *Kronen Zeitung*, 27.01.2024, available at: https://www.krone.at/3229859?utm_source=direct&utm_medium=taboola_recirculation (accessed 28.01.2024).

Information about the author.

Olga W. Palekhova – Can. Sci. (Philology, 2021), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 42 scientific publications. Area of expertise: media linguistics, linguopragmatics, text linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 12.08.2024; adopted after review 19.09.2024; published online 20.02.2025.*

Оригинальная статья

УДК 811.111

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154>

Сущностные характеристики медиаполитического дискурса

Наталья Валентиновна Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Введение. В статье представлен обзор конститутивных признаков медиаполитического дискурса. Цель статьи – определение сущностных параметров современного англоязычного медиаполитического дискурса. Рассматриваются основные компоненты данного типа дискурса, его аксиологическая структура. Особое внимание уделяется идеологичности и манипулятивному характеру медиаполитического дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выделения медиаполитического дискурса в качестве одного из разделов теории дискурса посредством системного изучения его системообразующих особенностей.

Методология и источники. Методологическая база статьи представлена отдельными положениями функционального подхода к анализу дискурса, в частности критического дискурс-анализа, а также когнитивной лингвистики, медиадискурса, медиалингвистики, мультимодального подхода к исследованию дискурса. Основным методом является аналитический научный обзор отечественных и зарубежных трудов по теории дискурса.

Результаты и обсуждение. Согласно результатам обзора основными компонентами медиаполитического дискурса являются политическая тематика, политические акторы, политический язык, а также средства массовой информации, опосредующие коммуникацию в рамках медиаполитического дискурса. К числу фундаментальных характеристик медиаполитического дискурса относятся идеологичность, манипулятивность, персуазивность, эмоциональность, поликодовость, информативность, динамичность, театральность. Сетевой медиаполитический дискурс, как и сетевой дискурс вообще, характеризуется гибридностью, стилистической неоднородностью, креолизированностью, многоканальностью и диалогичностью и предполагает дистантное интерактивное и иммерсивное общение виртуальных собеседников. Очевиден более высокий уровень актуализации, оперативности и информативности сетевого медиаполитического дискурса по сравнению с традиционными СМИ. Новые медиа дополняют традиционные медийные задачи новыми функциями. Аксиологический ореол текста, под которым подразумевается весь набор ценностей, представленных в тексте, оказывает решающее воздействие на интерпретацию идеологической позиции автора и способствует усилению суггестивности медиаполитического текста.

Заключение. Основной функцией медиаполитического дискурса можно считать конструирование в данном типе дискурса коллективной политической реальности. Медиаполитический дискурс представляет собой конструкт, обладающий конститутивной силой и участвующий в создании социальной реальности. Медиаполитическая картина мира конструируется посредством трансляции определенных образов, смыслов, идеологии, ценностей и политических взглядов. Исходя из таких особенностей медиаполи-

© Степанова Н. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

тического дискурса, как поликодовость и многоуровневость представляется целесообразным рассматривать этот тип дискурса с позиции мультимодальности.

Ключевые слова: медиаполитический дискурс, сетевой медиаполитический дискурс, медиадискурс, медиатекст, идеологичность, персуазивность, мультимодальность

Для цитирования: Степанова Н. В. Сущностные характеристики медиаполитического дискурса // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 138–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154.

Original paper

Essential Characteristics of Media Political Discourse

Nataliia V. Stepanova

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
nathalie.tresjolie@icloud.com, <https://orcid.org/0000-0002-0920-753X>*

Introduction. The article presents an overview of the constitutive features of media political discourse. The aim of the article is to determine the essential parameters of modern English-language media-political discourse. The main components of this type of discourse, its axiological structure are considered. Special attention is paid to the ideological and manipulative nature of media political discourse. The relevance of the study is conditioned by the necessity of singling out media political discourse as one of the sections of discourse theory through the meticulous study of its system-forming features.

Methodology and sources. As a methodological basis, the article uses some ideas of the functional approach to discourse analysis, in particular, critical discourse analysis, as well as cognitive linguistics, media discourse, mediallynguistics, multimodal approach to the study of discourse. The main method is an analytical scientific review of Russian and foreign works on discourse theory.

Results and discussion. According to the results of the review, the main components of media political discourse are political topics, political actors, political language, and, mainly, mass media that mediate communication within the framework of MPD. The fundamental characteristics of media political discourse include ideology, manipulativeness, persuasiveness, emotionality, polycodicity, informativeness, dynamism, and theatricality. Virtual media-political discourse, as well as Internet discourse in general, is characterized by hybridity, stylistic heterogeneity, creolization, multichannel and dialogicality, and involves remote interactive and immersive communication of virtual interlocutors. A higher level of actualization, timeliness and informativeness of online media-political discourse compared to traditional media is evident. New media supplement traditional media tasks with new functions. The axiological halo of the text, which means the whole set of values presented in the text, has a decisive impact on the interpretation of the author's ideological position and contributes to the strengthening of the media political text's suggestiveness. Based on the definition of such features of media political discourse as polycode and multilevel, it seems most effective to consider this type of discourse from the position of multimodality.

Conclusion. The main function of media political discourse can be considered the construction of collective political reality in this type of discourse. Media political discourse is a construct that has constitutive power and participates in the construction of social reality. The media political picture of the world is constructed through the broadcasting of certain images, meanings, ideological attitudes, values and political preferences.

Keywords: media political discourse, virtual media political discourse, media discourse, media text, ideology, persuasiveness, multimodality

For citation: Stepanova, N.V. (2025), "Essential Characteristics of Media Political Discourse", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 138–154. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-138-154 (Russia).

Введение. Цель настоящей статьи состоит в выявлении сущностных параметров медиаполитического дискурса в современной лингвистике на основании обзора научных исследований в области дискурсологии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выделения медиаполитического дискурса (МПД) в качестве одного из разделов теории дискурса посредством системного изучения его системообразующих особенностей, а также релевантностью определения наиболее подходящих для изучения этого типа дискурса подходов и инструментов. Сложность и объемность рассматриваемого явления порождает множество трудов, посвященных его исследованию, а также разнообразие мнений относительно его природы и характера функционирования. В связи с этим работы, ориентированные на систематизацию существующих подходов к интерпретации МПД, видятся особенно востребованными. Исследование МПД позволяет эксплицировать идеологические и функциональные зависимости, возникающие при взаимодействии медиадискурса с другими политическими институтами. Обращение к МПД становится более релевантным в связи с интенсификацией медиатизации политики [1, с. 220].

Характерные особенности медиаполитического дискурса определяются в первую очередь его основной интенцией, которая состоит в информировании массового зрителя посредством субъективной интерпретации фактов с целью воздействия на него и создания в его сознании определенной картины действительности, в чем заключается манипулятивная составляющая МПД как инструмента достижения основной цели политического дискурса – завоевания и удержания власти. Несмотря на то, что политическая тематика текстов СМИ по сути своей не ограничена, все они созданы для популяризации мнений и позиций сторон, так или иначе стремящихся к власти. Борьба за власть как одна из основополагающих интенций политического дискурса проявляется в агональности медиадискурса [2, с. 34], заключающаяся в дискуссионном или идеологическом противоборстве сторон.

Методология и источники. Методологической базой исследования выступают работы российских и зарубежных ученых в области медиадискурса, медиалингвистики, политического дискурса, политической лингвистики, когнитивной лингвистики, лингвоаксиологии, стилистики: R. Wodak, В. И. Карасика, Т. Г. Добросклонской, М. Р. Желтухиной, В. А. Марьянчик, О. Ф. Русаковой, О. Г. Орловой, О. В. Сулиной и др.

На первом этапе исследования в фокусе внимания находятся характеристики МПД, определяющие его сущность и детерминирующие его функционирование. На втором этапе рассмотрению подвергается аксиологическая природа и функции данного типа дискурса. Третий этап включает анализ манипулятивного потенциала МПД. Наконец, на завершающем этапе исследования осуществляется обзор мультимодального подхода к дискурсу и обосновывается целесообразность его применения при изучении медиаполитических текстов (МПТ). Отдельное внимание уделяется определению конститутивных признаков сетевого МПД.

Отметим, что в предыдущей статье [3] были рассмотрены предпосылки становления МПД как обособленного раздела теории дискурса, синтезирующего политический и медиадискурс, а также был выполнен обзор подходов к интерпретации и исследованию МПД в современной лингвистике.

Результаты и обсуждение. *Сущностные параметры МПД.* О. Г. Орлова рассматривает компоненты МПД, в числе которых политическая тематика, политические акторы (агенты и клиенты МПД), политический язык, а также главным образом средства массовой информации, опосредующие коммуникацию в рамках МПД. К МПД, таким образом, относятся тексты, распространяемые СМИ, в том числе в контексте интернет-дискурса информационными агентствами и блогерами, имеющими массового читателя [4, с. 58].

Специфика МПД преимущественно заключается в том, что он, являясь гибридным типом дискурса, сочетает в себе характерные черты политического и медидискурса. МПД, представляя собой разновидность институционального политического дискурса, заимствует из него такие особенности, как актуальность, прагматическая направленность, информативность, регулятивность, манипулятивность, социальная оценочность, интертекстуальность [5, с. 7]. К сущностным параметрам современного медийного пространства относятся поликодовость, мультимодальность, семиотическая осложненность, обусловленная тенденцией ко все большей визуализации информационного потока. Таким образом, большая часть МПД сочетает в себе различные знаковые системы [6, с. 653].

Согласно справедливому замечанию О. Г. Орловой, МПД – дискурс характеризующийся динамичностью, которая проявляется в оперативном пополнении языка новыми единицами «ввиду динамичности самого политического процесса», идеологичностью – высокий процент единиц с идеологическим компонентом, смысловой неопределенностью, размытостью семантических границ. Два последние свойства автор объясняет тем, что политические деятели склонны использовать эвазивную стратегию (по О. Г. Орловой – стратегию ухода от обещаний и ответственности). К характеристикам языка и стиля жанров МПД относятся: персуазивность, оценочность, а также в группе агональных жанров – агрессивность стиля (метафора войны, инвективная лексика, единицы милитаристского и криминального дискурса, маркеры «своих» и «чужих» и др.) [4, с. 68].

По мнению В. А. Марьянчик, основные функционально-стилевые параметры МПД включают актуальность, прагматическую направленность, установку на новизну формы и содержания, информативность, стереотипность, социальную мозаичность, персонализацию автора, жаргонизацию и инвективизацию, ироничность и сарказм как модальные доминанты [7, с. 14]. Ю. Ю. Суханов отмечает такие свойства политического дискурса, как авторитарность, информативность, динамичность, институциональность и театральность [8, с. 148]. Помимо перечисленных параметров для МПД характерны публичность, массовая направленность, групповая соотнесенность и инсценированность дискурса [9, с. 34].

Контентообразование современных медиаполитических текстов отличается технологичностью, при которой концептуальная информация текста включает набор идей, базирующийся на определенных категориях и созданный при помощи специально отобранных языковых средств. К таким категориям С. В. Иванова относит прецедентность, ценностность и оппозицию «свой–чужой». В медиаполитическом дискурсе ценностность и прецедентность подчиняются оппозиции «свой–чужой» и при этом направлены на её реализацию [10, с. 30–31]. Н. С. Ширяев также обращает внимание на такие категории, свойственные медиаполитическим текстам, как прецедентность, ценностность, диалогизация и идеологичность и раскрывает их сущность. Под прецедентностью следует понимать воспроизво-

димось явлений культуры в языковой форме, интертекстуализацию культурных феноменов. Медиаполитический текст содержит упоминания об исторических событиях и реалиях, создающих лингвокультурное пространство, к которому он относится. Использование прецедентных феноменов является эффективным средством обращения к культурной идентичности аудитории, что помогает разграничивать окружающий их мир на «своих» и «чужих» [10, с. 31]. С понятием прецедентности медиаполитического дискурса связано понятие ценности, под которым понимаются устойчивые прецеденты, отражающие в общем виде опыт лингвокультурного сообщества, регламентирующие его жизнь и придающие положительную или отрицательную оценку известным обществу элементам действительности [11, с. 34]. Заметим, что медиаполитический дискурс обращается к привычным или значимым для социума концептам, при этом наблюдается прямая пропорциональная зависимость между ценностью упоминаемого объекта и частотой его упоминания [10, с. 32].

Стоит отметить, что для МПД характерна интерактивность и взаимодействие говорящего и аудитории, исходящие из такой особенности этого типа дискурса, как ориентация на массового зрителя [2, с. 36]. Политический дискурс, обращение к широким массам, которое осуществляется через монолог, обретает возможность воздействовать на зрителя и получать отклик активнее, благодаря интерактивным форматам, которые предлагают современные СМИ (диалог зрителей из зала с приглашенным гостем, присутствие живой аудитории на политических ток-шоу).

К базовым характеристикам медиаполитического дискурса относится дидавторизованность – позиция, при которой журналист выступает не от своего имени, а от лица определенного политика, транслируя его образ. При этом журналист продолжает исполнять роль медиатора между властью и аудиторией и, таким образом, смягчает агрессивный характер политической коммуникации [2, с. 39–40].

Сближение медийного и политического дискурсов обусловлено присущей им идеологичностью. Идеологичность политического дискурса объясняется разными точками зрения по принципиальным вопросам у борющихся за власть сторон. Соблюдение принципа объективности при освещении событий в СМИ оказывается фактически невозможным из-за человеческого фактора – собственного мнения журналиста и разного рода установок. Это утверждение является особенно верным в отношении политических СМИ, поскольку они опираются на сформулированные властью идеологические установки.

При написании медиаполитических текстов выбор языковых средств детерминирован факторами этнокультурного порядка, что реализуется в синтаксисе, семантике и прагматике [10, с. 30]. Так, изменение системы координат – от традиционной лингвистической парадигмы к лингвокультурологической – способствует полноценному лингвокультурологическому представлению медиаполитического дискурса. С. В. Иванова отмечает, что в рамках медиаполитического дискурса идет борьба между двумя противоположными политико-социокультурными тенденциями – интеграционными и центробежными. Медиаполитический текст одновременно отражает стремление современного общества к глобализации и этнокультурную специфику конкретного лингвокультурного сообщества [10, с. 32].

Аксиологическая структура МПД. В. И. Карасик выделяет два основных социолингвистических типа дискурса: личностный (персональный) и статусно-ориентированный.

Статусно-ориентированный дискурс представляет собой институциональное общение, т. е. речевое взаимодействие представителей разных социальных групп и институтов друг с другом. Институциональный дискурс трактуется как «специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [12, с. 191]. Институциональный дискурс предполагает учет конкретных категорий: участников общения, хронотопа, тематики текстов и их жанра, целей, стратегий, дискурсивных формул, прецедентных феноменов. В каждом типе институционального дискурса можно выделить определенные ценности, демонстрируемые его субъектами. С. Х. Липириди подчеркивает, что аксиологическое поле является частью ментального поля и состоит из элементов – ценностей отдельного человека и социума. В аксиологическом поле каждого дискурса выделяются определенные ценности, демонстрируемые данным дискурсом. Аксиологическое поле состоит из субполей, которые репрезентируют культурные ценности [13, с. 207].

В. А. Марьянчик занимается изучением аксиологической структуры МПТ. С точки зрения исследовательницы, аксиологическая структура МПТ подчинена основной цели данного типа дискурса – «формированию мировоззрения и управлению политическим поведением адресата» [14, с. 152]. Автор вводит понятие *аксиологического ореола текста*, под которым подразумевается весь набор ценностей, которые представлены в тексте как на уровне содержания, так и с точки зрения формы [14, с. 152]. Так, к ключевым компонентам формы медиаполитического текста, обладающим ценностным потенциалом (идеологические, интеллектуальные, эстетические ценности), можно отнести: авторство текста и транслируемый образ автора, лингвистическую форму текста в совокупности с пара- и экстралингвистическими факторами, а также жанр произведения. Эти компоненты связаны друг с другом и с содержанием медиатекста [14, с. 156]. Аксиологический ореол текста оказывает решающее воздействие на интерпретацию идеологической позиции автора и способствует усилению суггестивности МПТ. При этом происходит осознанное и целенаправленное влияние на картину мира массовой аудитории, приводящее к *конструированию новой, параллельной реальности* [14, с. 152].

Т. Н. Ефименко рассматривает реализацию оценки в МПД и справедливо, на наш взгляд, полагает, что формирование общественного мнения и воздействие на общественное сознание осуществляется в МПД главным образом в экспрессивном регистре. Также исследовательница указывает, что оценивание в МПД может быть как групповым, так и индивидуальным, поскольку коллективная оценка нередко определяет индивидуальное восприятие конкретного адресата медиатекста. Важно отметить и зависимость оценки от ценностной картины мира человека, т. е. от когнитивного плана дискурса, который является промежуточным звеном между социальной практикой и дискурсивными структурами [15, с. 20].

Манипулятивный характер медиаполитического дискурса. СМИ представляют собой площадку для порождения и воспроизведения институциональных видов дискурса, одним из которых является МПД. Институциональность характеризуется набором типичных ситуаций общения и моделей речевого поведения при исполнении социальных ролей, определенной тематикой общения и специфическим набором интенций и речевых стратегий. В связи с этим важно отметить, что тексты МПД порождаются журналистами не как незави-

сими личностями, а прежде всего как представителями конкретных средств массовой информации. Исследование МПД позволяет обнаружить, что в медиатекстах транслируемые ценности нередко доминируют над фактами, эмоции подвергаются интенсификации, воздействие и оценочность превалируют над информированием. Таким образом, эмоциональный аспект в МПД нередко оказывается доминантным [16, с. 154].

В связи с этим многие исследователи в качестве одной из фундаментальных характеристик МПД отмечают тенденцию к повышенной эмоционализации дискурса, когда масс-медиа используются как инструмент пропаганды для формирования идеологических установок. Так, например, эмоциональный характер МПД подчеркивает Р. Водак, исследующая роль страха как базовой эмоции в политическом дискурсе: страх потери работы, страх «чужого» (например, мигрантов), глобализации и потери национальной автономии, роста национализма и шовинизма, страх отойти от традиционных ценностей, климатических изменений, страх финансового кризиса [17, р. 3].

Глубинный анализ МПД позволяет выделить два преобладающих типа ситуаций: с одной стороны, это ситуации открытой «информационной войны», в рамках которой применяются как вербальные, так и невербальные средства осуществления манипулятивной дискурсивной стратегии. С другой стороны – стандартные медиадискурсивные ситуации, в которых процесс информирования трансформируется в традиционное манипулирование. Разделение этих ситуаций необходимо по причине того, что в первом случае намерение автора воздействия очевидно для адресата, в то время как во втором случае это намерение маскируется при помощи различных лингвистических средств и не всегда распознается аудиторией. Медиатексты, в дискурсивном пространстве которых разворачивается «информационная война», интересны с точки зрения исследования «дискурса вражды» и тем более интуитивно понятны. Второй тип текстов представляется более сложным для медиалингвистического анализа, поскольку исследователь не всегда способен отследить нюансы манипулятивной стратегии, тщательно вуалируемые автором дискурса [18, с. 182].

Стоит отметить, что манипулятивность выражается в использовании определенных лингвистических приемов, оказывающих воздействие на адресата для достижения скрытой цели говорящего. При этом эффективная манипуляция предполагает внушение уверенности в самостоятельности решений, принимаемых реципиентом. Для реализации манипулятивной стратегии в рамках МПД используются персуазивность и суггестивность. Персуазивное воздействие основано на рассуждениях и доводах, в то время как суггестивное воздействие не имеет логических аргументов и апеллирует к эмоциям адресата [19, с. 54]. Суггестивность предполагает неосознанное и произвольное восприятие смысла сообщения. Таким образом, отличительным свойством суггестивности является ослабленный контроль или его отсутствие со стороны сознания при получении информации. Наиболее эффективным способом манипулирования является наложение персуазивных приемов на суггестивные. Применение суггестивной тактики на начальном этапе позволяет ввести адресата в психологическое состояние, необходимое для дальнейшего восприятия аргументов и достижения нужного эффекта от использования персуазивных тактик. Манипулятивный потенциал МПД реализуется через особенности передачи информации: к компонентам коммуникативной схемы в политическом дискурсе (политику и общественности) добавляется посредник

в виде СМИ [20, с. 36], что влечет за собой изменения в интерпретации фактов и информационной составляющей сообщения. Политический журналист, являющийся основным участником коммуникации в МПД [21, с. 67], преследуя цель развлечь массового зрителя, прибегает к более экспрессивным видам презентации информации, при этом обнаруживая тенденцию упрощения и нивелирования серьезности политической риторики [20, с. 36]. Стремясь преподнести вопросы политической повестки наиболее увлекательно и зрелищно для аудитории, акторы СМИ нередко прибегают к искажению первоначальных фактов и транслированию собственной субъективной позиции. Во всем многообразии точек зрения и политических позиций для зрителя более релевантной становится не объективность и истинность высказываний, а их подлинность и актуальность для представителя власти или журналиста. Е. В. Егорченкова выделяет *критерий управления информацией* как особенность МПД, позволяющий акторам дискурса структурировать жизненный опыт аудитории и определять ее взгляды на жизнь [22, с. 25].

Манипулятивная природа МПД определяет одну из его главных функций – *формирование коллективной политической картины мира* у адресата, которая, по мнению О. Ф. Русаковой, является основной функцией этого типа дискурса. Медиполитическая картина мира конструируется «посредством выработки и трансляции определенных образов и смыслов, мифологем и идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений» [23, с. 67]. Среди прочих функций МПД выделяют коммуникативную, побудительную, эмотивную, фатическую [10, с. 133], а также воздействующую, просветительскую, развлекательную, контролирующую и социализирующую.

Мультимодальность как аспект коммуникации в медиаполитическом дискурсивном пространстве. В медиаполитическом дискурсе, жанры которого отличаются зрелищностью и спонтанностью, информация презентуется одновременно посредством аудиального и визуального каналов, при этом адресат сообщения получает информацию, декодируя знаки сразу нескольких семиотических систем. Вербальные, невербальные, кинесические, просодические знаки аудиовизуального контента, а также возможные дополнительные аудио-, видео- или графические элементы воспринимаются зрителем симультанно. Поликодовость медиадискурса является не только особенностью актуализации информации, но и средством реализации персуазивности в дискурсе [24, с. 202]. Р. Т. Садуов предлагает определять поликодовость дискурса как комплекс лингвокогнитивных механизмов, воздействующих на разные каналы восприятия посредством нескольких кодовых систем, в результате чего создается «стереофонический» эффект присутствия и вовлеченности [25, с. 22]. Помимо поликодового характера МПД можно говорить и о его многоуровневости. Согласно Ю. В. Данюшиной, многоуровневый и многоаспектный характер дискурса определяется уровневой системой языка и многоаспектной природой дискурса, совмещающей лингвистические и экстралингвистические факторы [26, с. 5].

Исходя из определения таких свойств медиаполитического дискурса, как поликодовость и многоуровневость, *рассматривать данный тип дискурса представляется наиболее эффективным с позиции мультимодальности.* Стоит отметить, что в теории коммуникации на данный момент не существует единой интерпретации мультимодальности, однако в общих чертах это понятие определяется как «направление в теории коммуникации и социаль-

ной семиотике, которое рассматривает процесс коммуникации как набор текстовых, звуковых, пространственных и визуальных средств или режимов для создания сообщения» [27, с. 2] или «текстуальная комбинация различных методов и их интеграция с точки зрения структуры, семантики дискурса и риторической функции в контексте социального(взаимо-) действия» [28, с. 50].

Семиотика рассматривает все явления и процессы, которые можно представить как знак, следовательно, семиотическими каналами передачи и восприятия информации (или, модальностными параметрами) в рамках мультимодальности коммуникации являются не только вербальный, но и аудиальный, визуальный и соматосенсорный (пространственный и телесный) каналы [29, с. 51]. Т. Стиверс и Дж. Сиднелл понимают мультимодальность (*multiple modality*) как сочетание и наложение друг на друга в одном сообщении семиотической, речевой и визуально-пространственной модальностей [30]. Все знаки, существующие в рамках этих семиотических систем, в условиях равноценности сенсорных уровней и непрерывности взаимодействия субъектов коммуникации воспринимаются адресатом сообщения одновременно посредством одновременного задействования всех возможных каналов восприятия последнего. Симультанность декодирования сообщения является одним из важнейших аспектов мультимодальности, поскольку вследствие этой особенности получателю сообщения необходимо быстро интерпретировать аудиовизуальные сигналы, что замедляет когнитивную составляющую анализа сказанного. В таких условиях средства актуализации информации на различных модальностях сообщения не могут восприниматься обособленно, в отдельности от других, что, в свою очередь, увеличивает воздействующий потенциал сообщения.

Такие свойства текста, как темпоральность (изменение текста во времени), мутабельность (изменяемость текста в зависимости от адресата) и эргодичность (зависимость смысла сообщения как от автора, так и от адресата) [31, с. 61], особенно характерные для текстов медиадискурса, также способны осложнить процесс интерпретации сообщения в рамках мультимодальности коммуникации.

Одним из важнейших аспектов в понимании функционирования различных уровней модальности в одном сообщении является коммуникативная ситуация, являющаяся экстралингвистическим фоном самих речевых актов. Мультимодальность коммуникации стоит рассматривать с разных точек зрения в зависимости от ее специфики, определяемой ее динамичностью, характером графических изображений, длительностью и уровнем интерактивности адресата [32, с. 95]. Дж. Бейтман, Дж. Уилдфер и Т. Хиппала классифицируют сферы исследования мультимодальности следующим образом: коммуникативные ситуации, развертывающиеся во времени без определенного сценария; коммуникативные ситуации, развертывающиеся во времени и имеющие определенный сценарий; коммуникативные ситуации, использующие статичные «полотна», которые предполагают развертывание в пространстве и материальный носитель информации; коммуникативные ситуации, использующие статичные «полотна», которые предполагают темпоральное развертывание в пространстве и материальный носитель информации; коммуникативные ситуации, развертывающиеся и во времени, и в пространстве, и предполагающие действия и реакции адресата [32, с. 96].

Смысловые компоненты сообщения могут подвергаться анализу на разных уровнях в аспекте комплексной мультимодальности. Ю. В. Сорокина выделяет микроуровень (деле-

ние на отдельные коды и выявление различных семиотических потенциалов и ресурсов), мезоуровень (интеркодовые процессы элементов микроуровня и их изменение общего смысла сообщения) и макроуровень, имеющий более широкие границы рассмотрения, такие как жанр или тип дискурса [33, с. 169], причем макроуровень является более широким понятием по отношению к компонентам микро- и мезоуровней. С точки зрения методов анализа разных кодов сообщения выделяют количественный, качественный и комбинаторный методы, использование которых зависит от намерений исследователя [33, с. 169]. Перечисленные понятия мультимодальности служат для понимания системной сложности всех семиотических уровней коммуникации и объясняют *необходимость интегрированного анализа* всех смысловых компонентов в актуальных медиаполитических текстах с целью интерпретации коммуникативных практик и интенций субъекта речи в дискурсе.

Конститутивные признаки сетевого МПД. Роль сети Интернет в формировании актуальных дискурсивных практик и в конструировании медиапространства несомненна. Разнообразие жанров онлайн-коммуникации обнаруживает новые свойства и качества языковой системы. Следовательно, особо востребованной становится проблема анализа дискурсивного поведения субъектов сетевого медиадискурса, а именно журналистов и блогеров, информирующих широкую аудиторию и оказывающих на нее речевое воздействие [34, с. 217–218].

Сетевой МПД, так же как сетевой дискурс в целом, характеризуется гибридностью, стилистической неоднородностью, креолизованностью, анонимностью, многоканальностью и диалогичностью и может быть интерпретирован как совокупность текстов, функционирующих в искусственно смоделированном языковом пространстве, предполагающем *дистантное интерактивное и иммерсивное* общение виртуальных собеседников. Сетевое пространство выполняет функцию среды, в которой постоянно возникают новые жанры и жанровые форматы, обладающие различной степенью интерактивности. Одной из главных характеристик сетевого дискурса является его жанровая организация, имеющая полевою структуру, в составе которой выделяются прототипические (дискурсообразующие) и дискурсоприобретенные жанры. Ведущей особенностью жанров сетевой коммуникации является присущая им подвижность и прагматическая открытость, которые способствуют возникновению в системе уже существующих сетевых жанров обширной категории новых разновидностей/форматов [35, с. 53].

Одним из важнейших признаков сетевого дискурса является полидискурсивность. В виртуальном пространстве представлены различные виды дискурса – политический, экономический, академический и др. Дискурсы связаны между собой разветвленной гипертекстовой сетью ссылок и указателей. Такое переплетение наделяет виртуальный дискурс полидискурсивностью. Благодаря полидискурсивности виртуальный дискурс является основой любых других дискурсивных практик в сети Интернет, а также условием и возможностью их существования. Полидискурсивность виртуального дискурса усиливает взаимное проникновение и влияние текстовых систем друг на друга [36, с. 55].

Л. М. Гриценко обозначает сетевой (виртуальный) дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности» [37, с. 9]. Автор полагает, что своеобразие сетевого дискурса проявляется в специфике его конститутивных признаков, которые выявляются через описание таких дискурсивных параметров, как: 1) *особый вид канала связи* – техническая

опосредованность; 2) *коммуникативная цель*: сетевой дискурс характеризуется целевым многообразием (поиск, распространение, обсуждение, хранение информации, общение, развлечение и др.); 3) *тип коммуникантов*: для многих жанров сетевого дискурса характерна анонимность, определяющая статусное равноправие коммуникантов и ведущая к стиранию социальных, гендерных, возрастных и др. признаков; 4) *хронотоп*: хронотоп сетевого дискурса амбивалентен по своей природе, поскольку коммуниканты находятся одновременно в двух локально-временных позициях – виртуальной и реальной. Виртуальность пространства и возможность асинхронной коммуникации стирает определенные ограничения и расширяет рамки коммуникации; 5) *жанровая организация дискурса*: сетевой дискурс открывает принципиально новые возможности интеракции, становится своеобразной жанропорождающей средой, включающей жанры, существующие в других коммуникативных сферах, а также способствует возникновению новых, свойственных только интернет-дискурсу, жанров. Жанры интернет-дискурса дифференцируются на монологические и диалоговые, общеинформационные, научно-образовательные, художественно-литературные, деловые и коммерческие жанры и др.; 6) *дискурсивная картина мира*: картина мира, создаваемая в рамках сетевого дискурса, характеризуется многообразием, обусловленным особенностями жанров сетевого дискурса, в которых он реализуется. Таким образом, в основе исследования картины мира лежит анализ жанра, выстраивающего ее; 7) *языковое воплощение*: отсутствие визуального контакта определяет стремление коммуникантов описательно передать эмоциональность, экспрессивность, интонационную сторону общения. Обозначив специфику конститутивных признаков виртуального дискурса, Л. М. Гриценко делает вывод, что сетевой дискурс, правомерно сосуществующий с другими дискурсивными типами, обладает определенным набором специфических черт, отличающих его от других дискурсов, но в то же время является одной из дискурсивных сфер, формирующих общее национальное коммуникативное пространство, отражающее особенности менталитета, социокультурных установок, норм, ценностей [37].

Важно отметить, что МПД воплощает результат «не только интерференции политического и медийного дискурсов, но и гибридизации социально-коммуникативных признаков, свойственных, кроме названных исходных дискурсивных практик, электронной коммуникативной среде». МПД как разновидность дискурсивной практики отличается «скрещиванием, объединением и гармоничным слиянием социально-коммуникативных признаков политического и медийного дискурсов, таких как открытая социальная оценочность и «фрагментированная картина мира»». К гибридным признакам МПД можно отнести креолизованность, равностатусность партнеров, желательность контактов и экспрессивность, приобретенные МПД в электронной среде [38, с. 7].

Влияние сетевого МПД интенсифицируется с дальнейшим распространением цифровизации. Так, посты в блогах политических и общественных деятелей, журналистов становятся источником информации и эффективным инструментом воздействия на массовую аудиторию. Современные технологии оказывают влияние на функционирование традиционных СМИ и приводят к появлению новых видов медиа. Блогинг в медиаполитическом дискурсивном пространстве получает широкое распространение в силу своей доступности, гибкости, мультимедийности, а также персонализированности, определяющей востребованность исследований субъективной модальности в сетевом МПД [39].

О. Ф. Русакова рассматривает проблему виртуальной политической реальности, уточняя, что «с развитием информационной политической среды существенно увеличивается властный потенциал медиадискурса. Обладая силой виртуализации политической реальности, медиадискурс превращает политику в символический идеологический конструкт» [23, с. 67]. Виртуальная картина политической реальности представляет собой также и политическую медиареальность, во многом более привлекательную для аудитории, чем реальность политического опыта [23, с. 67]. К основным медийным конструктам, формирующим виртуальную политическую реальность, относятся события, новости и медиа-образы (имиджи) политических субъектов и институтов [23, с. 68]. Поскольку Интернет-дискурс характеризуется такими чертами, как мультимедийность, жанровая неоднородность, высокая интерактивность, гиперконтекстуальность очевиден более высокий уровень актуализации, оперативности и информативности сетевого МПД по сравнению с традиционными СМИ.

По мнению М. Г. Житарюк, новые медиа сочетают в себе три вида традиционных СМИ (печать, радио и телевидение) и, таким образом, в условиях политических изменений «творят современный культурный феномен на основе диалога между адресантом и адресатом с последующей заменой ролей» [40, с. 190]. Новые медиа дополняют традиционные медийные задачи образовательной, мобилизационной, адресно-ориентированной функциями [40, с. 189]. К свойствам интернет-коммуникации автор относит скорость доставки сообщений, высокую степень дублирования, массовость и мобильность, которые дают возможность выступить в роли журналиста не только профессионалу, но и любителю. Информация при этом становится достоянием общественности в доли секунды. Также в условиях сетевого МД трансформации подвергаются языковые символы, происходит сокращение лексического запаса, отмечается применение инвективов, нацеленных на упрощение восприятия, неограниченно используется жанр фоторепортажа [40, с. 190]. Т. Л. Каминская полагает, что блогеры участвуют в трансформации медиаполя, являясь источником информации и агентами продвижения медиа в социальных сетях, оказывая влияние на информационную картину дня. Онлайн-медиа обращаются к сотрудничеству с блогерами в различных проектах [41, с. 191].

Заключение. Многие исследователи в качестве основной функции медиаполитического дискурса выделяют конструирование в данном типе дискурса новой, параллельной политической реальности, что соответствует общему толкованию дискурса (в рамках функциональных подходов и, в частности, критического дискурс-анализа) как конструкта, обладающего созидательной силой и участвующего в конструировании социальной реальности. Можно говорить о формировании медиаполитической картины мира, конструируемой посредством трансляции определенных образов, смыслов, идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений. Принципиальная поликодовость и многоаспектность МПД создают предпосылки для исследования данного типа дискурса с точки зрения мультимодальности интеракции. Такой подход позволяет рассматривать МПД как комплексный многомерный феномен как на собственно лингвистическом, так и на лингвокогнитивном уровне дискурса, учитывая при этом различные когнитивные составляющие объемной медиополитической картины мира как промежуточного звена между социальной практикой и дискурсивными структурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сулина О. В. Политический медиадискурс как элемент дискурсивного пространства // Вестн. ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. 2014, № 1. С. 217–222.
2. Гунькова Д. Е. Дискурсивная личность американского политического комментатора-радиоведущего: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2022.
3. Степанова Н. В., Курганская Е. В. Медиаполитический дискурс: концепции и подходы к исследованию // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.
4. Орлова О. Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. 2020. № 7. С. 56–73. DOI: 10.17223/26188422/7/4.
5. Марьянчик В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2011.
6. Ремчукова Е. А., Апостолиди А. А. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 3. С. 651–668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
7. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Северный (Арктический) фед. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск, 2013.
8. Суханов Ю. Ю. Специфика политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 147–149.
9. Желтухина М. Р. О содержании дискурса масс-медиа // існик ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2007. № 11 (128). Ч. 1. С. 27–40.
10. Иванова С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. №1 (24). С. 29–33.
11. Ширяев Н. С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2017.
12. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
13. Липириди С. Х. Аксиологическое поле туристического дискурса (на материале английских неологизмов) // Известия ВГПУ. 2020, № 2. С. 206–212.
14. Марьянчик В. А. Аксиологический потенциал формы медиаполитического текста, реализация оценки в медиаполитическом дискурсе // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. 2015. Т. 14, № 6: Журналистика. С. 151–156.
15. Ефименко Т. Н. Реализация оценки в медиаполитическом дискурсе // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2019. N 5. С. 29–39. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39.
16. Желтухина М. Р. Современный медиадискурс и медиакультура воздействия // Верхневолжский филолог. вестник. 2016. № 4. С. 154–159.
17. Wodak R. The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean, 1st ed. London: Sage Publications Ltd, 2015. DOI: 10.4135/9781446270073.
18. Гришаева Л. И. Как в медиадискурсе информирование становится манипулированием // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (617). С. 179–190.
19. Исмаилова О. И. Языковые средства реализации деструктивных речевых стратегий в российском и британском медиаполитическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 54–59. DOI: 10.26170/pl19-03-06.
20. Добросклонская Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований // Язык и социальная динамика. 2014. № 14-1. С. 106–115.
21. Пескова Е. Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2 (16). С. 26–31.

22. Егорченкова Н. Б. Стратегический потенциал мультимодальной интеракции в медиа-политическом дискурсе // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2014. № 5 (31). С. 24–37.
23. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 65–76.
24. Якоба И. А. Моделирование воздействия механизмов поликодовости гимнов России и США // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71), № 1. С. 200–217.
25. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обамы: лингвокультурологический семиотический анализ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.
26. Данюшина Ю. В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / МГОУ. Москва, 2011.
27. Шань Ц. Мультимодальные средства речевого этикета в различных модусах русской и китайской коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / РУДН. Москва, 2024.
28. Stöckl H. Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state-of-the-art sketch // *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity* / Wildfeuer J. et al. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2019. P. 41–68.
29. Мультимодальность в коммуникативной ситуации / Ж. Е. Вавилова, А. Ф. Хусаинов, Д. Д. Якубова, А. В. Паркалов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (65). Ч. 1. С. 49–52.
30. Sebastian Junger & Ken Harbaugh – “Against All Enemies” & Protecting Democracy // *The Daily Show*. YouTube. 05.04.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QqE3dsgC4sE> (дата обращения: 22.09.2024).
31. Белоедова А. В., Кожемякин, Е. А. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // *Критика и семиотика*. 2022. № 2. С. 54–70. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-2-54-70.
32. Мультимодальность. Базовые принципы, способы исследования и методы анализа. Проблемно-ориентированное введение / И. С. Дегтева, Дж. Бейтман, Дж. Уилфред, Т. Хиппала // *МЕТОД*. 2019. № 9. С. 92–97.
33. Сорокина Ю. В. Понятие мультимодальности и вопросы анализа мультимодального лекционного дискурса // *Филол. науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10 (76), ч. 1. С. 168–170.
34. Филиппова Е. В. Специфика персонифицированного публичного выступления в коммуникативной среде интернета // *Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа*. 2014. № 3. С. 217–220.
35. Кленова Е. А. Языковая объективация жанра англоязычной сетевой кинорецензии: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2024.
36. Степанова Н. В. Перспективы критических исследований различных типов дискурса. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021.
37. Гриценко Л. М. Особенности виртуального дискурса // *Молодой ученый*. 2011. Т. 2, № 6 (29). С. 17–20.
38. Рясина М. А. Стратегии политического медиа-дискурса (на материале электронных СМИ ФРГ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарский гос. ун-т. Самара, 2014.
39. Ванько Т. Р. Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиа-дискурса // *Вестн. МГЛУ. Сер. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 3 (871). С. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39.
40. Житарюк М. Г. Социокультурные спектры новых медиа // *Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа*. 2014. № 3. С. 187–191.
41. Каминская Т. Л. Блогер как актер развития онлайн-журналистики // *Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа*. 2014. № 3. С. 191–193.

Информация об авторах.

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурсивный анализ, когнитивная лингвистика, стилистика, межкультурная коммуникация, теория перевода.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 24.09.2024; принята после рецензирования 30.10.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.

REFERENCES

1. Sulina, O.V. (2014), "Political mediadiskurs as an element of the discursive space", *Vestnik VSU. Ser. Philology. Journalism*, no. 1, pp. 217–222.
2. Gun'kov, D.E. (2022), "Discursive personality of an American political commentator and radio host", *UNECON*, SPb., RUS.
3. Stepanova, N.V. and Kurganskaia, E.V. (2024), "Mediapolitical Discourse: Concepts and Framework", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 86–99. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-86-99.
4. Orlova, O.G. (2020), "Genres of political media discourse", *Russian J. of Media Studies*, no. 7, pp. 56–73. DOI: 10.17223/26188422/7/4.
5. Maryanchik, V.A. (2011), *Media-politicheski tekst: stsenarii, normy, stereotipy* [Media and political text: scenarios, norms, stereotypes], Pomorskii un-t, Arkhangel'sk, RUS.
6. Remchukova, E.A. and Apostolidi, A.A. (2018), ""Small-format "news flow" mediatexts in the focus of linguistics: genre and language peculiarities"", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 9, no. 3, pp. 651–668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668.
7. Maryanchik, V.A. (2013), "Axiological structure of a media-political text (linguistic and stylistic aspect)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, NArFU, Arhangel'sk, RUS.
8. Sukhanov, Yu.Yu. (2017), "Specificity of political discourse", *Philology. Theory & Practice*, no. 5-1, pp. 147–149.
9. Zheltuhina, M.R. (2007), "About the content of mass media discourse", *Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka*, no. 11 (128), part 1, pp. 27–40.
10. Ivanova, S.V. (2008), "Political media discourse in the focus of linguo-cultural studies", *Political Linguistics*, no. 1 (24), pp. 29–33.
11. Shiryaev, N.S. (2017), "Communicative strategies for representing national identity in political media discourse", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Saratov, RUS.
12. Karasik, V.I. (2000), "About the types of discourse", *Yazykovaya lichnost : institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality : institutional and personal discourse], Peremena, Volgograd, RUS.
13. Lipiridi, S.H. (2020), "Axiological field of tourist discourse (based on the English neologisms)", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical Univ.*, no. 2, pp. 206–212.
14. Maryanchik, V.A. (2015), "Axiological potential of a media-political text`s form", *Vestnik NSU. Ser. History and Philology*, vol. 14, iss. 6: Zhurnalistika, pp. 151–156.
15. Efimenko, T.N. (2019), "Assessment manifestation in media and political discourse", *Bulletin of Moscow Region State Univ. Ser. Linguistics*, no. 5, pp. 29–39. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-5-29-39.
16. Zheltukhina, M.R. (2016), "Modern media discourse and media culture of influence", *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, no. 4, pp. 154–159.
17. Wodak, R. (2015), *The Politics of Fear. What Right-Wing Populist Discourses Mean*, Sage Publications Ltd, London, UK. DOI: 10.4135/9781446270073.

18. Grishaeva, L.I. (2015), "How does informing turn into manipulating in media discourse?", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, no. 6 (617), pp. 179–190.
19. Ismailova, O.I. (2019), "Linguistic means of realization of destructive speech strategies in Russian and British political media discourse", *Political Linguistics*, no. 3 (75), pp. 54–59. DOI: 10.26170/pl19-03-06.
20. Dobrosklonskaya, T.G. (2014), "Political media discourse within the context of discourse studies", *Yazyk i sotsial'naya dinamika*, no. 14-1, pp. 106–115.
21. Peskova, E.N. (2015), "Media communication and media discourse: approaches to the definition, structure and function", *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, no. 2 (16), pp. 26–31.
22. Egorchenkova, N.B. (2014), "Strategic potential of multimodal interaction in media-political discourse", *Tomsk State Univ. Ser. Philology*, no. 5 (31), pp. 24–37.
23. Rusakova, O.F. and Gribovod, E.G. (2014), "Political media discourse and the mediatization of Politics as concepts of Political Communication", *Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS*, vol. 14, iss. 4, pp. 65–76.
24. Jakoba, I.A. (2019), "The Russian and the USA anthems multimodality mechanisms modelling", *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal Univ. Philological sciences*, vol. 5 (71), no. 1, pp. 200–217.
25. Saduov, R.T. (2012), *Fenomen politicheskogo diskursa Baraka H. Obamy: lingvokul'turologicheskii i semioticheskii analiz* [The phenomenon of political discourse by Barack H. Obama: linguistic and cultural semiotic analysis], RIC BashSU, Ufa, RUS.
26. Danyushina, Yu.V. (2011), "Multilevel analysis of English-language online business discourse", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, MSOU, Moscow, RUS.
27. Shan', C. (2024), "Multimodal means of speech etiquette in various modes of Russian and Chinese communication", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, RUDN, Moscow, RUS.
28. Stöckl, H. (2019), "Linguistic multimodality – multimodal linguistics: A state-of-the-art sketch", *Multimodality: Disciplinary Thoughts and the Challenge of Diversity*, Wildfeuer, J. et al. (eds.), De Gruyter. Berlin, GER. P. 41–68.
29. Vavilova, Zh.E., Khusainov, A.F., Yakubova, D.D. and Parkalov, A.V. (2016), "Multimodality in communicative situation", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*, no. 3 (65), part 1, pp. 49–52.
30. Sebastian Junger & Ken Harbaugh – "Against All Enemies" & Protecting Democracy"" (2024), *The Daily Show. YouTube*. 05.04.2024, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=QqE3dsgC4sE> (accessed 03.05.2024).
31. Beloedova, A.V. and Kozhemyakin, E.A. (2022), "Multimodal Communication in the Focus of Research Reflection: a Problem-Oriented", *Critique and Semiotics*, no. 2, pp. 54–70. DOI: 10.25205/2307-1737-2022-2-54-70.
32. Degteva, I.S., Bateman J., Wildfeuer J. and Hiippala, T. (2019). "Multimodality: Foundations, Research and Analysis – A Problem-Oriented Introduction", *Method*, no. 9, pp. 92–97.
33. Sorokina, Yu.V. (2017), "Notion of multimodality and issues of multimodal lecture discourse analysis", *Philology. Theory & Practice*, no. 10 (76), part 1, pp.168–170.
34. Filippova, E.V. (2014), "Specifics of personalized public speaking in the communicative environment of the Internet", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 217–220.
35. Klenova, E.A. (2024), "Language Objectivation of the English Genre Network Film Review", UNECON, SPb., RUS.
36. Stepanova, N.V. (2021), *Perspektivy kriticheskikh issledovaniy razlichnykh tipov diskursa* [Prospects for critical studies of different types of discourse], ETU Publishing house, SPb., RUS.
37. Gritsenko, L.M. (2011), "Features Of Virtual Discourse", *Young Scientist*, no. 6 (29), vol. 2, pp. 17–20.
38. Ryasina, M.A. (2014), "Strategies of political media discourse (based on the material of electronic media in Germany)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Samara, RUS.
39. Vanko, T.R. (2023), "Realization of Subjective Modality in the Syntax of Political Online Media Discourse", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Ser. Humanities*, iss. 3 (871), pp. 39–45. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_3_871_39.

40. Zhitaryuk, M.G. (2014), "Sociocultural spectra of new media", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 187–191.

41. Kaminskaya, T.L. (2014), "Blogger as an actor in the development of online journalism", *Media Linguistics*, no. 3, pp. 191–193.

Information about the author.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology, 2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, intercultural (cross-cultural) communication, translation theory.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 24.09.2024; adopted after review 30.10.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-155-165>

Модели речевого поведения субъекта в ситуации возражения (на примере англоязычного научного дискурса)

Марина Юрьевна Миронова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Введение. Изучение коммуникативных процессов представляет собой чрезвычайно интересную тему, поскольку дает возможность понять и представить закономерности функционирования конкретного языка как живого социального организма. В статье представлены результаты исследования речевого поведения субъекта англоязычного научного дискурса в ситуации возражения против существующего научного знания. Возражение рассматривается в качестве ведущей коммуникативной стратегии адресанта в случае несогласованности позиций. Автор статьи исходит из положения о том, что в сознании адресанта хранятся ситуационные модели, опираясь на которые он планирует свое речевое поведение в конкретной ситуации общения.

Методология и источники. В работе использовалась комплексная методика, включающая общенаучные (анализ, систематизация, моделирование) и частные лингвистические методы (контекстуальный и интерпретативный анализ). Материалом исследования послужили англоязычные научные статьи 1931–2006 гг., размещенные на платформе научной литературы Semantic Scholar. Анализировались статьи, относящиеся к разным сферам науки (экономика, экология, лингвистика, биология, медицина и др.), что дает возможность показать универсальность применяемых тактик и приемов. Методом сплошной выборки были отобраны фрагменты, содержащие оппозиционную и/или альтернативную точку зрения относительно существующего положения вещей.

Результаты и обсуждение. Выявлено, что при реализации коммуникативной стратегии возражения субъект дискурса прибегает к совокупности тактик и приемов. Определены языковые средства их объективации. Установлено, что речевым действиям возражающего присуща определенная последовательность. Предложены алгоритмические модели речевого поведения субъекта англоязычного дискурса в ситуации возражения.

Заключение. При вербализации противоположного и/или альтернативного мнения участники дискурсивного события возражения прибегают к схожим коммуникативным действиям. Выбор коммуникативных действий и языковых средств их объективации определяется необходимостью соответствовать нормам институционального общения.

Ключевые слова: научный дискурс, речевое поведение, возражение, стратегия, тактика, модель

Для цитирования: Миронова М. Ю. Модели речевого поведения субъекта в ситуации возражения (на примере англоязычного научного дискурса) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 155–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-155-165.

© Миронова М. Ю., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Models of the Person's Speech Behavior in a Situation of Objection (by the Example of English Scientific Discourse)

Marina Yu. Mironova

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Introduction. The article presents the results of a study of the speech behavior of the person in a situation of objection. Objection is considered to be a leading communicative strategy in case of inconsistency of positions. The author of the article believes that situational models are stored in the addressee's mind, and he plans his speech behavior according to them.

Methodology and sources. A comprehensive methodology was used, including general scientific (analysis, systematization, modeling) and specific linguistic methods (contextual analysis, interpretative analysis). The research material includes English-language scientific articles dated 1931–2006 and posted on the Semantic Scholar scientific literature platform. The articles relate to various fields of science (economics, ecology, linguistics, biology, medicine, etc.), so it is possible to show the universality of the tactics and techniques used. The fragments containing an opposite and/or alternative point of view about the present knowledge were selected using a continuous sampling method.

Results and discussion. It has been determined that when implementing the communicative strategy of objection, a person tends to use a set of tactics and techniques. The linguistic means of their objectification are defined. It has been established that the speech actions of the objector are usually organized in a certain order. Typical models of speech behavior in the situation of objection are proposed.

Conclusion. When expressing an opposite and/or alternative opinion, participants resort to similar communicative actions. The choice and linguistic means of their objectification are determined by the need to comply with the norms of institutional communication.

Keywords: scientific discourse, speech behavior, objection, strategy, tactics, model

For citation: Mironova, M.Yu. (2025), "Models of the Person's Speech Behavior in a Situation of Objection (by the Example of English Scientific Discourse)", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 155–165. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-155-165 (Russia).

Введение. Научная коммуникация не раз становилась предметом изучения отечественных и зарубежных лингвистов. В фокусе внимания ученых оказывались аксиологические характеристики научного текста [1–3] и др., структурно-содержательные [4–6] и др. и культурно-обусловленные особенности [7–11; 5] и др., дискурсивные маркеры [12], стратегии и тактики [13–16], моральные ценности [17].

Тем не менее неослабевающий интерес к тематике научного дискурса сохраняется и по сей день, что подтверждает ее важность для развития академической науки и обуславливает актуальность исследований в данной сфере. Актуальность работы подтверждается и антропоцентрическим характером современной лингвистической парадигмы, в которой центральное место занимают проблемы, связанные с особенностями восприятия мира человеком, вопросы взаимодействия участников коммуникации и влияния результатов этого взаимодействия на текстообразование.

Несмотря на то, что отдельные стороны научной коммуникации были рассмотрены в указанных ранее работах, малоизученными остаются особенности речевого поведения англоязычного адресанта, придерживающегося альтернативной и/или противоположной точки зрения. Данный факт подтверждает новизну предлагаемого исследования, которая заключается в моделировании типичного для англоязычной культуры поведения субъекта письменного научного дискурса в коммуникативной ситуации возражения.

Для успешного выдвижения иной точки зрения в научном общении необходимо выполнение субъектом следующих условий: обладание определенными представлениями о положении вещей; осознание несоответствия объекта оценки этим представлениям; желание скорректировать мнение адресата; осуществление выбора языковых средств для реализации такого желания в соответствии с существующими нормами.

Все сказанное позволяет поставить вопрос о дискурсивных механизмах языкового воплощения возражения и определяет цель настоящего исследования – на основе анализа языкового материала описать особенности речевого поведения субъекта англоязычного научного дискурса при вербализации противоположного и/или альтернативного мнения. В исследовании мы исходим из гипотезы, что в ликоугрожающей ситуации несогласованности позиций речевой выбор адресанта детерминирован особенностями менталитета и нормами институционального общения.

Объектом рассмотрения выступает стратегия возражения в научном полемическом общении. Предметом изучения являются языковые средства ее реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить тактики и приемы, к которым прибегает субъект дискурса, высказывая возражение; 2) выявить языковые средства их объективации; 3) построить модель/модели речевого поведения субъекта при реализации стратегии возражения.

Методология и источники. Научная коммуникация предполагает не только обмен информацией о научных открытиях, но критическое осмысление существующих положений. Критический анализ научных идей является неотъемлемым компонентом процесса познания, поскольку позволяет проверить положения на наличие недостатков или ошибок [9], стимулирует развитие и углубление научных концепций, ведет к истине. Результатом критического осмысления может стать непринятие субъектом высказанной ранее точки зрения и желание возразить оппоненту-исследователю. Таким образом, коммуникативную цель (стратегию) ученого в ситуации возражения можно определить следующим образом: высказаться против нынешнего знания и предложить альтернативный, более правильный, по мнению адресанта, научный взгляд на существующее положение вещей с целью изменить мнение адресата о нем.

Коммуникативная стратегия – это совокупность теоретических ходов, планируемых говорящим заранее. Стратегия реализуется в речи посредством коммуникативных тактик – одного или нескольких практических ходов, осуществляемых в условиях реального речевого взаимодействия [18].

Анализ фрагментов научных текстов, в которых вербализуется противоположное и/или альтернативное мнение, показал, что в ситуации несовпадения мнений адресант реализует **стратегию возражения**. Под возражением понимается речевое действие, которое исполь-

зуется «для выражения противоположного или альтернативного мнения, обладает специфическим набором условий успешности и реализуется в рамках целостного дискурсивного события» [19, с. 13–14].

Согласно существующим исследованиям, несмотря на существующие в английском языке специализированные языковые средства с семантикой возражения, противопоставление собственного мнения чужому гораздо чаще осуществляется в дискурсе через такие виды коммуникативных действий, как несогласие, сомнение, недоверие, отрицательная оценка [19, 20].

Оценка в научном тексте имеет большую значимость, поскольку процесс выработки новых теорий невозможен без оценки имеющегося знания и обнаружения недостатков [1]. Так, в научных произведениях **тактика оценивания** выступает имплицитным способом выражения возражения и реализуется через **прием экспликации отрицательной характеристики объекта**.

Прием экспликации отрицательной характеристики объекта заключается в указании на его негативные характеристики и объективируется отрицательно оценочными единицами (*incorrect/неверный, false/ложный, wrong/неправильный, untrue/ложный, неистинный, mistake/ошибка, disadvantage/недостаток, shortcomings/недостатки* и др.), а также нейтральными в оценочном плане языковыми единицами, отрицательная оценочность которых актуализируется в контексте (*incomplete/неполный, limitations/ограничения, weakened/ослабленный*).

Другой тактикой, реализующей стратегию возражения, является **тактика сомнения**, объективируемая в англоязычном научном дискурсе лексическими единицами с семантикой сомнения (*to doubt/подвергать сомнению, doubtful/сомнительный, be not sure/быть неуверенным* и др.) и предикатами возможности (*unlikely/маловероятно, hardly/вряд ли* и др.). Сомнение проявляется в ситуации сопоставления старого и нового знания, когда результаты, полученные в ходе новых исследований, не подтвердили существующие положения.

Так, в приводимом далее фрагменте научного произведения автор подвергает сомнению истинность существующих научных взглядов, тем самым возражая против их безошибочности: *Mr. Ford refers to these transmutations as “chromosome abnormalities”; but it is **questionable** whether one is justified in regarding them as abnormalities <...> / Мистер Форд называет эти превращения «хромосомными аномалиями»; но **сомнительно**, насколько оправданно считать их аномалиями <...>¹.*

Возражение может быть донесено до адресата при помощи **тактики сравнения**, заключающейся в противопоставлении автором нового знания старому. Цель сравнения – подчеркнуть достоинства нового знания и посеять сомнения в объективности существующего. В англоязычном научном дискурсе тактика сравнения объективируется лексическими единицами *different/другой, отличный, to differ/отличаться* и прилагательными в форме сравнительной степени, а также проявляется в оппозициях «*больше–меньше*», «*earlier–present*»/«*раньше–сейчас*», «*свой–чужой*», конструкциях с *although/хотя, but/но*. Так, из представленного далее примера очевидно, что автор считает результаты нового знания более правильными, имплицитно тем самым возражая против положений нынешнего знания.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

*Gaensler (1950) showed that patients with clinical evidence of airway obstruction had consistently reduced ratios of F.E.V.₁/F.V.C. In this present study a wide range of normal values was adopted (Engstrom et al. (1959) and there was less agreement between severe symptomatology and reduced ratios than Gaensler suggests. This is seen particularly in the fact that only one of the six children with an audible wheeze at examination had a lowered ratio (Tables II and III). / Gaensler (1950) показал, что у пациентов с клиническими признаками обструкции дыхательных путей соотношение F.E.V.₁/F.V.C. постоянно снижалось. В настоящем исследовании был принят широкий диапазон нормальных значений (Engstrom et al. (1959), и было обнаружено **меньшее** соответствие между выраженной симптоматикой и сниженным коэффициентом, **чем предполагает Генслер**. Это видно, в частности, из того факта, что только у одного из шести детей, у которых при осмотре были слышны хрипы, был снижен коэффициент (таблицы II и III).*

Помимо основной интенции – выразить возражение, адресант преследует цель второго порядка – осуществить языковую реализацию коммуникативного намерения таким образом, чтобы тональность общения соответствовала нормам ожидания адресата. Эта цель может быть достигнута при помощи **тактики вежливости**.

С позиций прагматической теории вежливым считается такое поведение, которое отвечает подсознательным ожиданиям участников общения [21]. В англоязычной культуре, ориентированной в большей степени на «негативную вежливость» (избегание прямого вмешательства в личную сферу адресата и коммуникативного давления при вынесении оценочных суждений), прямолинейное выражение возражения и критики, безусловно, приведет к коммуникативной неудаче и создаст угрозу «лицу» говорящего как человеку, не соблюдающему нормы общения. «Ликоугрожающие» речевые акты в коммуникативной ситуации возражения требуют от коммуникантов применения тактики вежливости, позволяющей митигировать угрозу взаимоотношениям и компенсировать нанесенный ущерб. Таким образом, вежливость трактуется в данной работе как набор речевых действий/приемов/коммуникативных ходов, которые устанавливаются социально-обусловленными нормами речевого поведения в рамках определенного института.

В ходе анализа англоязычных научных произведений было установлено, что для соблюдения социального равновесия в «ликоущемляющей» ситуации возражения адресанты предпринимают схожие речевые действия, которые, на основании их функции мы объединили в следующие группы: **тактические приемы смягчения** и **тактические приемы формирования положительного эмоционального настроения**. Смягчение снижает категоричность критических суждений, сокращая интеракционные риски в потенциально конфликтной ситуации возражения. Тактика формирования положительного эмоционального настроения применяется для создания атмосферы кооперации. В наших предыдущих работах мы выявили, что смягчение осуществляется при помощи следующих коммуникативных ходов: субъективация оценки, выражение сомнения, смещение акцента, косвенное выражение мнения, рекомендация, сожаление, оправдание, уклонение от собственной оценки. Тактика формирования положительного эмоционального настроения реализуется через такие приемы, как комплиментирование и проявление уважения [22].

Выполненный анализ показал, что в ситуации, когда участник общения вынужден совершить ликоугрожающее действие, он, как правило, информирует адресата о причинах

Модели речевого поведения субъекта в ситуации возражения (на примере англоязычного научного... 159
Models of the Person's Speech Behavior in a Situation of Objection (by the Example of English Scientific...

возражения, прибегая к приведению объяснений и доказательств. Этот факт позволяет выделить **тактику аргументации** и обозначить ее роль в реализации глобальной коммуникативной цели. Выявленные примеры обращения адресанта к аргументации свидетельствуют о том, что обоснование научных идей является нормой ожидания у участников полемической коммуникации. Рассмотрим фрагмент научного произведения, содержащий возражение против истинности существующего научного знания и обоснование его ошибочности (фрагмент аргументации выделен подчеркиванием).

*Up to now many authors have suggested that the most likely cause of changelessness is some sort of stabilizing or balancing selection, an argument prompted perhaps by a Victorian view of society in which everyone knows their place. This **seems erroneous because in every habitat there is room for organisms that, by one means or another, can do better than those that are there already.*** / До сих пор многие авторы предполагали, что наиболее вероятной причиной неизменности является своего рода стабилизирующий или уравнивающий отбор, аргумент, вызванный, возможно, викторианским взглядом на общество, в котором каждый знает свое место. Это **кажется ошибочным, потому что в каждой среде обитания есть место для организмов, которые тем или иным способом могут преуспеть лучше, чем те, которые там уже есть.**

Из приведенного примера видно, что, указывая на недостатки старого знания и возражая против его безошибочности, адресант подкрепляет свое мнение аргументами.

Исследователи, занимающиеся изучением жанровой специфики институционального дискурса, отмечают свойственные ему набор типичных речевых действий [16] и алгоритмизированную последовательность языковых ходов [23], обусловленные авторской интенцией и способствующие наиболее корректной реализации смысла. Изучение речевых примеров коммуникативного поведения субъекта письменного англоязычного научного дискурса позволило установить, что при реализации стратегии возражения адресанты применяют схожие речевые действия. Нами была предпринята попытка моделирования ситуаций реализации стратегии возражения в письменном научном дискурсе. Рассмотрим одну из возможных моделей.

Unfortunately (1), many investigators have used the levels of molecular variation in populations to provide information about the evolutionary state and potential of organisms. Although such information can give useful understanding (2) of the mechanisms and rates of generation of variation, it is likely (3) to be misleading (4) on the matter of evolutionary potential. The variation that is critical to study is that which is appropriate to the environmental conditions pertaining, in other words the variation that has positive and additive effects on the survival and fecundity, the reproductive success, of the species being studied (5). / К сожалению (1), многие исследователи использовали уровни молекулярной изменчивости в популяциях для получения информации об эволюционном состоянии и потенциале организмов. Хотя такая информация **может дать полезное представление (2) о механизмах и темпах генерации вариаций, она, вероятно (3), вводит в заблуждение (4) относительно эволюционного потенциала. Вариация, которая имеет решающее значение для изучения, – это та, которая соответствует условиям окружающей среды, другими словами, вариация, которая оказывает положительное и дополняющее влияние на выживание и плодовитость, репродуктивный успех изучаемого вида (5).**

Анализ последовательности коммуникативных ходов позволяет выявить особенности в развитии этого повествования. На первом этапе дискурсивного развертывания отправитель сообщения прибегает к тактике вежливости, которая реализуется комплексом приемов, направленных на митигирование ликоугрожающего эффекта, а именно: прием «выражение сожаления», объективируемый вводным *unfortunately* (1), прием «комплиментирование», объективируемый фразой *can give useful understanding* (2) с положительно оценочной единицей *useful* и прием «выражение сомнения в истинности собственных взглядов», объективируемый предикатом возможности *likely* (3), выполняющим роль деинтенсификатора при отрицательно оценочной лексеме *misleading*. Речевые акты комплиментирования, сожаления и сомнения являются поддерживающими в представленном фрагменте и формируют подготовительный этап возражения. Применение комплекса схожих по функции тактических приемов в небольшом по объему отрывке обусловлено, как нам кажется, следующим. Поскольку в монологической речи не возможно проследить перлокутивные эффекты, которые свидетельствовали бы об успехе либо неудаче использования речевой тактики, отправитель сообщения стремится прогнозировать возможные последствия речевых действий и планировать последовательность коммуникативных ходов таким образом, чтобы предотвратить коммуникативную неудачу. Это особенно значимо в ситуации возражения как ситуации повышенного риска. На втором этапе дискурсивного развертывания реализуется стратегия возражения. Автор высказывает возражение косвенно, через прием «экспликация отрицательной характеристики объекта» с вербализацией при помощи отрицательно оценочной единицы *misleading* (4). Указание на то, что научное знание вводит в заблуждение, может рассматриваться как возражение против его безошибочности. На заключительном, третьем этапе, вводится обоснование альтернативного мнения (5), т. е. реализуется тактика аргументации.

Таким образом, в проанализированном фрагменте актуализирована следующая модель речевого поведения в ситуации возражения:

Тактика вежливости (прием «сожаление» + прием «комплиментирование» + прием «сомнение») + Стратегия возражения (тактика оценивания) + Тактика аргументации.

В естественной коммуникации трудно представить ситуацию, когда поставленную цель можно достичь с помощью единственного способа обращения к адресату. Речевое поведение вариативно и допускает несколько вариантов (ходов) решения коммуникативной задачи. В результате анализа 30 англоязычных научных статей нами были выявлены закономерности следования коммуникативных ходов при реализации стратегии возражения. Полученные данные позволили выделить несколько моделей речевого поведения субъекта, которые в обобщенном виде можно представить следующим образом:

- **стратегия возражения** + тактика аргументации;
- тактика вежливости + **стратегия возражения** + тактика аргументации;
- тактика аргументации + тактика вежливости + **стратегия возражения**;
- тактика аргументации + **стратегия возражения**.

Как видно из представленных моделей, аргументация может предшествовать возражению, либо следовать за ним, в зависимости от того, какой сценарий развертывания коммуникативного события возражения выбрал адресант. Что касается тактики вежливости, адре-

санты, как правило, прибегают к её реализации до того, как высказать возражение. Это обусловлено установкой на кооперативное взаимодействие. Возможно использование тактических приемов вежливости в комплексе – до и после возражения.

Анализ эмпирической базы исследования показал, что выражение противоположного и/или альтернативного мнения происходит в англоязычном научном дискурсе по определенной схеме поэтапного дискурсивного развертывания с необходимым для рассматриваемого дискурсивного события набором языковых ходов и закрепленным порядком следования. Каждый языковой элемент композиции полемического высказывания выполняет определенные тактические задачи.

Заключение. В результате анализа были сделаны следующие выводы:

1. В англоязычном научном дискурсе возражение может реализовываться эксплицитно и имплицитно. Определено, что имплицитными способами высказывания возражения выступают тактика оценивания, тактика сомнения и тактика сравнения.

2. Определено, что в основе речевого поведения возражающего лежат тактика вежливости и тактика аргументации, способствующие адекватному осуществлению основного коммуникативного намерения.

3. Показано, что дискурсивное событие возражения отличается определённым сценарием развертывания со специфическим для него набором коммуникативных ходов. Предложены следующие модели речевого поведения субъекта научного дискурса при высказывании возражения: 1) стратегия возражения + тактика аргументации; 2) тактика вежливости + стратегия возражения + тактика аргументации; 3) тактика аргументации + тактика вежливости + стратегия возражения; 4) тактика аргументации + стратегия возражения. Модели задаются целевыми установками отправителя сообщения, который преследует достижение следующих целей: 1) высказать возражение; 2) сохранить лицо; 3) аргументировать альтернативную точку зрения. Названными целями мотивируется композиция модели.

Анализ речевого поведения субъекта англоязычного научного дискурса в ситуации возражения позволил получить ответ на вопрос о том, как функционируют языковые средства и каким целям адресанта они подчиняются, какими принципами руководствуется адресант при выборе той или иной языковой структуры. Выявленные в результате анализа тактики и языковые способы, а также последовательность коммуникативных ходов свидетельствуют об установке адресанта на вежливое и обоснованное выражение альтернативного научного взгляда.

Ближайшей перспективой исследования видится изучение моделей реализации стратегии возражения в диахроническом разрезе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аскиологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук / Ур. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2006.
2. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015.
3. Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 15–17 окт. 2019 г. / УрФУ. Екатеринбург, 2019. С. 13–14.

4. Чернявская В. Е. Научный дискурс: выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: ЛЕНАНД, 2017.

5. Кузьменко П. Б. Структурно-содержательная организация гуманитарного научного текста на английском языке (на материале публикаций по лингвистике): дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2020.

6. Науменко Ю. Н. Маркеры научных категорий исследования: сопоставительный анализ способов вербализации: дис. ... канд. филол. наук / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2021.

7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

8. Соловьева Н. В. Толерантность научной дискуссии: лингвостилистический аспект (на материале текстов научных дискуссий 1950–2000-х гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2008.

9. Соловьева Н. В. О культуре научной дискуссии или о мере «допустимого» в критических статьях // Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 13 ноября 2015 г. / Изд-во Прикамского соц. ин-та, Пермь, 2015. С. 116–125.

10. Копыл Д. А. Современный англоязычный научный дискурс: коммуникативно-прагматический потенциал убеждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Юж. федер. ун-т, Ростов-на-Дону, 2013.

11. Бурмакина Н. Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингвист. ун-т. Москва, 2014.

12. Марюхин А. П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. Москва, 2010.

13. Маслова Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. лингв. ун-т. Москва, 2007.

14. Занина Е. Л. Стратегические маркеры коммуникативного смягчения в русскоязычном и англоязычном письменном научном дискурсе: контрастивный анализ части «Выводы» (на примере статей по менеджменту) // Вестн. ЦМО МГУ. Сер. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 3. С. 14–21.

15. Хомутова Т. Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2015. Т. 12, № 3. С. 15–22.

16. Сухомлинова М. А. Дискурсивные жанры академической коммуникации: лингвостилистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Адыг. гос. ун-т. Ростов н/Д., 2023.

17. Нохрин А. В. Вербализация моральных ценностей в научном экологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Челябинск, 2019.

18. Issers O. S., Gerasimova A. S. Specific features of assessment communicative strategy in an American and Russian entertaining TV-shows // J. of Siberian Federal Univ. Humanities & Social Sciences. 2022. № 15 (11). P. 1598–1608. DOI: 10.17516/1997-1370-0939.

19. Кунаева Н. В. Дискурсивный анализ высказываний в ситуации возражения: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2009.

20. Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 94–108.

21. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002.

22. Миронова М. Ю. Реализация стратегии вежливости в полемической научной коммуникации // Современная филологическая наука: достижения и инновации: сб. материалов Междунар. симпозиума. Иваново, 23–25 мая 2024 г. / Иван. гос. ун-т. Иваново, 2024. С. 323–327.

23. Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса: на материале устных дидактических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Перм. гос. ун-т. Нижний Тагил, 2007.

Информация об авторе.

Миронова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук (2019), доцент (2022), кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литера А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 56 научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурс, лингвокультурология, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.11.2024; принята после рецензирования 10.12.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Danilevskaya, N.V. (2006), "Alternation of old and new knowledge as a mechanism for the deployment of a scientific text (axiological aspect)", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Ural State Ped. Univ., Ekaterinburg, RUS.
2. Karasik, V.I. (2015), *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [The language spiral: values, signs, motives], Paradigma, Volgograd, RUS.
3. Bazhenova, E.A. (2019), "The axiological space of a scientific text", *Axiological aspects of modern philological research, Int. Sci. Conf.*, Ekaterinburg, RUS, 15–17 Oct. 2019, pp. 13–14.
4. Chernyavskaya, V.E. (2017), *Nauchnyi diskurs: Vydvizhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykovaya problema* [Scientific discourse: The promotion of results as a communicative and linguistic problem], LENAND, Moscow, RUS.
5. Kuz'menko, P.B. (2020), "Structural and content organization of a humanitarian scientific text in English (based on publications on linguistics)", Can. Sci. (Philology) Thesis, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.
6. Naumenko, Yu.N. (2021), "Markers of scientific research categories: comparative analysis of verbalization methods", Can. Sci. (Philology) Thesis, Tver State Univ., Tver, RUS.
7. Karasik, V.I. (2000), "About the types of discourse", *Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse], Peremena, Volgograd, RUS, pp. 5–20.
8. Solov'eva, N.V. (2008), "Tolerance of scientific discussion: linguistic and stylistic aspect: (by the texts of scientific discussions of the 1950s - 2000s)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Ural Fed. Univ., Ekaterinburg, RUS.
9. Solov'eva, N.V. (2015), "About the culture of scientific discussion or about the measure of "permissible" in critiques", *Language tolerance as a factor of the effectiveness of language policy, Int. Sci. and Practical Conf.*, Perm, RUS, 13 Nov. 2015, pp. 116–125.
10. Kopyl, D.A. (2013), "Modern English-language scientific discourse: the communicative and pragmatic potential of persuasion", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, South Federal Univ., Rostov-on-Don, RUS.
11. Burmakina, N.G. (2014), "Discursive-integrative and cultural-conventional characteristics of academic communication", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow State Ling. Univ., Moscow, RUS.
12. Maryukhin, A.P. (2010), "Indirect communication in scientific discourse (by the material of Russian, English, German)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RUS.
13. Maslova, L.N. (2007), "Expression of consent/disagreement in oral scientific communication: gender aspect", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow State Ling. Univ., Moscow, RUS.

14. Zanina, E.L. (2015), "Strategic markers of hedging in Russian-language and English-language written academic discourse: a contrastive analysis of the 'conclusion' section (the case of articles on management)", *Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Ser. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology*, no. 3, pp. 14–21.

15. Khomutova, T.N. (2015), "Strategies of research discourse: an integral approach", *Bulletin of the South Ural State Univ. Ser. Linguistics*, vol. 12, no. 3, pp. 15–22.

16. Sukhomlinova, M.A. (2023), "Discursive genres of academic communication: linguistic and stylistic aspect", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Adyge State Univ., Rostov-on-Don, RUS.

17. Nokhrin, A.V. (2019), "Verbalization of moral values in scientific ecological discourse", Can. Sci. (Philology) Thesis, South Ural State Univ., Chelyabinsk, RUS.

18. Issers, O.S. and Gerasimova, A.S. (2022), "Specific features of assessment communicative strategy in an American and Russian entertaining TV-shows", *J. of Siberian Federal Univ. Humanities & Social Sciences*, no. 15 (11), pp. 1598–1608.

19. Kunaeva, N.V. (2009), "Discursive analysis of statements in a situation of objection: by the material of the English language", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.

20. Duskaeva, L.R. (2022), "Speech practice objections in the text formation of popular science media communication", *Dialog-spor v nauchno-populyarnoi kommunikatsii* [Dialogue-dispute in popular science communication]. In Duskaeva, L.R. (ed.), *Mediapapir*, SPb., RUS, pp.94–108.

21. Tsurikova, L.V. (2002), "The problem of discourse naturalness in intercultural communication", Dr. Sci. (Philology) Thesis, Voronezh State Univ., Voronezh, RUS.

22. Mironova, M.Yu. (2024), "Implementation of the politeness strategy in polemical scientific communication", *Modern philological science: achievements and innovations, Int. Symposium*, Ivanovo, RUS, 23–25 May 2024, pp. 323–327.

23. Oleshkov, M.Yu. (2007), "Systemic modeling of institutional discourse: based on the material of oral didactic texts", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Perm' State Univ., Nizhnii Tagil, RUS.

Information about the author.

Marina Yu. Mironova – Can. Sci. (Philology, 2019), Docent (2022), Associate Professor at the English Language Department № 2, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 56 scientific publications. Area of expertise: discourse studies, cross-cultural studies, corpus linguistics.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.11.2024; adopted after review 10.12.2024; published online 20.02.2025.

Оригинальная статья

УДК 81'44

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-1-166-175>

Героический дискурс в контексте перевода англоязычных сказок (на примере произведений Дж. Р. Киплинга)

Ольга Викторовна Атаманова

*Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия,
ataman772@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8736-4277>*

Введение. В статье обсуждается героическая тема в контексте сказок Новейшего времени. Актуальность такого исследования обусловлена актуальностью самого понятия «героизм», которое в разные времена представлялось по-разному. Рассмотрены семантические особенности понятия «герой» в древних памятниках литературы и в произведениях более поздних. Обсуждается вопрос, как с течением времени трансформировалось это понятие – от мифологизированной монументальности героя волшебной сказки до простоты и повседневности персонажей сказок более позднего периода, сюжеты которых могут быть основаны на реальных событиях, не связанных с волшебством.

Методология и источники. Основным методом исследования является метод сопоставительного анализа текстов. При этом сопоставляются оригинальные тексты и тексты перевода. В качестве источников использованы тексты сказок Дж. Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» и «Слоновый Тумай», а также тексты переводов, выполненных К. И. Чуковским и М. И. Клягиной-Кондратьевой.

Результаты и обсуждение. По итогам исследования представлены примеры семантических средств, дающих возможность адаптировать оригинальные произведения Киплинга об Индии, опубликованные в Лондоне в 1890-х гг. для читателя, не знакомого с реалиями далекой южной страны. Также анализируются некоторые языковые средства автора, ориентированные на детскую аудиторию Викторианской эпохи Англии. Выполнен сопоставительный анализ характерных фрагментов текстов оригиналов и переводов сказок. Обсуждены особенности дискурса первой половины прошлого века в СССР, когда переводы сказок Киплинга были выполнены и опубликованы, актуальность героической темы для этого исторического периода, а также различные средства языка, которые, на наш взгляд, могли способствовать успешному взаимодействию с целевой, преимущественно детской, читательской аудиторией.

Заключение. На основании исследования можно сделать вывод, что особенности дискурса в контексте того исторического периода, когда сказки Киплинга были переведены на русский язык, оказались весьма благоприятными. Благодаря искусству переводчиков, а также подходящим историческим условиям, сказки нашли своего читателя. Более того, эти сказки, как и другие произведения Дж. Р. Киплинга, остаются популярными и сегодня.

Ключевые слова: героический дискурс, художественная проза, поэзия, сказка, художественный перевод, стихотворный перевод, сопоставительный анализ текстов

Для цитирования: Атаманова О. В. Героический дискурс в контексте перевода англоязычных сказок (на примере произведений Дж. Р. Киплинга) // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 1. С. 166–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-166-175.

© Атаманова О. В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Heroic Discourse in the Context of Translating English-Language Fairy Tales into Russian (J.R. Kipling's Works Used as the Example)

Olga V. Atamanova

*Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St Petersburg, Russia,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8736-4277>*

Introduction. The article discusses the “heroic” theme in the context of Modern fairy tales. The relevance of this study is related to the relevance of the very concept of heroism, which was different at various times. The semantic features of “hero” concept in the ancient literary monuments and in the later works is examined hereafter. Also discussed the question on how this concept has transformed over the time, from the mythologized monumentality of a fairy saga hero to the simplicity and everyday life characters of Modern Times epoch fairy tales, the plots of which rather can be based on real events unrelated to magic.

Methodology and sources. The method of comparative analysis is the main tool used hereafter. As the examples, J.R. Kipling's fairy tales “Rikki-Tikki-Tavi” and “Toomai of the Elephants” are considered. A comparative analysis of characteristic fragments of original texts and translations, made by K.I. Chukovsky and M.I. Klyagina-Kondratieva, being intended for readers of the first half of the last century in the USSR is carried out. Also, some of the author's semantic tools aimed at the children's audience of the Victorian era in England are analyzed.

Results and discussion. Basing on the results, we can see some examples of semantic means making it possible to adapt Kipling's original works about India, published in London in the 1890s, for the Soviet reader who was not familiar with the life in a remote southern country. Some of the author's linguistic tools aimed at Victorian era children's audience in England are also analyzed. A comparative analysis of the characteristic fragments of original texts and translations of fairy tales is carried out. Some specific features of the USSR discourse in the first half of the last century, when the translations of Kipling's fairy tales were first performed and published, the relevance of the heroic theme for that historical period have been considered. Also, various means of language, which, in our opinion, should contribute to successful interaction with the “target”, predominantly children's, readership, are discussed.

Conclusion. As the result of our research, we can conclude, that the general specific features of discourse related to that historical period, when Kipling's fairy tales were translated into Russian, turned out to be very favorable. Thanks to the skills of translators, as well as the appropriate historical conditions, fairy tales have found their readers. Moreover, these fairy tales, like other works by J. R. Kipling, remain popular still today.

Keywords: heroic discourse, fiction, poetry, fairy tale, literary translation, poetic translation, comparative analysis of texts

For citation: Atamanova, O.V. (2025), “Heroic Discourse in the Context of Translating English-Language Fairy Tales into Russian (J.R. Kipling's Works Used as the Example)”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 1, pp. 166–175. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-1-166-175 (Russia).

Введение. Понятие о героизме было актуально во все времена. На наш взгляд, оно тесно связано с тем «сверхчеловеческим» началом, к которому человек всегда стремился, которое служило контрастом обыденности повседневной жизни и, безусловно, в той или иной сте-

пени связано с религией, даже если формально противостоит ей. Проанализируем семантические особенности понятия «герой», особенности развития этого понятия, начиная от эпоса древнейших времен до произведений Нового и Новейшего времени. Особое внимание обратим на то, как это понятие представлено в английских сказках. Также обсудим лингвистические средства русского языка, использованные в переводах этих сказок.

Считаем необходимым отметить, что и в современных реалиях тема героизма и патриотизма имеет весьма важное значение.

Цель исследования – рассмотреть понятие о герое и героизме, неоднозначное во многом в контексте различных эпох, проследить эволюционный путь развития этого понятия с течением времени с учетом изменения условий жизни общества и, как следствие, изменений особенностей дискурса. Кроме того, выявить отличительные особенности героического дискурса, характерные для сказок Дж. Р. Киплинга, сопоставительным анализом оригинальных текстов и переводов определить общее и различие между этими особенностями и свойствами дискурса СССР первой половины XX в., когда переводы этих сказок были опубликованы.

Методология и источники. В качестве примера рассмотрены сказки Дж. Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави» (Rikki-Tikki-Tavi) и «Слоновый Тумай» (Toomai of the Elephants), опубликованные в конце XIX в. Выполнен сопоставительный анализ оригинальных текстов и переводов К. И. Чуковского [1] и М. И. Клягиной-Кондратьевой [2] в первой половине XX в., в эпоху драматических перемен, когда «героическая тема» играла важную роль в жизни общества. Метод позволяет выявить принципиальные различия простым сравнением и сопоставлением [3, с. 24–27, 40–41]. К другим методам относится метод сравнения семантических особенностей понятий, характерных для различных дискурсов [4, с. 157–158].

Результаты и обсуждение. По итогам анализа материала отметим в первую очередь, что само понятие «героизм» многомерно, тем не менее оно не может быть некорректно истолковано [5]. Семантика слова «герой» подразумевает смелость, самоотверженность, умение сохранять присутствие духа в самых сложных обстоятельствах. Однако ряд отличий все же очевиден.

1. Если в древнегреческих мифах мы видим героев с их божественным или наполовину божественным происхождением, а в скандинавских сагах и русских былинах – великанов или людей, наделенных сверхъестественной силой, то со временем такая богоизбранность постепенно теряет актуальность. Вероятно, это связано с изменениями в жизни общества, в ходе которых религия, особенно фанатичное, слепое поклонение высшим силам, играет все меньшую роль, все большее значение приобретает активная деятельность человека. В сказках, придуманных на излете Средневековья и позднее, сверхъестественному, конечно, есть место, но в распоряжении главного героя, в лучшем случае, оказывается какой-то волшебный предмет. Даже этого предмета он может лишиться, допустив нелепую ошибку или, хуже того, по забывчивости обратить его действие себе во зло. Чтобы исправить ситуацию, нужно проявить недюжинные качества, возможно, такие, которые раньше не проявлялись – отвагу, мужество, смекалку, т. е., то, что свойственно настоящему герою, не только литературному персонажу. Что касается сказок Киплинга, созданных уже в XIX в., то в них о волшебстве речь, как правило, не идет (более того, для жителей Индии это всего лишь повседневность), и героем может быть обычный человек или даже маленький зверек, наделенный, впрочем, человеческими качествами в лучших традициях сказок.

2. *Путь развития.* Вся биография персонажа древнего эпоса – цепь событий, подтверждающих его исключительность (мы помним, одна из могущественнейших богинь Олимпа, вероятно, приходилась герою родной матерью!) [6, с. 280; 7, с. 41], но эпизоды не служат ему уроком, и о развитии речь не идет. Тем не менее, учитывая сверхобычные возможности персонажа, их оказывается вполне достаточно для подвигов, достойных красивых сказаний. В этом смысле поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», написанную еще в XII в., можно считать исключением, едва ли не единственным. Ее героям, витязям Автандилу и Тариэлу, сомнения не чужды, а складывающиеся обстоятельства становятся для них полезным опытом. Однако вернемся к сказкам Киплинга. Для персонажей этих сказок повседневность зачастую предстает как что-то необычное, опасное, что случается с ними впервые. Как уже было отмечено, жизненные реалии экзотической южной страны, такой как Индия, где сам Киплинг прожил долгое время, для читателя из Европы (именно в Европе эти сказки впервые увидели свет) кажутся событиями абсолютно другого мира. Да, мы наблюдаем, например, за танцем слонов, что почти никому из простых смертных не удастся увидеть, а мальчику воспоминаний хватит на всю жизнь! Неопытность, сомнения в собственных возможностях часто по причине молодости или даже детского возраста могут очень помешать, а помочь могли бы мудрые наставники. Такие, например, были у Маугли, но он даже не всегда слушал их [8, р. 38–39]. Поэтому из второго пункта логично вытекает третий.

3. *Одиночество главного героя*, как во многих других случаях. Советчиком может оказаться и тот, к кому в принципе уважения нет (мускусная крыса Чучундра для Рикки-Тикки-Тави). Однако его (в русском переводе – ее) слова оказываются правдой. Поступок вопреки советам и правилам – это побег слона из неволи на службе человека и побег мальчика вслед за ним; мальчик – будущий погонщик слонов, и он, даже пока совсем ребенок, не может считать себя трусом или позволить себе поддаться страху или инстинкту самосохранения, а значит, отцовские наставления ему не указ. Здесь мы видим сложное противостояние: маленького друга, но будущего повелителя, с одной стороны, и животного, готового испытать человека на прочность, – с другой. Угроза жизни вполне реальна. Из третьего пункта следует четвертый.

4. *Отношение к смерти.* Вспомним, что в древних сказаниях героическая смерть – лучший итог жизни. «Только в смерти, в ее приятии, в поведении героя перед лицом ее завершается его становление. Чем беспримечнее его гибель, чем ужаснее и неслыханней ее обстоятельства, ... тем величественнее герой...» [6, с. 280 и далее]. «Герой изначально мыслится как мертвый», со смертью у него «интимные» отношения [там же]. Выбор славной смерти, а не жалкого существования – самый достойный выбор, отраженный во многих произведениях. С другой стороны, если учесть, что многие люди верили в жизнь после смерти, то, конечно, это могло служить утешением. Так, вспомним о душах воинов, согласно преданиям ацтеков, после смерти превращавшихся в красивые цветы, тогда как по их же, ацтеков, верованиям душа обычного человека, умершего от старости, уничтожалась навсегда [9, с. 83, 86].

У Киплинга ни одна из сказок не имеет печального финала. Можно говорить о хеппи-энде как о награде за преодоление – герои с честью выходят из создавшейся ситуации. Даже в случае сложного конфликта все разрешается наилучшим образом и, смеем предположить, что вера в счастливый исход, во многом иррациональная, оказывается спасительной. Это как раз то, что соответствует понятию о героизме, и мы знаем, что такие сказки нашли отклик в сердцах чи-

тателей во всем мире. Однако обратим внимание, что в нашей стране, когда сказки Киплинга были переведены на русский язык, дискурсивные особенности оказались во многом соответствующими контексту английских сказок, и эти произведения стали созвучны эпохе.

Далее отметим дискурсивные особенности, характерные для советского общества первой половины XX в. Очевидно, ни один переводчик в своей работе не мог и не может не ориентироваться на целевую читательскую аудиторию. Каковы же основные черты героического дискурса того времени? Вот одна, довольно красноречивая цитата: «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой» [10]. По мнению О. Л. Лейбовича, в это время в обществе работал «... социальный эскалатор, способный доставить человека с самой низшей ступени до самой высшей...» [11, с. 173–174]. Приведем также высказывание всемирно известного писателя Лиона Фейхтвангера: «Основным тоном Советского Союза и по сегодняшний день остался тон героический» [12, с. 47].

Таким образом, можно сказать о читателе той эпохи, что, безусловно, это был благодарный читатель. И далее перейдем к конкретным примерам – проведем сопоставление текстов оригиналов и переводов.

“This is the story of the great war that Rikki-tikki-tavi fought *single-handed*... Darzee, the tailor-bird, helped him, and Chuchundra, a musk-rat... gave him advice; but Rikki-tikki *did the real fighting*” [8, p. 163, здесь и далее курсив – О. А.]. / «Это рассказ о великой войне, которую вел *в одиночку* Рикки-Тикки-Тави... Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса... давала ему советы. Но *по-настоящему воевал он один*».

В данном примере мы видим аналогию с волшебной сказкой – у главного героя есть помощники, но рискует именно он.

Далее рассмотрим следующий вопрос: отношение к смерти – как оно представлено в детских сказках.

“If you read the old books, ... they say, when the mongoose fights the snake and happens to get bitten, he runs off and eats some herbs that cures him. That is not true. The victory is only a matter of quickness of eye and quickness of foot, – snake’s blow against mongoose’s jump, – and as no eye can follow the motion of a snake’s head, when it strikes, that makes things much more wonderful than any magic herb” [8, p. 174]. / «Когда тебе случится читать старые книги о разных животных, ты прочтешь, будто ужаленный змеей мангуст тотчас же убегает прочь и съедает какую-то травку, которая будто бы лечит его от укуса. Это неверно. Победа мангуста над коброй – в быстроте его глаз и лап. У кобры – укус, у мангуста – прыжок. И так как никакому глазу не уследить за движением змеиной головы, когда она хочет ужалить, этот прыжок мангуста чудеснее всякой волшебной травы» [1].

Здесь перевод, как видим, очень близок к оригиналу. Так как целевой аудиторией являются в основном дети, то деликатное отношение к смерти вполне объяснимо. И, если вспомнить, когда впервые была опубликована «Книга Джунглей», то для Англии это была Викторианская эпоха, время господства религиозных и семейных ценностей, многодетных семей, в которых не все дети доживали до взрослого возраста, часто видели смерть братьев и сестер. В отличие от героических сказок и саг, здесь высокая вероятность смерти романтизируется очень оригинально, но все же основная идея выражена однозначно: если герой ошибется, то случится непоправимое, и тогда ничто не поможет ему.

Приведем еще пример – герой буквально на волосок от смерти, но он в неведении об этом, поскольку молод и неопытен:

“If Rikki-Tikki had only known, he was doing the much more dangerous thing than fighting Nag, for Karait is so small, and can turn so quickly, that unless Rikki-Tikki bit him close to the back of the head, he would get the return-stroke in his eye or lip. But Rikki-Tikki *did not know*: his eyes were all red, and he rocked back and forth, looking for a good place to hold” [8, p. 177]. / «Поединок с Карайт был еще опаснее для Рикки, чем сражение с Нагом, потому что Карайт такая маленькая, такая юркая и ловкая змейка, что, если только Рикки не вопьется в нее сзади зубами чуть пониже головы, Карайт непременно ужалит его либо в глаз, либо в губу. Впрочем, Рикки этого *не знал*. Глаза у него совсем покраснели, он уже ни о чем не раздумывал, – он шел и раскачивался взад и вперед, выискивая, куда ему лучше вонзиться зубами».

Момент один из самых драматичных в этой истории, однако героический пафос и повседневность тесно связаны. Самый доблестный из героев иногда может выглядеть смешным, странноватым.

“...He danced up to Karait with the peculiar rocking, swaying motion that he inherited from his family. It looks very funny, but it is so perfectly balanced a gait, that you can fly off from any angle you please; and in dealing with snakes this is an advantage.” [8, p. 177]. / «...Он, приплясывая, подбежал к Карайт той особенной, неровной походкой враскачку, которую унаследовал от своих прародителей. Походка забавная, но очень удобная, потому что дает вам возможность сделать прыжок под каким угодно углом. А когда имеешь дело со змеями, это важнее всего» [1].

И здесь переводчик допускает вольность, во-первых, переведя слово «family» (семья) как «прародители», имея в виду, вероятно, родовые инстинкты и на них делая акцент. Во-вторых, «perfectly balanced» (идеально сбалансированная) переводится как «очень удобная», градус повествования снижается, таким образом, исходные, природные данные выглядят скромнее, а значит, основная героическая задача представляется более сложной.

И еще один пример.

“Rikki-Tikki knew he was a young mongoose and it made him all more pleased to think that he had managed to escape a blow from behind. It gave him confidence to himself, and when Teddy came running down the path, Rikki-Tikki was ready to be petted.” [8, p. 177]. / «Рикки-Тикки хорошо понимал, что он еще молодой и неопытный. Оттого ему было так радостно думать, что он изловчился увильнуть от нападения сзади. Он почувствовал большое уважение к себе и, когда по садовой дорожке подбежал к нему Тедди, он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его» [1].

Как видим, здесь есть некоторое расхождение в переводе по сравнению с оригиналом. «It gave him confidence» (буквально «это придало ему уверенности») К. И. Чуковским переведено как «он почувствовал большое уважение к себе», т. е. смысл оригинала, переводчиком значительно усилен. Далее, по тексту «Rikki-Tikki was ready to be petted» (буквально «Рикки-Тикки был готов к тому, чтобы его приласкали (погладили)») переведено как «он был не прочь позволить мальчугану, чтобы тот погладил его». Смысл передан, однако в переводе появляется некоторый оттенок снисходительности.

Теперь рассмотрим другую сказку Киплинга – «Слоновый Тумай» («тумай» – *погонщик*). Эта сказка также вошла в «Книгу Джунглей». Но герой у нее совсем другой – не ма-

ленький мангуст, а огромный слон, зовут его Кала Наг (по-индийски «Черный Змей»). И не молодость и неопытность беда его. Он достиг зрелого возраста, но долгие годы прожил в неволе, на службе у людей. Однажды он решается на побег. Когда темной ночью слоны собираются на огромной поляне и совершают свой удивительный танец, Кала Наг оказывается среди своих, и для него это – величайшая радость.

Однако, сложность идеи в том, что в сказке слон не единственный герой. Маленький мальчик, сын погонщика слонов, мечтает, что со временем тоже станет погонщиком, как и его отец. И этот мальчик оказывается на спине у слона в тот момент, когда Кала Наг совершает побег. Все, что мальчуган видит и слышит в эту ночь, вообще не предназначено для глаз и ушей человека, и оно, безусловно, поражает его воображение.

Для каждого из персонажей появление на поляне – поступок героический, но по разным причинам. Интересы их противоположны. Понимая, что побег опасен для жизни маленького, но амбициозного человека, слон тем не менее не готов проявить снисхождение – просто берет его к себе на спину и отправляется в путь. В конце истории мальчик жив и здоров, правда, измучен долгим и опасным путешествием. Итак, кто же из них герой в таком случае? Герои оба. Однако у каждого правда своя.

Героическая тема задается уже в эпитафии:

I will remember what I was, I am sick of rope and chain.

I will remember my old strength and all my forest affairs.

I will not sell my back to man for a bungle of sugar-cane

I will go out to my own kind, and the wood-folk in their lairs.

I will go out until the day, until the morning break,

Out to the wing's untainted kiss, the water's clean caress:

I will forget my ankle-ring and map my picket-stake.

I will revisit my lost loves, and playmates masterless! [8, p. 201]

Кем раньше я был? О, проклятье железных цепей!

О, дикое счастье забытой свободы моей!

Я проклят неволей и ей не подставлю бока

За мягкость постели, за сладкий пучок тростника.

Встречайте же, джунгли! Еще не забрезжил рассвет.

Разорваны путы, трещит частокола пикет.

Ветров поцелуями, лаской нетронутых вод,

Забытыми играми – юность во мне оживет. (Перевод – О. А.)

Я вспомню, кем я прежде был, мне цепь моя тяжка,

Я вспомню всю лесную жизнь и силу юных дней.

Я не хочу служить, как раб, за ворох тростника,

Я уйду домой, к зверью, подальше от людей.

Я уйду в ночную тень, до наступленья дня;

Приму я ветра поцелуй и ласку чистых вод,

Я позабуду, как ходил, ножным кольцом звеня,

Я навещу своих друзей, не знающих господ! [2]

Но сначала обратимся к предыстории. Итак, молодой слон, пойманный вместе с матерью, отныне на службе у людей, точнее, у индийского правительства. И он уважаем, стар, мудр, и сам помогает усмирять непокорных как никто другой. Тем не менее храбрость все равно остается при нем.

“His mother, Radha Pyari, – Radha the darling, – who had been caught in the same drive with Kala Nag, told him, before his little milk-tusks had dropped out, that elephants, who were afraid, always got hurt...” [8, p. 201–202]. / «Его мать Радха Пияри – Радха Милая, – пойманная вместе с ним, говорила ему, еще до того, как у него выпали маленькие молочные бивни, что, когда слоны пугаются, они непременно попадают в беду» [2].

И, вероятно, храбрость помогает избежать еще больших бед.

“...There is nothing that the Black Snake fears except me. He has seen three generations of us feed him and groom him, and he will live to see the four.

– He is afraid of *me* also’ – said Little Toomai, standing up to his full height of four feet, with only one rag upon him” [8, p. 206]. / «...– Черный Змей никого не боится, кроме меня. Он видел, как три поколения нашего рода кормили его и ходили за ним, и увидит четвертое.

– Он и *меня* боится, – говорил прикрытый одной лишь тряпкой Маленький Тумай, вытянувшись во весь свой четырехфутовый рост» (четыре фута равны примерно ста двадцати сантиметрам) [2].

Здесь, как видим, перевод выполнен очень близко к оригиналу. Далее следует рассказ о том, как, услышав призыв дикого слона – слон трубил в хобот – все слоны, состоявшие на службе, ринулись в чащу леса, чтобы устроить великолепную слоновью пляску.

Итак, в обеих сказках Кипплинга, рассмотренных нами, героическая тема раскрыта очень по-разному. Для Рикки-Тикки-Тави очевидно, кто друг, кто враг, а опасная борьба мангуста со змеями, с одной стороны, следование родовому инстинкту, но в героическом контексте (мы помним, все животные в сказках чем-то похожи на людей) – это жизнь по заветам предков и чудесный шанс стать гордостью своей семьи, своего рода. В случае с маленьким погонщиком, все несколько сложнее. Мальчик пока еще мал, его время не пришло, но он думает о будущем и видит, что слон может легко уничтожить человека, а значит, чтобы заставить сильное животное подчиниться себе, нельзя быть слабым духом, глупым, эгоистичным.

Таковы герои сказок, рассмотренных нами. Отметим, что их общая черта – стремление превзойти себя и совершить то, что казалось невозможным.

Заключение. Подводя итог, отметим, что героический дискурс английских сказок Дж. Р. Кипплинга пришелся очень кстати для советского читателя. Эпоха 1930-х гг. была временем становления диктатур и начала жестоких войн в Европе, пафос героики и стремления к свободе был актуален как никогда. Однако «Книга Джунглей» также популярна и в наши дни. По мотивам сказки о Рикки-Тикки-Тави сняты художественный и мультипликационный фильмы, в Театре эстрады Санкт-Петербурга можно посмотреть спектакль. Другие сказки известны меньше, но все они по-прежнему любимы детьми.

И сегодня, несмотря на популярность английского языка, мы видим разные варианты переводов произведений англоязычных писателей. И неизменен интерес к творчеству Кипплинга – не только к его прекрасным детским сказкам, но и к стихам. Добавим, кстати,

что в стихах этого автора представлена и обратная сторона героической темы – в них, например, рассказ о казарменной жизни, о солдатах, чей подвиг и тяжелый труд забыт, как только наступило мирное время.

Итак, тема героизма была и остается разнообразной, разноплановой, она давала жизнь лучшим литературным произведениям на протяжении всей истории развития общества. Современный героический дискурс является дискурсом человека деятельного и творческого, стремящегося создать «лучшую версию себя». Без сомнения, поэмы и сказки, написанные в контексте такого дискурса, находят своего читателя и слушателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киплинг Дж. Р. Рикки-Тикки-Тави / пер. с англ. К. И. Чуковского // Litra.top. URL: <https://litra.top/book/knigi-dzhungley/page-10.html> (дата обращения: 09.10.2024).
2. Киплинг Дж. Р. Слоновый Тумай / пер. с англ. М. И. Клягиной-Кондратьевой // Ino-lit.ru. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/1390/91094/Kipling/slonovuj-tumaj.htm> (дата обращения: 09.10.2024).
3. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: Ритм, 2019.
4. Бажалкина Н. С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2016. № 1 (65). С. 156–159.
5. Соколова Б. Ю. Понятие «герой»: проблемы интерпретации // Вестн. культурологии. 2021. № 3 (98). С. 9–28. DOI: 10.31249/hoc/2021.03.01.
6. Михайлин В. Ю. Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурных традициях // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 278–320.
7. Гуревич А. Я. Эдда и сага. М.: Наука, 1979.
8. Kipling R. The Jungle Book. Ware: Wordsworth Edition Ltd., 1993.
9. Брей У. Ацтеки: быт, религия, культура / пер. с англ. Т. Е. Любовской. М.: Центрполиграф, 2005.
10. Лебедев-Кумач В. И. Марш веселых ребят // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/poems/48210/marsh-veselykh-rebyat> (дата обращения: 10.10.2024).
11. Лейбович О. Л. «Мы беззаветные герои все...»: героический дискурс и культ знаменитостей в 1930-е годы // Вестн. Перм. гос. ун-та. История. 2022. № 3 (58). С. 173–180. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-173-180.
12. Фейхтвангер Л. Москва, 1937. Отчет о поездке для моих друзей / пер. с нем. М.: Худ. лит., 1937.

Информация об авторе.

Атаманова Ольга Викторовна – кандидат филологических наук (2013), доцент кафедры английского языка Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, ул. Фучика, д. 15, Санкт-Петербург, 192238, Россия. Член Союза писателей России (2009, поэзия). Автор более 50 научных публикаций и восьми книг. Сфера научных интересов: лингвистическая статистика текста, сопоставительный анализ текстов, измененное состояние сознания, синергетика, художественный перевод.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 05.11.2024; принята после рецензирования 10.12.2024; опубликована онлайн 20.02.2025.*

REFERENCES

1. Kipling, J.R., *Rikki-Tikki-Tavi*, Transl. by Chukovskii, K.I., *Litra.top*, available at: <https://litra.top/book/knigi-dzhungley/page-10.html> (accessed 09.10.2024).
2. Kipling, J.R., *Toomai of the Elephants*, Transl. by Klyagina-Kondrat'eva, M.I., *Ino-lit.ru*, available at: <http://ino-lit.ru/lit/text/1390/91094/Kipling/slonovyj-tumaj.htm> (accessed 09.10.2024).
3. Konopel'ko, I.P. (2019), *Sopostavitel'nyi analiz v issledovanii i prepodavanii yazyka* [Comparative analysis in research and teaching language], Ritm, Voronezh, RUS.
4. Bazhalkina, N.S. (2016), "To the problem of different approaches to the discourse analysis in modern linguistics", *Bulletin of Kemerovo State Univ.*, no. 1 (65), pp. 156–159.
5. Sokolova, B.Yu. (2021), "The "hero" Concept: the Problems of Interpretation", *Herald of Culturology*, no. 3 (98), pp. 9–28. DOI: 10.31249/hoc/2021.03.01.
6. Mikhailin, V.Yu. (2001), "Between the wolf and the dog, a heroic discourse of early Medieval and Soviet culture traditions", *New Literary Observer*, no. 1 (47), pp. 278–320.
7. Gurevich, A.Ya. (1979), *Edda i saga* [Edda and saga], Nauka, Moscow, USSR.
8. Kipling, R. (1993), *The Jungle Book*, Wordsworth Ed. Ltd, Ware, UK.
9. Bray, W. (2005), *Everyday Life of the Aztecs*, Transl. by Lyubovskaya, T.E., Tzentrpoligraf, Moscow, RUS.
10. Lebedev-Kumach, V.I. *Marsh veselykh rebyat* [March of the merry guys], *Culture.ru*, available at: <https://www.culture.ru/poems/48210/marsh-veselykh-rebyat> (accessed 10.10.2024).
11. Leybovich, O.L. (2022) "'We all are Selfless Heroes...': Heroic Discourse and the Cult of Celebrity in the 1930s", *Perm Univ. Herald. History*, no. 3 (58), pp. 173–180. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-173-180.
12. Feuchtwanger, L. (1937), *Moskau 1937: ein Reisebericht für meine Freunde*, Transl., Khud. lit., Moscow, USSR.

Information about the author.

Olga V. Atamanova – Can. Sci. (Philology, 2013), Associate Professor at the Department of English Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 15, Fuchika str., 192238, St Petersburg, Russia. Member of the Union of Writers of Russia (2009, poetry). The author of more than 50 scientific publications and eight books. Area of expertise: linguistic statistics of texts, comparative analysis of texts, altered state of consciousness, synergetic theory, literary translation.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 05.11.2024; adopted after review 10.12.2024; published online 20.02.2025.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 19.02.25. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 23,4. Печ. л. 22,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 11.
Цена свободная.

Signed to print 19.02.25. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 23,4. Conventional printed sheets 22,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 11.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Журнал «Дискурс» издается по тематическим направлениям в соответствии с тремя группами специальностей научных работников:

- **Философия**
- **Социология**
- **Языкознание**